

Предисловие к первому изданию

Это небольшое сочинение¹ — результат предпринятой мной по просьбе издателя работы по подготовке ко второму изданию статьи «Новые пути психологии», вышедшей в 1912 г. в ежегоднике издательства Рашера. Предлагаемое сочинение представляет собой, таким образом, прежнюю статью в измененной форме и увеличенном объеме. В той статье я ограничился изложением одной существенной части открытого Фрейдом способа психологического исследования. Ввиду многообразных и значительных изменений, произошедших в психологии бессознательного в последние годы, я был вынужден существенно расширить объем моей прежней статьи. Различные рассуждения о Фрейде здесь сокращены, но зато принята во внимание психология Адлера и, насколько это представлялось возможным в рамках настоящего сочинения, было дано также общеориентирующее изложение моих собственных взглядов. Я должен обратить внимание читателя на то, что здесь речь идет об изложении, которое из-за своего довольно сложного материала требует значительного терпения и внимания. Я отнюдь не считаю, что это сочинение в каком-либо отношении является окончательным или достаточно убедительным. Зтому требованию могли бы удовлетворить лишь обширные научные труды, посвященные отдельным затронутым в этой работе проблемам. Поэтому тому, кто хочет глубже вникнуть в затронутые вопросы, я советую обратиться к специальной литературе. Мое намерение состоит лишь в том, чтобы дать определенную ориентацию относительно совре-

¹ *Die Psychologie der unbevurteilten Prozesse*. 1917.

менных взглядов на сущность психологии бессознательного. Я считаю проблему бессознательного настолько важной и актуальной, что, по-моему, было бы большой потерей, если бы эта проблема, столь близко затрагивающая каждого, будучи отправленной «в ссылку» на страницы какого-нибудь специального научного журнала, выпала из поля зрения образованных непрофессионалов, чтобы влачить призрачное бумажное существование на библиотечной полке. Психологические процессы, сопровождающие современную войну,— прежде всего невероятная деградация общепринятых суждений, взаимная клевета, небывалая страсть к разрушению, неслыханные потоки лжи и неспособность людей остановить кровавого демона,— как ничто другое способны с настойчивостью обратить взор мыслящего человека на проблему хаотического бессознательного, беспокойно дремлющего под упорядоченным миром сознания. Эта война неумолимо доказала культурному человеку, что он еще варвар, и вместе с тем показала, какая кара уготовлена ему, если, скажем, ему еще раз взбредет в голову возложить ответственность за свои собственные дурные качества на своего ближнего. *Психология отдельного человека, однако, соответствует психологии наций.* То, что делают нации, то делает и каждый отдельный человек, *и пока он это делает, это делает и нация.* Лишь изменение установки отдельного человека становится началом изменения психологии нации. Великие проблемы человечества еще никогда не решались посредством всеобщих законов, но всегда *решались лишь посредством обновления установки отдельного человека.* Если и было время, когда самоосознание было безусловно необходимым и единственно правильным, то это — наша современная катастрофическая эпоха. Но каждый, кто осознает самого себя, сталкивается с границами бессознательного, которое как раз содержит именно то, что" прежде всего необходимо было бы знать.

Предисловие ко второму изданию

Я рад, что этому небольшому сочинению посчастливилось в столь короткий срок пережить второе издание, несмотря на то что его содержание многим, разумеется, нелегко понять. Я в основном оставляю второе издание неизменным, за исключением небольших изменений и исправлений, хотя вполне осознаю, что именно последние главы в силу чрезвычайной трудности и новизны материала требовали бы гораздо более пространной разработки, чтобы легко найти всеобщее понимание. Однако более подробное рассмотрение изложенных там основоположений настолько выходило бы за рамки более или менее популярно ориентирующего сочинения, что я предпочел разобрать эти вопросы с подобающей им подробностью в отдельной книге, которая сейчас готовится к изданию².

Из многих писем, которые я получил после выхода в свет первого издания, мне стало ясно, что и среди широкой публики интерес к проблемам человеческой души намного живее, чем я ожидал. Этот интерес можно было бы в немалой степени объяснить тем глубоким потрясением, которое наше сознание пережило во время мировой войны. Вид этой катастрофы отбрасывает человека с чувством полной беспомощности назад к себе самому; это чувство обращает его вовнутрь, и поскольку все шатается, то он ищет нечто, что дает ему опору. Слишком многие еще ищут вовне; одни верят в обман победы и победоносную власть, другие верят в договоры и законы, а третьи — в разрушение существующего порядка. Еще слишком мало тех, кто ищет внутри, в своей самости, и еще слишком мало тех, кто задает себе вопрос, не полезнее ли было бы в конце концов для общества, если бы каждый сначала у себя самого, исключительно на своей собственной личности и в своем собственном внутреннем государстве подверг испытанию и то устранение прежнего порядка, и те законы, и те победы, о которых он проповедует на каждом углу,— вместо того, чтобы требовать этого от окружающих. Каждому отдельному человеку необходи-

² *Psychologische Typen. Ges. Werke, Bd. 6.*

мы переворот, внутреннее раздвоение, разложение устойчиво существующего и обновление, а не навязывание всего этого окружающим под лицемерным предлогом христианской любви к ближнему или чувства социальной ответственности — или какие бы там еще ни находились красивые слова для обозначения бессознательной личной жажды власти. Самоосознание отдельного человека, возвращение индивида к основе человеческой сущности, к своей собственной сущности и ее индивидуальной и социальной определенности есть начало для исцеления от слепоты, которая правит сегодняшним днем.

Интерес к проблеме человеческой души есть симптом этого инстинктивного возвращения к самому себе. Этому интересу пусть служит мое сочинение.

Кюснахт—Цюрих, октябрь 1918 г.

Автор

Предисловие к третьему изданию³

Эта работа была написана во время мировой войны и своим возникновением существенно обязана психологическому резонансу великого события. Теперь война позади, и произведенные этим потрясением волнения начинают медленно утихать. Но великие проблемы человеческой души, которые подняла война, все еще занимают душу и дух всех тех, кто мыслит и ищет. Вероятно, благодаря этому обстоятельству настоящее небольшое сочинение пережило и послевоенную эпоху и теперь выходит в свет третьим изданием. Ввиду того что со времени выхода второго издания прошло семь лет, я счел необходимым сделать довольно крупные изменения и исправления: в особенности в главах о типах и о бессознательном. Главу «Развитие типов в аналитическом процессе» я полностью опустил, так как за это время данный вопрос был подробно разработан в моей книге «Психологические типы», к которой я по этому поводу и предлагаю обратиться.

³ В третьем издании название было изменено следующим образом: *Das Unbewusste im normalen und kranken Seelenleben*.

Всякий, кто уже пробовал писать, так сказать, популярно о чрезвычайно сложной материи, которая находится в стадии научного становления, согласится со мной, что это непростая задача. Но трудность усугубляется еще тем фактом, что многие душевные процессы и проблемы, которые мне приходится разбирать, разумеется, почти совершенно неизвестны. Многое сталкивается, возможно, с предрассудками или может показаться произвольным; но надо учитывать, что задача такого сочинения может состоять самое большое лишь в том, чтобы дать приблизительное понятие о своем материале и тем самым возбудить к нему интерес, а вовсе не в том, чтобы входить во все детали рассуждений и доказательств. Если эта небольшая книга отвечает такой задаче, то я вполне удовлетворен.

Кюснахт—Цюрих, апрель 1925 г.

Автор

Предисловие к четвертому изданию

За исключением некоторых исправлений, четвертое издание выходит без изменений. Из многочисленных откликов моей публики я узнал, что особый интерес вызвала идея коллективного бессознательного, которому я посвятил главу в этой работе. Поэтому я хотел бы обратить внимание моих читателей на последние выпуски ежегодника *Eranos-Jahrbuch* (Rheinverlag), которые содержат весьма значительные в этом отношении работы различных авторов. Предлагаемая книга не претендует на то, чтобы дать, так сказать, развернутую информацию об аналитической психологии в ее полном объеме; поэтому многое здесь остается лишь намеченным, а кое-что вовсе не упоминается. Я надеюсь, однако, что она и в дальнейшем будет выполнять свою скромную задачу.

Кюснахт—Цюрих, апрель 1936 г.

Автор

*Предисловие к пятому изданию**

Со времени последнего, не содержащего изменений издания прошло шесть лет; мне поэтому показалось своевременным при подготовке к теперешнему новому изданию подвергнуть эту книжку о бессознательном основательному пересмотру. Это дало возможность устранить многие недостатки и излишества. Такой трудный и сложный материал, как психология бессознательного, служит источником не только новых знаний, но и заблуждений. Перед нами еще необозримая область неизведанного, куда мы пытаемся проникнуть, и лишь окольными путями открываем мы прямую дорогу. Хотя я старался отразить в своем тексте как можно больше новых точек зрения, все же читателю не следует здесь ожидать сколько-нибудь полного изложения всех основных моментов современного психологического знания в этой области. В этом популярном сочинении я излагаю лишь некоторые из самых существенных взглядов, относящихся как к медицинской психологии, так и к моему собственному исследовательскому направлению, — и все это лишь в масштабах введения. Основательное знание может быть приобретено, с одной стороны, лишь посредством изучения специальной литературы, а с другой — посредством практического опыта. Я в особенности хотел бы рекомендовать тем читателям, которые хотят получить подробные знания в этой области, не только изучить основные труды по медицинской психологии и психопатологии, но также основательно просмотреть учебники по психологии. Это — наиболее верный способ получить необходимое знание о месте и значении медицинской психологии.

Из этого сравнительного изучения станет понятно, насколько оправданы жалобы Фрейда на «непопулярность» его психоанализа и собственное мое ощущение, что я нахожусь в изоляции. Думаю, не будет преувеличением, если я скажу, что представления современной медицинской психологии имеют еще слишком мало доступа в науку, представленную в университетах, хотя иногда, в противоположность тому, что было раньше,

⁴ Название изменено на: *Ober die Psychologie des Unbewußten*.

дело доходит до заслуживающих признания исключений. Новые идеи, которые не просто привлекательны, как правило, требуют по меньшей мере одного поколения, чтобы иметь возможность утвердиться, а психологические новшества, возможно, еще больше, так как особенно в этой области каждый, так сказать, считает себя авторитетом.

Кюснахт—Цюрих, апрель 1942 г.

Автор

I

ПСИХОАНАЛИЗ

Врач, так называемый невропатолог, нуждается в психологических занятиях, если он хочет помочь своим пациентам, ибо нервные расстройства — во всяком случае, все то, что называют «нервозностью», истерией и т. д., — имеют психическое происхождение и логически требуют психотерапевтического подхода. Холодная вода, свет, воздух, электричество и т. д. оказывают преходящее действие, а порой и вовсе неэффективны. То, что заставляет больного страдать, — это его душа, и притом в ее сложнейших и высших функциях, которые теперь уже едва ли осмеливаются причислить к сфере медицины. Здесь врач должен быть также психологом, т. е. знатоком человеческой души.

Раньше, более пятидесяти лет назад, с психологической подготовкой врача дело обстояло еще довольно плохо. Его учебник по психиатрии ограничивался лишь клиническим описанием и систематизацией душевных болезней, а преподаваемая в университетах психология была либо философией, либо так называемой экспериментальной психологией, начало которой положил Вильгельм Вундт¹. Школа Шарко (Salpetriere*, Париж) дала первые импульсы развитию психотерапии неврозов: Пьер Жане² начал свои эпохальные исследования психологии невротических состояний, а Бернхейм³ в

¹ *Grundzüge der physiologischen Psychologie*, 5. Aufl. 1902.

² *L'Automatisme psychologique*, 1889; *Nivroses et idées fixes*, 1898.

³ Hippolyte Benheim, *De la Suggestion et de ses Applikations a la Therapeutique*, 1886. Немецкое издание З. Фрейда: *Die Suggestion und ihre Heilwirkung*, 1888.

* Название больницы.

Нанси с большим успехом снова возродил в свое время забытую инициативу Льебо⁴ по лечению неврозов суггестивным методом. Зигмунд Фрейд перевел книгу Бернхейма, которая стала значительным импульсом его собственного творчества. Психологии неврозов и психозов тогда еще не было. Именно Фрейд, и в этом его бессмертная заслуга, заложил основы психологии неврозов. Его учение исходило из практического опыта лечения неврозов, т. е. из опыта применения метода, который он назвал *психоанализом*.

Предваряя более подробное изложение, следует кое-что сказать об отношении к обозначенной проблеме прежней науки. Здесь мы наблюдаем любопытную картину, снова подтверждающую замечание Анатоля Франса: «Les savants ne sont pas curieux»*. Первая крупная работа⁵ в этой области с трудом вызвала едва слышный отклик, хотя она дала совершенно новое понимание неврозов. Некоторые авторы отзывались об этом с одобрением и вместе с тем на следующей же странице продолжали рассматривать случаи истерии по-старому. Они поступали примерно так, как если бы кто-то признавал идею или факт шаровидной формы Земли и при этом спокойно продолжал представлять Землю в виде диска. Следующие публикации Фрейда вообще остались без внимания, хотя они, в частности, содержали наблюдения, имевшие для психиатрии неоценимое значение. Когда Фрейд в 1900 г. написал первый труд по психологии сновидений⁶ (до этого в данной области господствовал почти полный мрак), это вызвало смех, а когда около 1905 г. он выпустил книгу о психологии сексуальности⁷, это вызвало брань. И не в последнюю очередь именно этот поток «ученого негодования» способствовал чрезвычайно широкой известности, простирающейся далеко за пределы науки.

Мы должны поэтому несколько ближе рассмотреть эту новую психологию. Уже во времена Шарко знали,

⁴ A. A. Liebault, *Du Sommeil et des etats analogues considers au point de vue de l'action du moral sur le physique*, 1866.

⁵ Breuer und Freud, *Studien iiber Hysterie*, 1895.

⁶ *Die Traumdeutung*, 1900.

⁷ *Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie*, 1905.

* «Ученые нелюбопытны» (фр.).

что невротический симптом носит «психогенный» характер, т. е. исходит от души. Знали также, а именно благодаря работам школы Нанси, что любой истерический симптом может быть вызван посредством суггестии. Равным образом знали, благодаря исследованиям Жане, о психомеханических условиях такого нарушения функций истерического характера, как анестезия, парез, паралич и амнезия. Однако не было известно, *каким образом коренится в душе истерический симптом*; психические причинные взаимосвязи были совершенно неизвестны. В начале восьмидесятых годов д-р Брейер, венский врач старой школы, сделал открытие, которое, собственно, стало началом новой психологии. У него была молодая, весьма интеллигентная пациентка, которая страдала истерией, в частности, со следующими симптомами: спастический (сковывающий) паралич правой руки, возникающие время от времени «отсутствующие», или сумеречные, состояния сознания; она также настолько утратила способность к речи, что уже не владела своим родным языком, но могла еще изъясняться по-английски (так называемая систематическая афазия). В то время существовали попытки выдвинуть анатомические теории подобных нарушений, хотя в мозговых центрах, обеспечивающих функцию руки, столь же мало наличествовало какое-либо повреждение, как и у нормального человека. Симптоматология истерии имеет много примеров нарушения сенсорных функций. Одна дама, которая в результате истерического возбуждения полностью потеряла слух, имела обыкновение довольно часто петь. Однажды, как раз тогда, когда пациентка пела песню, ее врач незаметно сел за фортепиано и стал тихо ей аккомпанировать; при переходе от одной строфы к другой он внезапно изменил тональность, в ответ пациентка, сама не замечая этого, стала петь дальше в измененной тональности. Итак: она слышит и... не слышит. Сходными явлениями представляются различные формы систематической слепоты. Один мужчина страдал полной слепотой истерического происхождения. В ходе лечения он снова обретает свою зрительную способность, но сначала и притом довольно долго лишь частично, а именно: он видит все, за исключением людских голов. Всех окружаю-

щих людей он видит без голов. Итак, он видит и... не видит. Благодаря большому числу подобного рода наблюдений было установлено, что лишь сознание больного не видит и не слышит, тогда как в остальном функция зрения находится в полном порядке. Эти факты прямо противоречат сущности органического нарушения, которое всегда влечет за собой нарушение самой функции.

Вернемся после этого отступления к случаю, приведенному Брейером. Органические причины нарушения отсутствовали; случай поэтому следовало понимать как истерический, т. е. психогенный. Брейер заметил, что когда он заставлял пациентку во время ее искусственно вызванных или спонтанных сумеречных состояний рассказывать о своих навязчивых воспоминаниях и фантазиях, то ее состояние затем в каждом случае на несколько часов облегчалось. Это наблюдение он планомерно использовал для дальнейшего лечения. Пациентка придумала для этого удачное название «talking cure»* или — в шутку — также «chimney sweeping»**.

Пациентка заболела, когда ухаживала за своим смертельно больным отцом. Понятно, что ее фантазии были связаны главным образом с этим полным переживанием времени. В сумеречных состояниях реминисценции того времени снова выступали с фотографической точностью, и притом вплоть до последних деталей настолько отчетливо, что пришлось предположить, будто бодрствующая память никогда и не была в состоянии действовать столь пластично и точно. (Это нередко встречающееся в состояниях сужения сознания обострение способности воспоминания называют гипермнезией.) Выявились удивительные вещи. Один из многочисленных рассказов был примерно таким.

Однажды ночью она сидела с охваченным сильным жаром больным, в большой тревоге и напряженном ожидании, так как из Вены должен был приехать хирург для операции. Мать на некоторое время ушла, и Анна (пациентка) сидела у постели больного, положив правую руку на спинку стула. Она стала грезить наяву

* «Лечение разговором» (англ.).

** «Чистка дымохода» (англ.).

и увидела, как от стены к больному приближается черная змея, чтобы укусить его. (Весьма вероятно, что на поляне за домом действительно встречались змеи, которых девушка уже раньше пугалась и которые теперь давали материал для галлюцинаций.) Она хотела отогнать животное, но была словно парализована; правая рука, свисавшая со спинки стула, словно онемела, лишилась чувствительности и способности двигаться, и, когда она смотрела на нее, пальцы превращались в маленьких змей с головами мертвецов. Вероятно, она пыталась прогнать змею парализованной правой рукой. Поэтому потеря чувствительности и двигательной способности руки оказалась в ассоциативной связи с галлюцинацией со змеями. Когда галлюцинация прошла, она в страхе хотела молиться, но все языки отказались ей служить, ни на одном не могла она говорить до тех пор, пока наконец не вспомнила один английский детский стишок и смогла тогда продолжать думать и молиться на этом языке.

Такова была ситуация, в которой возникли паралич и нарушение речи; в процессе проговаривания этой ситуации устранялось и само нарушение. И таким способом, судя по всему, этот случай вообще был излечен.

Здесь я вынужден ограничиться лишь одним примером. В цитированной книге Брейера и Фрейда подобных примеров приведено множество. Понятно, что такого рода ситуации производят весьма сильное действие и впечатление, и поэтому легко допустить их причинное значение для возникновения симптома. Господствовавшая тогда в учении об истерии теория «*pegrvous shock*»*, имеющая английское происхождение и энергично поддерживаемая Шарко, была способна объяснить открытие Брейера. Отсюда произошло так называемое учение о травмах, согласно которому истерический симптом (и — поскольку симптомы в их совокупности составляют болезнь — истерия вообще) имеет своим источником душевные травмы (*Traumata*), следы которых неосознанно сохраняются годами. Фрейд, вначале работавший с Брейером, мог весьма основательно подтвердить это открытие. Оказалось, что ни один из

* «Нервного шока» (англ.).

сотен истерических симптомов не возникает случайно, а всегда имеет причину в душевных событиях. В этом отношении новая концепция открывала простор для эмпирической работы. Но творческий дух Фрейда не мог долго оставаться на этой поверхности, ибо уже вставали более глубокие и трудные проблемы. Понятно, разумеется, что моменты сильного страха, подобные тем, которые переживала пациентка Брейера, могут оставлять долго сохраняющиеся следы. Однако как вообще случается такое, что именно она переживала такие моменты, которые ведь уже сами по себе имеют весьма отчетливую печать патологии? Может быть, это вызвано напряженным уходом за больным? Но тогда подобное должно было бы случаться гораздо чаще, ибо, к сожалению, необходимость напряженного ухода за больными не редкость, а нервное здоровье сиделки и без того не всегда бывает на высоте. На эту проблему в медицине есть замечательный ответ; говорят: «в задаче — это предрасположенность». Некто «предрасположен» именно к таким вещам. Но проблема Фрейда была такова: в чем состоит предрасположенность? Такая постановка вопроса логически вела к исследованию предыстории психической травмы. Ведь мы часто наблюдаем, как вызывающие нервное возбуждение ситуации весьма по-разному воздействуют на различных участников или как вещи, которые одним безразличны или даже приятны, другим внушают величайшее отвращение, например лягушки, змеи, мыши, кошки и т. д. Случается, что женщины спокойно ассистируют при кровавых операциях, однако прикосновение кошки заставляет их содрогаться всем телом от ужаса и отвращения. Мне известен случай одной молодой дамы, которая страдала тяжелой истерией, явившейся следствием неожиданного испуга. Она была однажды на званом вечере, и, когда около 12 часов ночи возвращалась домой в сопровождении нескольких знакомых, сзади вдруг быстрой рысью на них выскочил экипаж. Все, кроме нее, отступили в сторону; она же, гонимая страхом, осталась на середине улицы и побежала прочь прямо перед лошадьми. Кучер шелкал кнутом и выкрикивал ругательства, но тщетно: она пробежала вниз всю улицу, которая вела к мосту. Там силы ее оставили, и,

чтобы не попасть под лошадей, она в полнейшем отчаянии хотела прыгнуть в реку, однако прохожим удалось ей помешать. Эта же самая дама в С.-Петербурге, в тот самый кровавый день 22 января 1905 г., оказалась случайно на улице, которую солдаты как раз «очищали» залповым огнем. Справа и слева от нее падали убитые и раненые; она же, сохраняя полнейшее спокойствие и присутствие духа, заметила ведущие во двор ворота, через которые ей удалось выбраться на другую улицу и спастись. Эти страшные мгновения не вызвали у нее впоследствии никаких осложнений. Она чувствовала себя потом вполне здоровой и была даже в лучшем расположении духа, чем обычно.

Сходное в принципе поведение можно наблюдать достаточно часто. Отсюда с необходимостью вытекает вывод, что интенсивность травмы сама по себе, очевидно, малозначительный патогенный фактор, но сама травма, надо полагать, имеет для пациента особое значение; т. е. нельзя сказать, что шок сам по себе при любых обстоятельствах имеет патогенный характер,—напротив, чтобы оказать свое действие, он должен сочетаться с некоторой особой психической предрасположенностью, которая при определенных обстоятельствах выражается в том, что пациент бессознательно придает шоку особое значение. Тем самым найден ключ к тайне предрасположенности. Мы должны, таким образом, задать себе вопрос: каковы особые обстоятельства той ситуации с экипажем? Страх охватил даму, когда она услышала топот приближающихся лошадей; ей на мгновение показалось, что здесь заключен страшный злой рок, что это означает ее смерть или еще что-нибудь ужасное; и тогда она уже совсем потеряла рассудок.

То, что оказало действие, исходило, очевидно, от лошадей. Предрасположенность пациентки к тому, чтобы столь нелепым образом отреагировать на это незначительное событие, могла, таким образом, состоять в том, что лошади для нее означают нечто особенное. Можно было бы предположить, что она, например, однажды пережила какой-либо связанный с лошадьми опасный случай. Так на самом деле и оказалось. Ей было около семи лет, когда во время ее катания со

своим кучером лошади испугались и бешено помчались по направлению к высокому и отвесному берегу реки. Кучер прыгнул и кричал ей, чтобы она сделала то же самое, на что она из-за смертельного страха едва смогла решиться. Но она все же прыгнула вовремя, тогда как лошади вместе с каретой разбились вдребезги. То, что такое событие оставляет глубокие следы, едва ли нуждается в доказательстве. Однако это не объясняет, почему впоследствии вполне безобидный намек на сходную ситуацию вызвал столь неадекватную реакцию. Пока нам известно лишь то, что позднейший симптом имел свой пролог еще в детстве. В чем здесь состоит патология, пока неясно. Чтобы проникнуть в эту тайну, нам нужна еще дополнительная информация. А именно: накопленный опыт показал, что во всех до сих пор проанализированных случаях наряду с травматическими жизненными событиями имеют место особого рода нарушения, относящиеся к сфере эротики. «Любовь», как известно, понятие растяжимое, простирающееся от небес до преисподней, объединяющее в себе добро и зло, высокое и низкое. Знание об этой сфере претерпело в концепции Фрейда значительное изменение. Если раньше он, находясь в известной мере под влиянием учения Брейера о травмах, искал причины неврозов в травматических жизненных событиях, то теперь центр тяжести проблемы сместился совсем в другую сторону. Лучше всего пояснить это на примере нашего случая. Хотя мы понимаем, что лошади, пожалуй, могли играть в жизни пациентки особую роль, но мы не понимаем ее позднейшую, столь преувеличенную и неуместную реакцию. Та характерная черта в этой истории, которая свидетельствует о болезни, состоит в том, что она испугалась именно вполне безобидных лошадей. Если же мы вспомним, что часто наряду с травматическими жизненными событиями имеет место нарушение в сфере эротики, то и в данном случае следовало бы выяснить, не имеем ли мы, может быть, дело с чем-либо необычным в этом отношении.

Дама знакома с одним молодым человеком, с которым намерена обручиться; она любит его и надеется стать счастливой с ним. Больше пока ничего не открывается. Однако отрицательный результат поверхностно-

го опроса не должен нас смущать, и нам следует продолжить исследование. Когда прямой путь не достигает цели, имеются окольные пути. Вернемся поэтому снова к тому странному моменту, когда дама бежала перед лошадьми. Мы осведомляемся о званом вечере и о том, что это было за торжество, в котором она участвовала; это был прощальный ужин в честь ее лучшей подруги, которая, чтобы поправить расстроенные нервы, на долгое время отправлялась на заграничный курорт. Подруга замужем и притом, как мы слышим, счастлива; у нее есть также ребенок. К сообщению о том, что она счастлива, мы вправе отнестись с недоверием; ведь если бы это действительно было так, то у нее, вероятно, не было бы причин для требующего лечения нервного расстройства. Задавая вопросы по поводу других обстоятельств, я узнал, что пациентка, когда ее догнали знакомые, была снова доставлена в дом хозяина, принимавшего гостей, так как в столь позднее ночное время это было наиболее подходящее место. Там ее, находящуюся в состоянии изнеможения, радушно встретил хозяин. Здесь пациентка прервала свой рассказ, запнулась и, смутившись, попыталась сменить тему. Здесь явно дело касалось какого-то неожиданно всплывшего неприятного воспоминания. После преодоления упорного сопротивления больной выяснилось, что той ночью произошло еще нечто весьма примечательное. Радужный хозяин страстно признался ей в любви, из-за чего возникла ситуация, которую ввиду отъезда хозяйки дома можно было бы считать несколько затруднительной и тягостной. Это признание в любви, по утверждению больной, было для нее как гром среди ясного неба. Однако подобные вещи обычно всегда имеют свою предысторию. Работа следующих недель состояла в том, чтобы шаг за шагом расследовать всю длинную любовную историю, пока не получилась полная картина, которую я попытаюсь приблизительно обрисовать следующим образом.

Ребенком пациентка имела совершенно мальчишеский характер, любила только бурные мальчишеские игры, презирала свой собственный пол и избегала каких бы то ни было свойственных своему полу форм поведения и занятий. С наступлением половой зрело-

сти, когда проблемы, связанные со сферой эротики, могли бы стать ей ближе, она стала избегать общения, ненавидела и презирала все, что хотя бы издалека напоминало о биологическом назначении человека, и жила в мире фантазий, не имеющем ничего общего с действительностью. Так, примерно до 24 лет, она избегала каких бы то ни было маленьких приключений, надежд и ожиданий, которые обычно в этом возрасте глубоко волнуют женщину. Но затем она ближе познакомилась с двумя молодыми людьми, которые, видимо, прорвали окружавшую ее колючую изгородь. Господин А. был супругом ее тогдашней лучшей подруги; господин В. был его холостым приятелем. Оба ей нравились. Однако вскоре ей показалось, что господин В. ей нравится гораздо больше. Вследствие этого между ней и господином В. быстро установились близкие отношения, и даже шла речь о возможной помолвке. Благодаря своим отношениям с господином В. и со своей подругой она часто встречалась и с господином А., чье присутствие ее нередко необъяснимым образом возбуждало и нервировало. В то время пациентка как-то оказалась на большом званом вечере. Там присутствовали также ее знакомые. Она была задумчива и мечтательно играла своим кольцом, которое вдруг соскочило с ее пальца и укатилось под стол. Оба молодых человека стали искать его, и господину В. удалось его найти. Он с многозначительной улыбкой надел кольцо ей на палец и сказал: «Вы знаете, что это означает!» Тогда ее охватило странное, непреодолимое чувство; она сорвала кольцо с пальца и выбросила его в открытое окно. Возникла, как легко понять, неловкая ситуация, и она вскоре, глубоко расстроенная, покинула общество. Вскоре после этого, по воле так называемого случая, она, находясь в летнем отпуске, была на курорте, где отдыхали также господин и госпожа А. У госпожи А. в то время явно начали расстраиваться нервы, вследствие чего она из-за недомоганий часто оставалась дома. Пациентка поэтому имела возможность гулять вдвоем с господином А. Однажды они катались в маленькой лодке. Она бурно веселилась и внезапно упала за борт. Плавать она не умела, так что господин А. лишь с трудом смог ее спасти и поднял ее, находящуюся в полу-

обморочном состоянии, в лодку. Там случилось так, что он ее поцеловал. Это романтическое событие закрепило ее привязанность. Однако пациентка не давала себе осознать глубину этой страсти, очевидно, потому, что она издавна привыкла проходить мимо таких впечатлений, или — точнее говоря — привыкла бежать от них. Чтобы обмануть себя, она с тем большей энергией устремилась к обручению с господином В. и каждый день убеждала себя в том, что любит господина В. Эта странная игра не могла, разумеется, остаться незамеченной острым взглядом женской ревности. Госпожа А., ее подруга, чувством проникла в тайну и поэтому страдала; тем самым росла ее нервозность. Отсюда возникла необходимость поездки госпожи А. за границу на лечение. На прощальном ужине злой дух подступил к нашей больной и прошептал ей: «Сегодня ночью он будет один; с тобой должно что-нибудь произойти, чтобы ты попала в его дом». И это действительно произошло: посредством своего странного поведения она попала в его дом и достигла того, чего хотела.

После такого разбора всякий, пожалуй, будет склонен полагать, что только дьявольская изощренность может изобрести и задействовать такое сплетение обстоятельств. В изощренности сомневаться не приходится; однако ее моральная оценка вызывает сомнения, так как я считаю долгом подчеркнуть, что мотивы этого драматического представления никоим образом не осознавались пациенткой. История произошла с ней, как казалось, сама собой, без того, чтобы она осознавала какие-либо мотивы. Однако вся предыстория делает очевидным, что все бессознательно было направлено к этой цели, тогда как сознание трудилось над тем, чтобы добиться помолвки с господином В. Бессознательное влечение, вынуждавшее ее пойти по другому пути, оказалось сильнее.

Здесь мы возвращаемся к нашему первоначальному рассмотрению, а именно к вопросу о том, чем определяется патологический характер (соответственно странность, преувеличенность) реакции на травму. На основании тезиса, выведенного из других опытных данных, мы сделали предположение, что и в данном случае помимо травмы имеет место нарушение в сфере эротики.

Это предположение полностью подтвердилось, и это учит нас, что травма, которая якобы имеет болезнетворное действие, есть не более чем толчок к тому, чтобы проявилось нечто ранее не осознававшееся, а именно — существенный эротический конфликт. Тем самым травма теряет свое исключительное значение, и место учения о травмах занимает более глубокая и объемлющая концепция, где в качестве патогенного фактора предстает эротический конфликт.

Часто задают вопрос: почему именно эротический конфликт должен быть причиной неврозов, а не какой-либо другой? На это следует ответить: никто не утверждает, что так должно быть; однако оказывается, что часто бывает именно так. Вопреки всем возмущенным заверениям в обратном, дело обстоит все же так, что любовь⁸, ее проблемы и ее конфликты имеют фундаментальное значение для человеческой жизни, и, как всегда выясняется при тщательном исследовании, они гораздо важнее, чем предполагает индивидуум.

От теории травм поэтому отказались как от устаревшей; ибо с пониманием того, что не травма, а скрытый эротический конфликт есть источник невроза, травма теряет свое каузальное значение⁹.

⁸ В том ее, естественно, широком смысле, который включает в себя не только сексуальность. Тем самым вовсе не утверждается, что эротика и нарушения в ее сфере являются *единственным* источником невроза. Нарушение в области любви может иметь вторичную природу и быть обусловленным более глубокими причинами. Есть и другие возможности получить нервное расстройство.

⁹ Исключения составляют подлинные травматические неврозы, такие, как шок от взрыва (Granatschock), «railway spine» [букв.— «железнодорожный костыль» (*англ.*); здесь, видимо, имеется в виду шок типа «столбняка»].

II

ТЕОРИЯ ЭРОСА

Описанные в предыдущей главе результаты дали неожиданное разрешение вопроса о травме; но зато исследование столкнулось с проблемой эротического конфликта, который, как показывает наш пример, содержит множество отклонений от нормы и поэтому на первый взгляд не допускает сравнения с обычным эротическим конфликтом. Прежде всего необычно и почти невероятно то, что, как получается, осознается лишь видимость, тогда как действительная страсть пациентки остается скрытой. В данном случае, однако, бесспорно то, что действительное отношение осталось в тени и лишь отношение кажущееся господствовало в поле зрения сознания. Если дать теоретическую формулировку этого факта, то получится примерно следующее положение: *при неврозе имеют место две тенденции, строго противоположные друг другу, и одна из них бессознательна*. Это положение намеренно сформулировано очень общо, ибо я хотел этим подчеркнуть, что патогенный конфликт хотя и содержит, пожалуй, личный момент, но одновременно в индивидууме проявляется и конфликт человечества, ибо отсутствие единства с самим собой есть, вообще говоря, признак человека культуры. Невротик — лишь особый случай находящегося в разладе с самим собой человека, который должен был бы объединить в себе природу и культуру.

Как известно, культурный процесс состоит в прогрессирующем обуздании животного начала в человеке;

это — процесс одомашнивания, который не может осуществляться без возмущения со стороны жаждущей свободы животной натуры. Время от времени нечто вроде дурмана охватывает втягивающееся во власть культуры человечество: древность пережила это в докатившейся с Востока волне дионисийских оргий, которые стали существенной и характерной составной частью античной культуры и чей дух немало способствовал тому, что в многочисленных сектах и философских школах последнего дохристианского столетия стоический идеал развился в аскетизм и из политеистического хаоса того времени вышли аскетические религии Митры и Христа. Вторая волна дионисийского дурмана свободы прошла через западное человечество в эпоху Ренессанса. Трудно оценивать собственную эпоху. В ряду революционных вопросов, поставленных за последние полвека, был и «сексуальный вопрос», вызвавший к жизни целое литературное направление. В этом «движении» коренились также начала психоанализа, теоретическое оформление которого было довольно существенно определено его односторонним влиянием. Никто не может быть полностью свободен от современных течений. Затем «сексуальный вопрос» был оттеснен далеко на задний план политическими и мировоззренческими проблемами. Это, однако, ничего не меняет относительно того основополагающего факта, что инстинктивная природа человека снова и снова приходит в столкновение с культурными рамками. Названия меняются, а суть дела остается той же самой. Кроме того, сегодня нам известно, что отнюдь не всегда только животная инстинктивная природа находится в разладе с культурным принуждением, но часто именно новые идеи, стремясь выйти из бессознательного на дневной свет, оказываются так же, как и инстинкты, в разладе с господствующей культурой. Сегодня, например, можно было бы легко выдвинуть политическую теорию невроза, поскольку современный человек снедаем главным образом политическими страстями, — теорию, по отношению к которой «сексуальный вопрос» был лишь незначительным прологом. Возможно, окажется, что политическое есть лишь предвестник некоторого еще более глубокого религиозного потрясе-

ния. Невротик участвует, не осознавая этого, в господствующих течениях эпохи и отображает их в своем собственном конфликте.

Невроз теснейшим образом связан с проблемой эпохи и представляет собой, собственно, неудавшуюся попытку индивидуума в себе самом разрешить всеобщую проблему. Невроз есть разлад с самим собой. Основой этого разлада у многих людей становится то, что сознание хотело бы придерживаться своего морального идеала, бессознательное же стремится к своему аморальному (в современном смысле) идеалу, который сознание хотело бы отвергнуть. Такие люди желали бы стать порядочнее, чем они, в сущности, есть. Но конфликт может быть и обратным: есть люди, которые по видимости весьма непорядочны и не делают над собой ни малейших усилий. Но в сущности это есть лишь наигранная поза грешника; ибо задний план у них составляет моральная сторона, которая точно так же оказалась отесненной в бессознательное, как у нравственного человека — безнравственная природа. (Крайностей поэтому по возможности следует избегать; ибо они всегда возбуждают подозрение в противоположном.)

Нам потребовалось это общее рассуждение для того, чтобы чуть лучше разъяснить понятие «эротического конфликта». Исходя из этого, можно рассмотреть, с одной стороны, психоаналитическую технику, а с другой — проблему терапии.

Что касается этой техники, то, очевидно, речь идет о следующем вопросе: как мне кратчайшим и вместе с тем наиболее эффективным путем прийти к знанию о бессознательных событиях в жизни пациента? Первоначальный метод был гипнотическим: либо опрос в состоянии гипнотической концентрации, либо спонтанное продуцирование фантазий со стороны пациента (именно в этом состоянии). Этот метод иногда еще применяется, однако по сравнению с современной техникой он примитивен и часто неудовлетворителен. Второй метод был разработан в Цюрихской психиатрической клинике — так называемый *метод ассоциаций*¹.

¹ Cp.: Jung, *Diagnostische Assoziationsstudien*, 1906 und 1910. 2 Bde. Ges. Werke. Bd. 2.

Этот метод точно показывает наличие конфликтов в форме так называемых *комплексов* эмоциональных представлений, которые обнаруживают себя через типичные помехи в эксперименте². Но наиболее важным методом, позволяющим добиться знания о патогенных конфликтах, является, как впервые показал Фрейд, анализ *сновидений*.

По поводу сновидения можно сказать, что тот камень, который строители отбросили, стал краеугольным. Правда, сновидение, этот мимолетный и невзрачный продукт нашей души, лишь в современную эпоху стало объектом столь основательного пренебрежения. Раньше его ценили, видя в нем предсказателя судьбы, посланника богов, предостерегающего и утешающего. Теперь мы используем его как провозвестника бессознательного; оно должно поведать нам тайны, скрытые от сознания, и делает это с удивительной полнотой. «Явное сновидение», т. е. сновидение в том виде, в каком мы его вспоминаем, есть, согласно концепции Фрейда, фасад, который вначале не позволяет нам догадываться о внутреннем содержании дома, а, напротив, тщательно скрывает его посредством так называемой цензуры сновидения. Но если мы, соблюдая определенные технические правила, заставляем видевшего сон говорить о деталях своего сновидения, то вскоре оказывается, что его фантазии обладают определенной направленностью и концентрируются на определенном содержании, имеющем личностное значение и высказывающем смысл, который мы вначале не предполагали обнаружить за сновидением, но который, как можно показать с помощью тщательного сравнительного анализа, находится в очень тонкой и охватывающей мельчайшие детали связи с фасадом сновидения. Этот особый комплекс идей, в котором соединяются все нити сновидения, есть искомый конфликт в определенной, обусловленной обстоятельствами вариации. Мучительные и непримиримые противоречия конфликта, с точки зрения Фрейда, при этом настолько скрываются или же разрешаются, что можно говорить о своего рода ис-

² Jung, *Allgemeines zur Kompletheorie* in: *Über psychische Energetik und das Wesen der Traume*, 1948. Ges. Werke, Bd. 8.

полнении желаний. Правда, лишь в редких случаях это — исполнение явных желаний, как это происходит в снах, вызванных телесными возбуждениями, например в случае осязаемого во сне чувства голода, когда желание есть удовлетворяется во сне роскошной трапезой. Также и настойчивая мысль о том, что вот сейчас надо встать, находящаяся в противоречии с желанием спать дальше, приводит к реализующему желанию представлению во сне о том, что ты уже встал и т. д. Однако далеко не все сновидения имеют столь простую природу. Согласно Фрейд, есть бессознательные желания, которые имеют природу, несовместимую с представлениями бодрствующего сознания. Существуют тягостные желания, в которых человек предпочитает не признаваться себе, и именно такие желания Фрейд считает подлинными источниками сновидения. Например, дочь нежно любит свою мать; ей снится, однако, что ее мать, к величайшему горю дочери, умерла. Согласно концепции Фрейда, эта дочь могла иметь неосознанное, в высшей степени тягостное желание, чтобы ее мать, к которой она тайно питает неприязнь, как можно скорее исчезла из этого мира. Даже самая безупречная дочь не застрахована от подобных наваждений, которые она, пожалуй, стала бы отрицать самым отчаянным образом, если бы ее захотели на этом поймать. Явное сновидение по видимости не содержит в себе никакого осуществления желаний, а, напротив, скорее опасение и озабоченность, т. е. как раз то, что противоположно предполагаемому бессознательному побуждению. Но ведь известно, что *преувеличенная* озабоченность очень часто и по праву вызывает подозрение в противоположном. (Критически настроенный читатель, разумеется, спросит: а является ли представленное в сновидении опасение преувеличенным?) Таких сновидений, где по видимости нет и следа осуществления желаний,— бесчисленное множество. Обработываемый в сновидении конфликт не осознается; точно так же бессознательна вытекающая из него попытка его разрешения. Видевшая сон фактически стремится устранить свою мать. Но быть устраненной означает на языке бессознательного: умереть. Видевшая сон, однако, не обязательно одержима этим стремлением, так как, точ-

нее говоря, не она сфабриковала сон, но бессознательное. Последнее имеет неожиданное для видевшей сон стремление — устранить мать. Именно тот факт, что это ей снится, доказывает, что она не думает об этом сознательно. Она вообще не понимает, почему это мать должна быть устранена. Мы знаем теперь, что определенный слой бессознательного содержит в себе все то, что из реминисценций утрачено в воспоминании, и, далее, все то, что из инфантильных побуждений уже не может найти реализации во взрослой жизни. Можно сказать, что многое, проистекающее из бессознательного, первоначально носит инфантильный характер: таково и данное желание, которое звучит очень просто: «Папа, а правда, если мама умрет, то ты на мне женишься?» Это инфантильное выражение желания представляет собой эрзац сегодняшнего желания видевшей сон выйти замуж — желания, которое по причинам, подлежащим в данном случае выяснению, для нее мучительно. Эта мысль или, скорее, серьезность соответствующего намерения, как говорят, «вытеснена в бессознательное» и с необходимостью должна получить там инфантильное выражение, ибо находящийся в распоряжении бессознательного материал — это по большей части инфантильные реминисценции.

В случае рассматриваемого нами сновидения речь идет, как может показаться, о некотором инфантильном чувстве ревности. Видевшая сон в известной степени влюблена в отца, и поэтому она хотела бы устранить мать. Но действительный ее конфликт состоит в том, что она, с одной стороны, очень хочет выйти замуж, а с другой — не может решиться на это: ведь точно не известно, как это все будет, насколько устроит ее муж и т. д. А кроме того, дома так хорошо, и если придется расстаться с любимой мамочкой и быть такой взрослой и самостоятельной?.. Но она не замечает, что проблема замужества теперь всерьез встала на ее пути и настолько захватила ее, что она уже не может пятиться назад к отцу и матери, не привнося в семью этот поставленный судьбой вопрос. Она уже не прежний ребенок, она теперь та, кто хочет выйти замуж. И такой она возвращается, а именно — с желанием иметь мужа. Но в семье муж — это отец, и желание

дочери иметь мужа, без того, чтобы она это осознавала, направляется на отца. Но это — *инцест*. Таким образом возникает интрига инцеста вторичного порядка. Фрейд здесь выдвигает предположение, что тенденция к инцесту первична и составляет подлинное основание того, почему видевшая сон не может решиться выйти замуж. Рядом с этим основанием прочие приведенные основания не имеют для него большого значения. В противоположность такому пониманию я уже давно отстаиваю ту точку зрения, согласно которой случаи инцеста отнюдь не доказывают наличия общей склонности к инцесту, подобно тому как факты убийства не говорят о наличии некоей общераспространенной и порождающей конфликты жажды убивать. Я, правда, не захожу так далеко, чтобы отрицать наличие в каждом индивидууме задатков для любого преступления. Но есть все же огромная разница между наличием подобного задатка и актуальным конфликтом и основанным на этом конфликте раздвоением личности, имеющем место в случае невроза.

Если внимательно проследить историю невроза, то, как правило, обнаруживается некоторый критический момент, когда всплывает именно та проблема, от которой стремятся уклониться. Так вот это уклонение есть реакция столь же естественная и общераспространенная, как и лежащие в ее основе лень, инертность, малодушие, робость, незнание и бессознательность. Где становится неприятно, трудно и опасно, там часто колеблются и по возможности этого избегают. Я считаю эти основания совершенно достаточными. Без сомнения наличествующая и абсолютно правильно рассмотренная Фрейдом симптоматология инцеста кажется мне вторичным, уже патологическим феноменом.

Сновидение часто имеет дело с деталями по видимости нелепыми, из-за чего оно производит смешное впечатление, или же оно с внешней стороны кажется настолько непонятным, что мы в лучшем случае можем подивиться ему, и поэтому нам всегда приходится преодолевать известное сопротивление, прежде чем мы всерьез возьмемся за то, чтобы терпеливым трудом распутать его сложные хитросплетения. Когда мы

наконец проникаем в действительный смысл сновидения, то мы уже находимся в центре тайного мира сновидца и с удивлением видим, что и сон, по видимости бессмысленный, имеет очень глубокий смысл и говорит, собственно, лишь о важных и серьезных вещах. Это познание внушает нам несколько большее уважение к так называемому суеверию, придающему значение снам, для которых рационалистическое умонастроение нашего времени до сих пор не оставляло ничего другого.

Как говорит Фрейд, анализ сновидений есть «*via regia*»* к бессознательному; анализ сновидений ведет к глубочайшим тайнам личности, благодаря чему он является бесценным инструментом в руках врача и воспитателя души.

Аналитический метод вообще, не только специально фрейдовский психоанализ, складывается главным образом из многочисленных анализов сновидений, когда в ходе лечения сновидения постепенно поднимают из глубины содержание бессознательного, чтобы это содержание попало под влияние дезинфицирующей силы дневного света, благодаря которому снова обнаруживаются многие ценные и, казалось бы, утраченные фрагменты. При таком положении дел не приходится удивляться тому, что для многих людей, имеющих ложные представления о самих себе, лечение поначалу оказывается настоящей пыткой, так как они — в соответствии с античным мистическим положением «отрешись от того, что имеешь, и тогда ты получишь!» — должны таким образом принести в жертву почти все свои самым интимным образом любимые иллюзии, с тем чтобы дать возродиться в себе чему-то более глубокому, более прекрасному и объемлющему. Есть довольно старые мудрые истины, которые при лечении снова выходят на свет, и особым курьезом является то, что на высоте нашей сегодняшней культуры этот вид воспитания души показывает свою необходимость — воспитания, которое во многих отношениях можно сравнить с техникой Сократа, хотя анализ и проникает гораздо глубже.

* «Царская дорога» (*лат.*).

Фрейдовское направление исследований стремилось доказать, что эротический, соответственно сексуальный, момент имеет всецело преобладающее значение при возникновении патогенного конфликта. Согласно этой теории имеет место коллизия между тенденцией сознания и аморальным, несовместимым с ней бессознательным желанием. Бессознательное желание инфантильно, это значит, что оно происходит из детства и никак не может приспособиться к сегодняшнему дню, почему оно и вытесняется, и притом из моральных соображений. У невротика душа *ребенка*, который плохо переносит преднамеренные ограничения, смысла которых он не понимает; он, правда, стремится усвоить мораль, однако оказывается тем самым в разладе с самим собой, хочет, с одной стороны, подавить себя, а с другой — освободиться,— и эту борьбу называют неврозом. Будь этот конфликт осознанным во всех деталях, вероятно, из него никогда не возникали бы невротические симптомы; таковые возникают лишь в том случае, если человек не в состоянии увидеть другую сторону своего существа и настоятельность относящихся к ней проблем. Лишь при этом условии, как представляется, возникает симптом, который помогает непризнанной стороне души найти свое выражение. Поэтому симптом есть — по Фрейду — реализация непризнанных желаний, которые, будучи осознанными, оказались бы в резком противоречии с моральными убеждениями. Как уже было сказано, эта теневая сторона души ускользает от сознательного усмотрения; больной поэтому не может вступать с этой стороны в переговоры, исправлять ее, приходить с ней к соглашению или отказываться от нее, ибо актуально он вовсе не обладает бессознательными побуждениями; они, будучи вытесненными из иерархии побуждений сознательной души, стали автономными комплексами, которые, преодолевая большое противодействие, надлежит посредством анализа снова вернуть в подчинение. Иные пациенты прямо-таки хвастаются тем, что теневой стороны для них не существует; они уверяют, что не имеют никакого конфликта; однако они не видят, что зато на их пути стоят другие вещи неизвестного происхождения, такие, как истерические капризы,

придирки, которыми они донимают самих себя и своих ближних, катар желудка невротического происхождения, боли там и тут, беспочвенная раздражительность и множество прочих симптомов нервного заболевания.

Фрейдковский психоанализ упрекали в том, что он высвобождает вытесненные (к счастью) животные инстинкты человека и может тем самым причинить непоправимый вред. Из этого опасения с очевидностью явствует, сколь мало доверяют действенности современных моральных принципов. Делают вид, будто лишь проповедуемая мораль удерживает человека от разнузданности; куда более действенным регулирующим принципом является, однако, нужда, полагающая границы действительности, которые гораздо более убедительны, чем все моральные основоположения. Верно, что психоанализ делает осознанными животные инстинкты, однако он делает это не для того, чтобы, как думают многие, предоставить им необузданную свободу, а для того, чтобы подчинить их порядку осмысленной целостности. Полностью владеть своей личностью — это преимущество при любых обстоятельствах; в противном случае вытесненное содержание снова и лишь в других местах встает у человека на пути и мешает ему, причем в местах отнюдь не второстепенных, а как раз самых чувствительных. Но если люди будут воспитаны так, чтобы отчетливо видеть теневую сторону своей природы, то можно надеяться, что они на этом пути научатся также лучше понимать и любить своих ближних. Когда становится меньше лицемерия и больше самопознания, то это может лишь способствовать тому, чтобы люди научились считаться со своими ближними; ибо они слишком легко склоняются к тому, чтобы несправедливость и насилие, которое они причиняют своей собственной природе, переносить и на окружающих.

Если следовать фрейдовскому учению о вытеснении, то может, правда, показаться, что свою инстинктивную природу подавляют лишь, так сказать, слишком моральные люди. Аморальный человек, необузданно любящий свою инстинктивную природу, должен был бы в соответствии с этим быть полностью свободным от не-

вров. Но это, как учит нас опыт, разумеется, не так. Такой человек может точно так же страдать неврозом, как и другие. Если мы применим к нему наш анализ, то обнаружим, что у него просто-напросто в вытесненном состоянии оказалась мораль. Если аморальный человек страдает невротическим расстройством, то он является собой, как метко сформулировал Ницше, образ «бледного преступника», который не находится на высоте своего поступка.

Здесь возможна точка зрения, согласно которой вытесненные остатки порядочности в подобном случае являются лишь инфантильно-традиционными конвенциями, налагающими на инстинктивную природу ненужные оковы и поэтому подлежащие искоренению. Но принцип «*Erasez l'infamie*»* вел бы лишь к теории абсолютного прожигания жизни. Такая теория была бы, естественно, весьма фантастичной и бессмысленной. А именно, никогда нельзя забывать — и об этом следует напомнить и фрейдовской школе, — что мораль не была ниспослана свыше в форме синайских скрижалей и навязана народу, а напротив, мораль есть функция человеческой души и стара, как само человечество. Мораль не навязывается извне — человек имеет ее в конечном счете а priori в себе самом: не моральный закон, а, пожалуй, моральную сущность, без которой была бы невозможной совместная жизнь в человеческом обществе. Поэтому мораль имеет место на всех ступенях общества. Она есть инстинктивное регулирующее начало действия, начало, которое упорядочивает также совместную жизнь животного стада. Моральные законы, однако, имеют силу лишь внутри группы живущих совместно людей. За ее пределами их действие прекращается. Вместо них там действует старая истина: «*Homo homini lupus*» («Человек человеку волк»). С развитием культуры удастся подчинить все больше людей власти одной и той же морали, хотя до сих пор не удалось добиться господства морального закона также и за пределами границ сообществ, т. е. в свободном пространстве сообществ, независимых друг от друга. Там с древних времен господствуют беспра-

* «Раздавите гадину!» (фр.).

вие, распушенность и вопиющая безнравственность, о чем вслух говорят лишь враги.

Фрейдовская концепция была настолько проникнута убеждением в основополагающей, даже исключительной роли сексуальности в неврозе, что она, будучи последовательной, мужественно нападала на современную сексуальную мораль. Это было, без сомнения, полезно и необходимо; ибо в этой области господствовали и продолжают господствовать воззрения слишком недифференцированные, если иметь в виду в высшей степени сложное положение вещей в ней. Подобно тому как в раннем средневековье денежные дела вообще презирались, так как еще не было казуистически дифференцированной морали денежных отношений, а была одна лишь общая мораль, точно так же и сегодня имеется одна лишь общая сексуальная мораль. Девушку, имеющую незаконнорожденного ребенка, осуждают, и никто не спрашивает о том, порядочный она человек или нет. Не санкционированная правом форма любви аморальна, и неважно, кто вступает в такие отношения — достойные люди или подонки. Люди еще находятся под гипнозом *Что* и поэтому забывают о *Как*, забывают о совершающем поступки человеке, подобно тому как для средневековья деньги были не чем иным, как лицемерно сверкающим и горячо вожделенным золотом и именно поэтому — дьяволом.

Однако дело не так просто. Эротика — дело темное и всегда останется таковым, что бы по этому поводу ни говорило какое-либо будущее законодательство. С одной стороны, она относится к исконной животной природе человека, которая будет существовать до тех пор, пока человек обладает животным телом. С другой стороны, она, однако, родственна высшим формам Духа. Но она расцветает лишь тогда, когда дух и инстинкт находятся в гармоничном соответствии друг с Другом. Если в ней отсутствует тот или иной аспект, то это наносит ущерб или по меньшей мере приводит к несбалансированной односторонности, которая легко переходит в патологию. Избыток животного начала обезображивает культурного человека, избыток культуры приводит к заболеванию животное начало. Эта дилемма делает очевидной всю ту непрочность положения

человека, о которой говорит эротика. Эротика есть в основе своей то сверхмогущественное, которое, подобно природе, позволяет овладевать собой и использовать себя, как если бы оно было бессильным. Однако триумф над природой дорого оплачивается. Природа не нуждается ни в каких принципиальных заявлениях, а удовлетворяется терпением и мудрой мерой.

«Эрос — великий демон», — как сказала Сократу мудрая Диотима. Человек никогда не справится с ним вполне или же — справится с ним, лишь нанеся себе вред. Эрос не есть вся заключенная в нас природа в целом, но по крайней мере это один из ее главных аспектов. Таким образом, сексуальная теория невроза, выдвинутая Фрейдом, базируется на истинном и фактическом принципе. Однако ошибка ее состоит в односторонности и ограниченности исключительно этим принципом, а кроме того, она совершает неосторожность, стремясь схватить неуловимый Эрос с помощью своей грубой сексуальной терминологии. Фрейд и в этом отношении является типичным представителем именно материалистической эпохи³, которая надеялась когда-нибудь разрешить загадку мироздания в пробирке. Фрейд и сам в более пожилом возрасте признал, что его теория страдает неуравновешенностью, и противопоставил Эросу, который он обозначает как *либидо*, инстинкт *разрушения* или, соответственно, *смерти*⁴. В одной из своих работ, не опубликованных при жизни, он писал об этом так: «После долгих сомнений и колебаний мы решились принять лишь два фундаментальных инстинкта: Эрос и инстинкт разрушения... Цель первого — устанавливать все ббльшие единства, а тем самым — сохранять, т. е. связывать; цель второго — напротив, разлагать связи и тем самым разрушать вещи... Поэтому мы его называем также инстинктом смерти»⁵.

³ Jung, *Sigmund Freud als kulturhistorische Erscheinung*. Ges. Werke, Bd. 15.

* Эту идею первоначально высказала моя ученица д-р С. Шпильрейн. Ср.: *Die Destruktion als Ursache des Werdens in Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen*, 1912. Эта работа упоминается Фрейдом. Фрейд вводит понятие инстинкта разрушения, или смерти, в своей работе *Jenseits des Lustprinzips*, Kap. 5.

⁵ S. Freud, *Abriß der Psychoanalyse*, Kap. 2, p. 70 f. Schriften aus dem Nachlaß.

Я ограничусь этим упоминанием, не вдаваясь в более подробное обсуждение убедительности этой концепции. Ведь достаточно ясно, что жизнь, как и всякий процесс, имеет начало и конец и что всякое начало есть также начало конца. То, что имеет в виду Фрейд, есть, пожалуй, в сущности тот факт, что всякий процесс есть энергетический феномен и что вообще энергия может порождаться лишь напряженным единством противоположностей.

ДРУГАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ: ВОЛЯ К ВЛАСТИ

До сих пор мы рассматривали проблему этой новой психологии, в основном исходя из позиции Фрейда. Мы, без сомнения, смогли увидеть нечто, и притом нечто истинное, которому, возможно, наша гордость, наше культурное сознание говорит «нет»; но что-то в нас говорит «да». Для многих людей в этом заключено нечто раздражающее и побуждающее к противоречию или, более того, нечто вызывающее страх; и поэтому люди не хотят этого признавать. В самом деле, есть что-то страшное в том, что человек имеет также некоторую теневую сторону, которая состоит не только, скажем, из маленьких слабостей и изъянов, а из некой прямо-таки демонической динамики. Отдельный человек редко знает об этом; ибо ему, отдельному человеку, кажется невероятным, чтобы он где-либо и как-либо выходил за пределы самого себя. Но если эти безобидные существа образуют множество, то из этого возникает бредящее чудовище, и каждый отдельный человек есть лишь мельчайшая клеточка в теле этого монстра, где ему волей-неволей приходится идти на поводу у кровожадности бестии и даже по мере сил поддерживать ее. Смутно догадываясь об этих возможностях теневой стороны человека, ей отказывают в признании. Благотворная догма о первородном грехе вызывает слепое противодействие, хотя она невероятно правдива. Мало того, не решаются даже признаться себе в конфликте, который, однако, столь му-

чительно ощущают. Понятно, что такое направление в психологии, которое делает акцент на темной стороне, оказывается нежелательным и даже вызывающим страх, ибо оно вынуждает нас встать перед бездонностью этой проблемы. Мы смутно догадываемся о том, что эта негативная сторона есть часть нашей целостности, что мы имеем тело, которое, как тело вообще, с необходимостью отбрасывает тень, и что если мы отрицаем это тело, тогда мы не трехмерны, а оказываемся плоскими и лишенными сущности. Но тело это — животное, имеющее животную душу, т. е. живая система, безусловно повинующаяся инстинкту. Соединиться с этой тенью — значит сказать «да» инстинкту и тем самым также сказать «да» той чудовищной динамике, которая грозит из-за кулис. От этого нас хочет освободить аскетическая мораль христианства, рискуя до основания разрушить животную природу человека.

Но понимаем ли мы, что это значит — сказать «да» инстинкту? Ницше хотел этого и учил этому, и это было для него серьезно. Да, он с необычайной страстью принес в жертву себя, всю свою жизнь идее сверхчеловека, а именно — идее человека, который, повинувшись своему инстинкту, выходит вместе с тем за пределы самого себя. И как же проходила его жизнь? Так, как Ницше напроорочил сам себе в «Заратустре»: в том исполненном предчувствия смертельном падении канатного плясуна, «человека», который не хотел, чтобы через него «перепрыгивали». Заратустра говорит умирающему: «Твоя душа умрет еще быстрее, чем твое тело!» И позднее карлик говорит Заратустре: «О Заратустра, ты, камень мудрости, высоко ты бросил себя; но каждый брошенный камень должен упасть! Ты приговорен к самому себе, и тебе самому суждено побить себя камнями: о Заратустра, как далеко бросил ты камень — но он упадет на тебя». Когда он выкрикнул о себе свое «*Ecce homo*», то было слишком поздно, как и тогда, когда это слово возникло, и распятие души началось еще до того, как умерло тело.

Жизнь того, кто так учил говорить «да», следует рассматривать критически, чтобы иметь возможность изучить последствия такого изучения на том, кто его выдвинул. Но если мы в этом аспекте посмотрим на

его жизнь, то нам придется сказать: Ницше жил *по ту сторону инстинкта*, в высокогорном воздухе героизма, и эта высота поддерживалась тщательной диетой, специально выбранным климатом и в особенности большими дозами снотворного — до тех пор пока напряжение не разорвало мозг. Он учил говорить «да» жизни, но сама жизнь его была обращенным к жизни «нет». Его отвращение к человеку, а именно — к человеко-зверю, который живет инстинктом, было слишком велико. Он так и не смог заглотать ту жабу, которую он часто видел во сне, страшась необходимости проглотить ее. Всех тех «высших» людей, которые требовали идти с ними в ногу, заратустровский лев снова загнал в пещеру бессознательного. Поэтому жизнь его не делает для нас убедительным его учение. Ибо «высший» человек тоже хочет иметь возможность спать без хлорала, он тоже хочет и в Наумбурге и в Базеле жить вопреки «туману и тени», он хочет иметь женщину и потомство, он хочет обладать авторитетом и уважением толпы, он хочет бесчисленное множество самых обыкновенных и не в последнюю очередь вполне обывательских вещей. Этим инстинктом, т. е. животным жизненным инстинктом, Ницше не жил. Ницше был, несмотря на свое величие и значение, больной личностью.

Однако что же определяло его жизнь, если не инстинкт? Вправе ли мы действительно обвинить Ницше в том, что он практически говорил «нет» своему инстинкту? Едва ли он согласился бы с этим. Он ведь даже мог бы доказать — и без труда, — что он в высшем смысле любил свой инстинкт. Но как же тогда оказалось возможным, спросим мы удивленно, что инстинктивная природа человека увела его как раз вдаль от людей, в абсолютное уединение, по ту сторону толпы, где эта потусторонность защищала его от чувства отвращения? Ведь обычно полагают, что инстинкт как раз объединяет, что он спаривает, порождает, что он направлен на удовольствие и благополучие, на удовлетворение всех чувственных желаний. Но мы совсем забываем, что это лишь одно из возможных направлений инстинкта. Существует не только инстинкт *продолжения рода*, но и инстинкт *самосохранения*.

Ницше ясно говорит об этом последнем инстинкте,

а именно — о *воле к власти*. Все прочие инстинкты подчинены для него воле к власти: с точки зрения фрейдовской сексуальной психологии это огромное заблуждение, ложное понимание биологии, ошибка декадентской невротической натуры. Ибо любой приверженец сексуальной психологии легко сможет доказать, что крайняя напряженность и героический характер ницшевского мировоззрения и его понимания жизни есть все же не что иное, как следствие вытеснения и игнорирования «инстинкта», а именно того инстинкта, который *эта* психология считает фундаментальным.

Случай Ницше, с одной стороны, показывает, каковы последствия невротической односторонности, а с другой — каковы те опасности, с которыми связан скачок за пределы христианства. Ницше, без сомнения, глубоко прочувствовал христианское отрицание животной натуры и направил свои усилия на поиски более высокой человеческой целостности по ту сторону добра и зла. Каждый, кто всерьез критикует основную установку христианства, лишается также опоры, которую оно ему предоставляет. *Он неизбежно отдает себя во власть животной души*. Это момент дионисийского опьянения, покоряющее откровение «белокурой бестии»¹, которое захватывает ничего не подозревающего человека, наполняя его душу неведомым ему трепетом. Одержимость превращает его в героя или богоподобное существо, придавая ему сверхчеловеческое величие. Он и в самом деле ощущает себя находящимся на «6000 футов по ту сторону добра и зла».

Наблюдателю-психологу это состояние известно под названием «идентификации с Тенью»: это феномен, с большой регулярностью возникающий в подобные моменты столкновения с бессознательным. Против этого помогает только вдумчивая самокритика. Во-первых, и прежде всего, слишком маловероятно, чтобы эта потрясающая мир истина была открыта только что: ибо такое крайне редко происходит во всемирной истории. Во-вторых, надо тщательно исследовать, не происходило ли уже нечто подобное в другом месте и в другое время. Например, Ницше как филолог мог бы провести

¹ См: Jung, *Ober das Unbewusste*, 1918. Ges. Werke, Bd. 10.

некоторые четкие параллели с античностью, что его наверняка бы успокоило. В-третьих, надо принять во внимание, что дионисийское переживание не может быть чем-либо иным, кроме как возвратом к языческой форме религии, что в сущности не открывало бы ничего нового и благодаря чему лишь опять повторилась бы сначала старая история. В-четвертых, нельзя не предвидеть того, что за вначале радостным подъемом духа к героически-божественным высотам абсолютно неизбежно последует не менее глубокое падение. Поэтому оказался бы в выгодном положении тот, кто свел бы эти излишества к мере, определяющей характер довольно напряженной прогулки в горы, за которой следуют вечные будни. Подобно тому как каждый ручей ищет долину и широкую реку, стремящуюся к плоским равнинам, точно так же и жизнь не только протекает в буднях, но и все превращает в будни. Необычное, если оно не должно стать катастрофой, может вкрадываться в будни, но не часто. Если героизм становится хроническим, то он оканчивается судорогой, а судорога ведет к катастрофе или неврозу или к тому и другому. Ницше застрял в состоянии крайнего напряжения. Но в этом экстазе он мог бы с тем же успехом выстоять и в христианстве. Проблема животной души тем самым ни в малейшей степени не разрешена: ибо экстатическое животное — это бессмыслица. Животное исполняет свой жизненный закон, не более и не менее. Его можно назвать послушным и благочестивым. Но человек, находящийся в состоянии экстаза, перескакивает через свой жизненный закон и ведет себя в том, что касается природы, непослушно. Непослушание есть исключительная прерогатива человека, чье сознание и свободная воля могут при случае *contra naturam** отрываться от своих корней в животной природе. Эта особенность есть непременная основа всякой культуры, но также — если она чрезмерна — и душевной болезни. Без вреда можно переносить лишь определенную меру культуры. Бесконечная дилемма «культура—природа» есть в основе своей вопрос меры и пропорции, а не «либо—либо».

Случай с Ницше ставит перед нами вопрос: можно

* Вопреки природе (лат.).

ли понимать то, что* открыло ему столкновение с Тенью, а именно волю к власти, как нечто лишенное собственного значения, как симптом вытеснения? Есть ли воля к власти нечто подлинное или нечто вторичное? Если бы конфликт с Тенью вызвал поток сексуальных фантазий, то случай был бы ясен; однако произошло иначе. Дело оказалось не в Эросе, а во власти Я. Из этого следовало бы сделать вывод, что то, что было вытеснено,— не Эрос, а воля к власти. Однако, я полагаю, нет оснований предполагать, что Эрос является подлинным, а воля к власти — нет. Несомненно, воля к власти — это столь же великий демон, как и Эрос, и является столь же древней и изначальной, как и он.

Но все же, пожалуй, недопустимо считать вроде как неподлинной жизнь, подобную жизни Ницше,— жизнь, прожитую с редкостной последовательностью в соответствии с природой лежащего в основе инстинкта власти; в противном случае мы вынесли бы ему тот же несправедливый приговор, который сам Ницше вынес своему антиподу Вагнеру: «*В нем все неподлинно*; а что подлинно, то скрыто или приукрашено. Он — актер во всех смыслах этого слова, в дурном и хорошем». Откуда такое предубеждение? Вагнер как раз представитель того самого другого фундаментального инстинкта, который игнорировал Ницше и на котором базируется психология Фрейда. Если мы посмотрим, был ли этот первый инстинкт, инстинкт власти, известен Фрейду, то обнаружим, что Фрейд зафиксировал его под названием «влечения Я». Но эти «влечения Я» влачат в его психологии довольно жалкое существование рядом с широко, слишком широко развернутым сексуальным моментом. В действительности же человеческая природа представляет собой поле жестокой и бесконечной борьбы между принципом Я и принципом инстинкта: Я — всецело граница, инстинкт — безграничен, и оба принципа обладают одинаковой властью. В известном смысле человек может считать своим счастьем, что он осознает лишь какой-то один инстинкт, и поэтому также благоразумно с его стороны избегать знакомства с другим инстинктом. Но если он познает другой инстинкт, то он пропал: тогда человек вступает в фаус-

товский конфликт. Гёте показал нам в «Фаусте», в I части, что" означает принятие инстинкта, а во II части — что означает принятие Я с его зловещими глубинами. Все незначительное, мелочное и трусливое в нас отступает перед этим и сжимается; и для этого есть хорошее средство, а именно мы делаем открытие, что «другое» в нас есть некоторый «другой», и притом некоторый действительный человек, который мыслит, делает, чувствует и желает все то, что недостойно и вызывает презрение. Тем самым враг найден, и мы с удовлетворением начинаем с ним борьбу. Отсюда возникают тогда те хронические идиосинкразии, отдельные примеры которых для нас сохранила история нравов. Особенно прозрачный пример — это, как уже говорилось, «Ницше против Вагнера, против Павла» и т. д. Но повседневная человеческая жизнь буквально кишит подобными случаями. Этим остроумным способом человек спасается от фаустовской катастрофы, для которой у него, возможно, не хватает ни мужества, ни сил. Но целостный человек знает, что даже его злейший враг, и даже множество их, не может тягаться с одним самым опасным соперником, а именно с его собственным «другим», который «живет в сердце». Ницше имел Вагнера *в себе*. Поэтому он завидовал ему из-за «Парсифаля»; хуже того, он, Савл, имел в себе также Павла. Поэтому Ницше стал носителем стигм духа; ему, подобно Савлу, пришлось пережить христианизацию, когда «другой» внушил ему «Ессе homo». Кто «пал перед крестом» — Вагнер или Ницше?

Судьбе было угодно, чтобы как раз один из первых учеников Фрейда, Альфред Адлер², обосновал точку зрения на сущность невроза, которая базируется исключительно на *принципе власти*. Довольно интересно и даже по-особому увлекательно наблюдать, насколько по-разному выглядят те же самые вещи при противоположном освещении. Заранее оговаривая основную противоположность, я хотел бы сразу упомянуть о том, что у Фрейда все представлено в качестве строго каузальной последовательности, вытекающей из предшествующих фактов, у Адлера же, напротив, все представляет

² *Ober den nervdsen Chamber, 1912.*

собой обусловленную целью упорядоченность. Возьмем простой пример. Одну молодую даму начинают мучить приступы страха. Ночью с душераздирающим криком просыпается она от какого-то кошмарного сна, никак не может успокоиться, прижимается к своему мужу, умоляет его не бросать ее, хочет снова и снова слышать от него, что он, конечно же, ее любит и т. п. Постепенно из этого развивается нервная астма, приступы которой случаются и днем.

Фрейдовский метод требует в таком случае немедленно углубиться в изучение внутренней каузальности картины болезни. Каково было содержание первых кошмарных снов? На нее нападали дикие быки, львы, тигры, злодеи. Что в связи с этим приходит пациентке на ум? Следующая история, которая однажды произошла с ней, когда она еще не была замужем. Она отдыхала на одном из курортов в горах, много играла в теннис, заводила обычные знакомства. Там оказался один молодой итальянец, игравший в теннис особенно хорошо, а вечерами показывавший свое умение играть на гитаре. Завязался безобидный флирт, приведший однажды к прогулке при луне. Тогда «неожиданно» прорвался темперамент итальянца, к огромному испугу ничего не подозревавшей девушки. При этом «он так на нее смотрел», таким взглядом, который она никогда не могла забыть. Этот взгляд преследует ее до сих пор даже во сне; даже дикие звери, преследующие ее, смотрят так же. Действительно ли этот взгляд исходит только от итальянца? Об этом мы узнаем из другой реминисценции. Когда пациентке было около 14 лет, она в результате несчастного случая потеряла отца. Отец был человеком светским и много путешествовал. Однажды, незадолго до своей смерти, он взял ее с собой в Париж, где они, между прочим, посетили и «Folies Bergeres». Там произошло нечто, что произвело в то время на нее неизгладимое впечатление: при выходе из театра к ее отцу невероятно наглым образом внезапно прижалась какая-то размалеванная особа. Она испуганно взглянула на отца, не зная, что же он будет делать,— и увидела тот же самый взгляд, тот же звериный огонь в его глазах. Это неизъяснимое Нечто преследовало ее тогда день и ночь. С этого момента ее

отношение к отцу изменилось. Она то раздражалась, была язвительна и капризна, то проникалась к нему нежнейшей любовью. Тогда же у нее внезапно начались беспричинные приступы истерического плача, и некоторое время она страдала от того — и всякий раз, когда отец был дома, — что с ней происходили неприятные случаи: за столом она, поперхнувшись, давилась едой, что сопровождалось видимыми приступами удушья, за которыми нередко следовала продолжавшаяся от одного до двух дней потеря голоса. Известие о внезапной смерти отца причинило ей чрезвычайную боль, что привело тогда к истерическому приступу судорожного смеха. Но вскоре она успокоилась, ее состояние быстро улучшилось, и невротические симптомы почти совсем исчезли. Прошлое покрылось вуалью забвения. Лишь история с итальянцем будоражила в ее душе нечто, перед чем она испытывала страх. Она тогда резко порвала с молодым человеком. Спустя несколько лет она вышла замуж. Лишь после рождения второго ребенка у нее начался теперешний невроз, а именно с того момента, когда она сделала открытие, что ее супруг испытывает определенную нежную заинтересованность по отношению к другой женщине.

В этой истории есть много неясного: где, например, ее мать? О ее матери следует сказать, что у нее были больные нервы и она испробовала все возможные санатории и системы лечения. Она также страдала нервной астмой и симптомами страха. Брак, насколько помнила пациентка, был весьма прохладным. Мать плохо понимала отца. У пациентки всегда было такое чувство, что она понимает его гораздо лучше. Она была также явной любимицей отца и в соответствии с этим была внутренне холодна по отношению к матери.

Этих указаний, пожалуй, достаточно, чтобы дать представление о том, как протекала история болезни. За имеющимися налицо симптомами скрываются фантазии, которые вначале связаны с историей с итальянцем, но в дальнейшем ясно указывают на отца, чей неудачный брак рано дал любимой дочери импульс к тому, чтобы захватить то место, которое, собственно, должно было бы принадлежать матери. За этим захватом, естественно, скрывается фантазия, что она, дочь,

есть самая подходящая жена для отца. Первый приступ невроза случился в тот самый момент, когда пациентка получила тяжелый удар, вероятно, такой же, который пришлось испытать и ее матери (что, однако, не было известно ребенку). Эти симптомы легко объяснимы как выражения разочарованной и отвергнутой любви. То, что она давилась во время еды, было вызвано тем самым чувством, когда перехватывает горло, а это известное явление, сопровождающее сильные переживания, которые человек не может полностью «проглотить». (Метафоры нашей речи часто соотносятся, как известно, с такого рода физиологическими явлениями.) Когда отец умер, случилось так, что хотя ее сознание было чрезвычайно удручено, однако ее Тень смеялась, подобно тому как поступал Тиль Уленшпигель, бывавший в хмуром настроении, спускаясь вниз, и приходивший в веселое расположение духа, когда ему с трудом приходилось подниматься вверх,— всегда предвидя будущее. Когда отец бывал дома, ей становилось грустно и она заболела; когда его не было, то всякий раз она чувствовала себя гораздо лучше, подобно всем тем многочисленным мужьям и женам, которые еще скрывают друг от друга ту сладкую тайну, что они отнюдь не всегда и не абсолютно необходимы друг другу.

То, что смех бессознательного был тогда в известной мере оправдан, подтвердил последующий период совершенного здоровья. Ей удалось заставить все прошлое исчезнуть. Лишь воспоминание о случае с итальянцем угрожало снова поднять на поверхность подземный мир. Однако она быстро затворила все двери и оставалась здорова до тех пор, пока дракон невроза все же не приполз к ней как раз тогда, когда она считала себя защищенной от опасности, пребывая в так называемом идеальном состоянии в качестве супруги и матери.

Сексуальная психология говорит: причина невроза заключается в том, что больная в конечном счете еще не освободилась от отца; поэтому те связанные с отцом воспоминания снова всплывают, когда она в итальянце открывает то же самое таинственное Нечто, которое уже в отце произвело на нее сильное впечатление. Эти воспоминания были, естественно, снова вызваны к

жизни аналогичным опытом с мужем, и этот опыт оказался причиной, снова вызвавшей невроз. Можно поэтому было бы сказать, что содержание и основа невроза есть конфликт между фантастическим инфантильно-эротическим отношением к отцу и любовью к мужу.

Если же мы теперь рассмотрим ту же самую картину болезни с точки зрения «другого» инстинкта, а именно воли к власти, то дело будет выглядеть совсем иначе: неудачный брак ее родителей давал превосходную возможность для удовлетворения ее детского инстинкта власти. Инстинкт власти требует, чтобы *Я* при любых обстоятельствах оставалось «на высоте», какой бы путь — прямой или окольный — ни вел к этой цели. «Неприкосновенность личности» в любом случае должна быть сохранена. Любая, пусть даже кажущаяся попытка окружающих хоть в малейшей степени подчинить субъекта встречает «мужественный протест», как выражается Адлер. Разочарование матери и ее впадение в невроз создали поэтому в высшей степени желаемые и благоприятные условия для реализации власти и для того, чтобы оказаться на высоте. Любовь и прекрасное поведение — это, с точки зрения инстинкта власти, замечательные средства для достижения цели. Добродетель нередко служит средством к тому, чтобы *вынудить* признание у окружающих. Уже ребенком она умела с помощью особенно приятного и милого поведения обеспечить себе преимущество в глазах отца и прежде всего подняться над матерью — и это отнюдь не из любви, скажем, к отцу; любовь была лишь подходящим средством для того, чтобы оказаться на высоте. Красноречивое доказательство тому — судорожный смех, охвативший ее при известии о смерти отца. Многие склоняются к тому, чтобы считать подобного рода объяснение отвратительным обесцениванием любви, если не злонамеренной инсинуацией, — однако следует на момент прийти в себя и увидеть мир таким, каков он есть. Разве вы никогда не видели бесчисленное множество таких людей, которые любят и верят в свою любовь лишь до тех пор... пока не достигают своей цели, и которые затем отворачиваются, как если бы они иногда не любили? И наконец: разве сама же природа

тоже не поступает так? Возможна ли вообще «бесцельная» любовь? Если да, то она принадлежит к тем высшим добродетелям, которые, как всем давно известно, очень редки. Люди, вероятно, обычно бывают склонны как можно меньше раздумывать о цели своей любви; в противном случае они могли бы сделать открытия, представляющие достоинства их собственной любви в менее благоприятном свете.

Итак, пациентку при известии о смерти ее отца охватил истерический смех — она наконец оказалась на высоте. Это был истерический приступ судорожного смеха, т. е. психогенный симптом, нечто проистекавшее из бессознательных мотивов, а не из мотивов сознательного Я. Это такое различие, которое нельзя недооценивать и которое дает возможность понять, откуда и как возникают известные человеческие добродетели. А именно нечто противоположное этим добродетелям ведет в ад, т. е., выражаясь современным языком, в бессознательное, где издавна накапливаются антиподы наших сознательных добродетелей. Поэтому из одного уже благонравия люди не хотят ничего знать с бессознательным; считается даже вершиной добродетельной мудрости утверждать, что бессознательного не существует. Однако, к сожалению, со всеми нами происходит то же, что и с братом Медардом в «Эликсира сатаны» Э. Т. А. Гофмана: где-то существует чудовищный, страшный брат, т. е. наш собственный, телесный, кровью связанный с нами антипод, который удерживает и злокозненно накапливает все то, что мы слишком уж охотно стараемся не замечать.

Первый приступ невроза у нашей пациентки произошел тогда, когда она убедилась в том, что в ее отце было нечто ей неподвластное. И вот тогда она сделала великое открытие, для чего ее матери нужен был невроз: а именно, когда сталкиваешься с чем-то, что не можешь подчинить себе никакими иными разумными и изящными средствами, тогда остается еще один до сих пор не изведанный способ, тот, который ей заранее открыла мать,— невроз. Поэтому отныне она начинает подражать невротическим симптомам матери. Но все же, спросите вы удивленно, что за прок от невроза? Чего можно им достигнуть? Но тот, кто сам в окруже-

ний своих близких имел ярко выраженные приступы невроза, хорошо знает: чего только не «достигнешь» с его помощью! Нет вообще лучшего средства, чем невроз, для того, чтобы тиранить весь дом. В особенности сердечные приступы, приступы удушья, всевозможные судороги оказывают огромное действие, эффективность которого едва ли может быть превзойдена. Извергающиеся потоки сострадания, благородный ужас любяще-озабоченных родителей, беготня взад и вперед перепуганной прислуги, шквал телефонных звонков, спешащие на помощь врачи, тяжелые диагнозы, тщательные обследования, длительное лечение, крупные расходы — и в центре всего этого, посреди этой суматохи лежит сам невинно страдающий, к которому окружающие еще и преисполнены благодарности за то, что он нашел в себе силы перенести свои «судороги».

Этот непревзойденный «способ» (употребляя выражение Адлера*) и открыла для себя малышка, с успехом применяя его каждый раз, когда отец бывал дома. Надобность в нем отпала со смертью отца; ибо теперь наконец она была на высоте. Итальянца она быстро отвергла, после того как он слишком уж резко подчеркнул ее женское начало, своевременно напомнив своим поведением о своем мужском начале. Когда же представилась подходящая возможность выйти замуж, она полюбила и безропотно покорила судьбе жены и матери. Покуда сохранялось ее окруженное восхищением превосходство, все шло замечательно. Но когда однажды у ее мужа появилось маленькое увлечение на стороне, тогда ей пришлось, как и раньше, обратиться к тому же самому чрезвычайно эффективному «способу», т. е. к косвенному применению силы; ибо она снова столкнулась — на этот раз в муже — с чем-то таким, что уже в отце ускользало из-под ее власти.

Так выглядит суть дела с точки зрения психологии власти. Я боюсь, как бы читатель не оказался в положении того самого кадия, перед которым сначала выступил защитник одной стороны. Когда он закончил свою речь, кадий сказал: «Ты говорил очень хорошо; я вижу — ты прав». Но затем взял слово защитник дру-

* Arrangement.

гой стороны, и, когда он закончил, кадий почесал у себя в затылке и сказал: «Ты говорил очень хорошо; я вижу — ты тоже прав». Нет сомнений в том, что инстинкт власти играет чрезвычайно большую роль. Верно, что комплексы невротических симптомов являются также утонченными «способами», с невероятным упорством и несравненной хитростью неумолимо преследующими свои цели. Невроз имеет целевую ориентацию. Доказательство этому — серьезная заслуга Адлера.

Какая из двух концепций истинна? Это вопрос, на который не каждый сможет ответить. Оба объяснения нельзя просто наложить друг на друга, так как они абсолютно противоположны. В одном случае Эрос и его судьба выступают как высший и решающий факт, в другом случае — власть *Я*. В первом случае *Я* — это лишь своего рода придаток Эроса и зависит от него; во втором случае любовь каждый раз оказывается лишь средством, чтобы одержать верх. Кому по душе власть *Я*, тот восстает против первой концепции; для кого же важен Эрос, тот никогда не сможет примириться со второй концепцией.

IV

ПРОБЛЕМА ТИПА УСТАНОВКИ

Несовместимость двух рассмотренных в предшествующих главах теорий требует поиска более высокой позиции, где они могли бы прийти к единству. Мы не можем отбросить одну теорию, сделав выбор в пользу другой, каким бы удобным ни казался этот выход; ибо если непредвзято подвергнуть проверке обе эти теории, то нельзя отрицать, что в обеих содержатся важные истины, и как бы они ни были противоположны, они не должны исключать друг друга. Теория Фрейда так подкупающе проста, что многие реагируют чуть ли не болезненно, когда кто-нибудь пытается ее оспорить или опровергнуть. Но то же самое можно сказать и о теории Адлера. Она тоже обладает очевидной простотой и не меньшей объясняющей силой, чем теория Фрейда. Поэтому не приходится удивляться тому, что последователи обеих школ упрямо держатся за свои односторонне истинные теории. По причинам, по-человечески вполне понятным, они не хотят отказываться от красивой, законченно-закругленной теории, чтобы получить взамен некий парадокс или, хуже того, заблудиться в путанице противоположных мнений.

Итак, поскольку обе теории в значительной мере верны, т. е. объясняют, по-видимому, свой материал, то невроз, очевидно, должен иметь два противоположных аспекта, из которых один схвачен теорией Фрейда, а другой — теорией Адлера. Но как это получается, что один исследователь видит только одну, а другой — только другую сторону? И почему каждый думает, что его понимание единственно правильное? Это происхо-

дит, вероятно, потому, что в силу своих психологических особенностей каждый исследователь видит в неврозе прежде всего то, что этим особенностям соответствует. Нельзя допустить, что Адлер имел дело со случаями неврозов, совершенно отличными от тех, которые послужили материалом для концепции Фрейда. Оба явно исходят из того же самого опытного материала; но так как они, в силу своего психологического своеобразия, видят вещи по-разному, то они и развивают в корне различные взгляды и теории. Адлер наблюдает, как субъект, чувствующий себя подчиненным и неполноценным, пытается с помощью «протестов», «способов» и прочих служащих достижению его цели ухищрений обеспечить себе иллюзорное превосходство — все равно, по отношению ли к родителям, воспитателям, начальству, авторитетам, ситуациям, институтам или прочим вещам. Среди его уловок фигурирует даже сексуальность. В основе такого взгляда лежит необычайное *акцентирование субъекта*, по отношению к которому своеобразие и значение объектов полностью исчезают. Они принимаются во внимание самое большее как носители тенденций подавления. Думаю, не ошибусь, если скажу, что отношение любви и прочие направленные на объекты вожелания тоже фигурируют у Адлера как существенные величины; однако в его теории неврозов они, в отличие от концепции Фрейда, не играют принципиальной роли.

Фрейд рассматривает своего пациента в его постоянной *зависимости* от значимых *объектов* и *в отношении* к ним. Отец и мать играют большую роль. Каким бы еще значительным влиянием и обуславливающим факторам ни оказалась в дальнейшем подвержена жизнь пациента, все это находится в прямой каузальной зависимости от этих пра-потенций. «*Piece de resistance*»* его теории — это понятие перенесения, т. е. отношение пациента к врачу. Определенным образом квалифицированный объект всегда представляет собой либо объект желания, либо объект сопротивления, и все это находится в соответствии с усвоенной в раннем детстве моделью отношения к отцу и матери. То, что исходит

* Здесь: «ядро» (фр.).

от субъекта, есть, в сущности, слепое влечение к удовольствию. Свое качество это влечение всегда получает от специфических объектов. У Фрейда объекты имеют величайшее значение и обладают почти исключительно *детерминирующей силой*, тогда как субъект остается поразительно незначительным и есть, собственно, не что иное, как источник влечения к удовольствию и «вместилище страха». Как мы уже отмечали, Фрейд, правда, признает «влечения Я», но уже один этот термин говорит о том, что его представление о субъекте как небо от земли отличается от той определенной величины, в качестве которой субъект фигурирует у Адлера.

Разумеется, оба исследователя рассматривают субъекта в его отношении к объекту; но насколько различно их понимание этого отношения! Адлер делает акцент на субъекте, который охраняет себя и стремится добиться превосходства над объектом, причем безразлично, каков этот объект; Фрейд же, напротив, упирает лишь на объекты, которые в силу их определенного своеобразия либо способствуют, либо препятствуют удовлетворению стремления субъекта к удовольствию.

Это различие есть, вероятно, не что иное, как *различие темпераментов*, противоположность двух типов духовного склада человека, из которых один определяется преимущественно субъектом, а второй — объектом. Промежуточная концепция, скажем, концепция «common sense»*, утверждала бы, что поступки человека определяются как субъектом, так и объектом. Оба исследователя, пожалуй, возразили бы, что их теория не ставит своей задачей дать психологическое объяснение нормального человека, а является теорией неврозов. Но тогда, вероятно, Фрейду пришлось бы объяснять и лечить некоторых пациентов на манер Адлера, а Адлер должен был бы пойти на то, чтобы в определенных случаях всерьез принимать во внимание точку зрения своего бывшего учителя, однако ни того, ни другого не происходило.

Эта дилемма поставила меня перед вопросом: может быть, существует по меньшей мере два различных типа людей, из которых один больше заинтересован объек-

* «Здравого смысла» (англ.).

том, а другой — самим собой? И можно ли на основе этого утверждать, что один видит лишь одно, а другой — лишь другое и таким образом они приходят к совершенно различным выводам? Ведь нельзя же, как уже было сказано, полагать, что судьба столь изощренно сортирует пациентов, что всякий раз лишь одна определенная группа попадает к определенному врачу. Я уже давно заметил, как за самим собой, так и за своими коллегами, что есть случаи, которые вызывают явную заинтересованность, тогда как другие никак не укладываются в голове. Для лечения же имеет решающее значение то обстоятельство, оказывается ли возможным установление добрых отношений между врачом и пациентом. Если в течение короткого времени не устанавливаются определенные естественные доверительные отношения, то пациент предпочитает избрать другого врача. Я никогда не боялся порекомендовать своему коллеге взять пациента, чье своеобразие было мне чуждо или несимпатично, и притом я делал это в собственных интересах пациента. Дело в том, что в таком случае я уверен, что не добьюсь хороших результатов. Личность каждого по-своему ограничена, и как раз психотерапевт всегда должен учитывать эту ограниченность. Слишком большие личностные расхождения или даже несовместимость вызывают несоизмеримое и излишнее противодействие, которое отнюдь не беспочвенно. Контroversa «Фрейд—Адлер» есть, собственно, лишь парадигма и единичный случай среди многих возможных типов установки.

Я много занимался этой проблемой и в конечном счете на основе множества наблюдений и опытов пришел к выводу о наличии двух основных установок или типов установки, а именно *интроверсии* и *экстраверсии*. Первый тип установки — в норме — характеризует человека нерешительного, рефлексивного, замкнутого, который нелегко отвлекается от себя, избегает объектов, всегда находится как бы в обороне и охотно прячется, уходя в недоверчивое наблюдение. Второй тип — в норме — характеризует человека любезного, по видимости открытого и предупредительного, который легко приспосабливается к любой данной ситуации, быстро вступает в контакты и часто беззабот-

но и доверчиво, пренебрегая осторожностью, ввязывается в незнакомые ситуации. В первом случае определяющую роль явно играет субъект, а во втором — объект.

Этими замечаниями я, разумеется, обрисовал оба типа лишь в самых общих чертах¹. В эмпирической действительности обе эти установки — к которым я ниже еще вернусь — редко наблюдаются в чистом виде. Они всячески варьируются и компенсируются, так что часто бывает нелегко определить тип. В основе вариации — наряду с индивидуальными отклонениями — лежит преобладание одной определенной функции сознания, например мышления или чувства, что всякий раз накладывает на основную установку особый отпечаток. Наиболее частые компенсации основного типа базируются, как правило, на жизненном опыте, который учит человека — и притом, возможно, в весьма болезненной форме — не слишком давать волю своей собственной сущности. В других случаях, например у невротических индивидов, часто не знаешь, с какой установкой — сознательной или бессознательной — имеешь дело, так как из-за диссоциации личности проявляется то одна, то другая половина, что не дает возможности сделать определенный вывод. По этой же самой причине столь затруднительна совместная жизнь с невротическими личностями.

Фактическое наличие значительных типических различий, из которых я в своей только что упомянутой книге описал восемь групп², дало мне возможность рассматривать обе противоречащие друг другу теории невротизма в качестве манифестации типических противоположностей.

Эти выводы привели к необходимости подняться над противоположностями и создать теорию, которая отдавала бы должное не просто той либо другой кон-

¹ Разработка проблемы типов дана в моей книге *Psychologische Typen*. Ges. Werke, Bd. 6.

² Тем самым, разумеется, не охвачены все встречающиеся типы. Кроме того, к критериям различия относятся возраст, пол, активность, эмоциональность и уровень развития. Основу моей типизации составляют четыре функции ориентирования сознания: ощущение, мышление, чувствование, предчувствие (интуиция). См.: *Psychologische Typen*, 1950, p. 467 ff. Ges. Werke, Bd. 6, Paragr. 642 ff.

цепции в отдельности, а в равной мере — обоим. Для этого необходима критика обеих приведенных теорий. Обе теории способны, если их, разумеется, применять к подобным вещам, весьма болезненным образом свети высокий идеал, героическую установку, пафос или убеждение к банальной реальности. Их, во всяком случае, не следовало бы применять к подобным вещам; ибо обе теории суть в сущности терапевтические инструменты из арсенала врача, который острым и безжалостным скальпелем удаляет нечто болезненное и приносящее вред, что было также целью ницшевской деструктивной критики идеалов, которые он считал наростами в душе человечества (иногда они и в самом деле таковы). В руках хорошего врача, действительного знатока души человеческой, который — если говорить вместе с Ницше — имеет «Finger für Nuancen»*, и в применении к тому, что действительно является болезненным в душе, обе теории представляют собой целительные выжигающие средства, эффективные, если их применять в дозировке, соответствующей данному единичному случаю, но вредные и опасные в руках того, кто не умеет измерять и взвешивать; это — критические методы, которые имеют то общее со всякой критикой, что там, где можно и нужно нечто разрушить, разложить и ограничить, они оказывают благотворное действие, однако везде, где следует созидать, — причиняют лишь вред.

Обе теории можно было бы поэтому принять без опасений лишь постольку, поскольку они, подобно медицинским ядам, остаются в надежной руке врача. Дело в том, что для успешного применения этих выжигающих средств требуется чрезвычайно глубокое знание души. Тот, кто их применяет, должен уметь отличить! болезненное и бесполезное от весьма ценного и подлежащего сохранению. Это — самое трудное. Тот, кто хочет наглядно убедиться в том, как безответственно может впасть в ошибку психологизирующий врач, связанные обывательскими, псевдонаучными предрассудками, тому достаточно взять в руки работу Мёбиуса о Ницше

³ Moebius, Paul Julius, *Ober das Pathologische bei Nietzsche*, 1902.

* «Чувство нюансов» (нем.).

или же различные «психиатрические» писания о «случае» Христа — и тогда ему придется воскликнуть «О трижды горе!» при мысли о пациенте, которому выпадает на долю такое «понимание».

Обе рассмотренные теории неврозов являются не общезначимыми теориями, а, так сказать, «локально» применимыми средствами. Каждому явлению они говорят: «Ты есть не что иное, как...» Они разъясняют больному, что его симптомы имеют такое-то и такое-то происхождение и суть не что иное, как то или это. Было бы очень несправедливо всегда утверждать, что такая редукция в данном конкретном случае ошибочна; однако, будучи возведенной в ранг общего понимания сущности как больной, так и здоровой души, *изолированная редуктивная теория невозможна*. Ибо человеческая душа, будь она больной или здоровой, не может быть объяснена *только* путем редукции. Разумеется, Эрос наличествует всегда и везде, разумеется, инстинкт власти пронизывает все самое высокое и самое низкое в душе; однако *душа есть не только одно или другое или — если угодно — и то и другое вместе, но она есть также то, чтб она из этого сделала или будет делать*. Человек постигнут лишь наполовину, если известно, что из чего в нем произошло. Если бы все объяснялось только этим, то человек мог бы с таким же успехом давно уже умереть. Но как живущий человек он не постигнут; ибо жизнь имеет не только некоторое Вчера и она не объясняется тем, что Сегодня сводится к Вчера. Жизнь имеет также Завтра, и Сегодня становится понятным лишь тогда, когда мы оказываемся способными прибавить к нашему знанию того, чтб было вчера, еще и видение зачатков Завтра. Это относится ко всем психологическим проявлениям жизни и даже к симптомам болезни. Дело в том, что симптомы невроза — это не только следствия имевших место однажды в прошлом причин, будь то «инфантильная сексуальность» или же «инфантильный инстинкт власти», но они суть также попытки некоторого нового синтеза жизни,— к чему, однако, надо тотчас же прибавить: неудавшиеся попытки, которые тем не менее все же остаются попытками, не лишенными внутренней ценности и смысла. Это — зародыши, неудавшиеся в силу

неблагоприятных условий внутренней и внешней природы.

Читатель, разумеется, спросит: в чем же могут заключаться ценность и смысл невроза, этого бесполезнейшего и ужаснейшего бедствия человечества? Быть невротиком — какой в этом прок? Это, разумеется, подобно тому, как Господь сотворил мух и прочих паразитов, чтобы человек упражнялся в полезной добродетели терпения. Насколько нелепа эта мысль с точки зрения естественной науки, настолько же она может оказаться дельной с точки зрения психологии, а именно — если мы в таком случае вместо «паразиты» скажем «симптомы нервного заболевания». Даже Ницше, как никто другой презиравший глупые и банальные мысли, не раз признавал, сколь многим он был обязан своей болезни. Я видел многих, своей полезностью и оправданностью своего существования обязанных неврозу, не дававшему им совершать те глупости, которые имели бы решающее значение для их жизни, и *принуждавшему* их к такому существованию, когда развивались бы весьма ценные задатки, оказавшиеся задушенными, если бы невроз железной рукой не ставил этих людей на подобающее им место. Есть такие люди, которые лишь в бессознательном обладают пониманием смысла своей жизни и своего подлинного значения, а сознание их заполнено всем тем, что представляет для них соблазн, совращающий их с правильного пути. С другими же все обстоит опять-таки наоборот. Но у них ведь и невроз имеет другое значение. В таких случаях уместна далеко идущая редукция, тогда как в случаях, упомянутых выше, она недопустима.

Теперь читатель хотя и склонится к тому, чтобы в определенных случаях допустить возможность такого значения невроза, однако все же будет готов отрицать наличие столь далеко идущей и полной смысла целесообразности этого заболевания во всех банальных, повседневных случаях. Что, например, ценного может иметь невроз в вышеупомянутом случае с астмой и истерическими приступами страха? Я признаю: ценность здесь не очевидна, особенно если этот случай рассматривать с позиции редуктивной теории, т. е. с точки зрения темной стороны индивидуального развития.

Обе обсуждавшиеся до сих пор теории имеют, как мы видели, то общее, что они беспощадно вскрывают все то, что в человеке принадлежит к темной стороне. Это теории или — лучше сказать — гипотезы, которые объясняют нам, в чем состоит патогенный момент. В соответствии с этим они заняты не *ценностями* человека, а его *отрицательными ценностями*, которые проявляют себя в качестве расстройств.

«Ценность» есть некоторая возможность, посредством которой энергия может получить развитие. Но поскольку отрицательная ценность точно так же есть некоторая возможность, посредством которой энергия может получить развитие — что мы, например, наиболее отчетливо можем наблюдать в случаях значительных манифестаций энергии при неврозе,— то *она по сути дела тоже есть некоторая ценность*, но такая, которая опосредует бесполезные и вредные манифестации энергии. Дело в том, что энергия сама по себе не есть ни добро ни зло, она ни полезна ни вредна, но индифферентна, так как все зависит от *формы*, в которую входит энергия. Форма придает энергии качество. С другой стороны, однако, голая форма без энергии точно так же индифферентна. Для того чтобы получилась некоторая действительная ценность, необходима поэтому, с одной стороны, энергия, а с другой — обладающая ценностью форма. В неврозе психическая энергия⁴, без сомнения, заключена в малоценную и непригодную форму. И вот *концепции обеих редуктивных теорий служат тому, чтобы разрушить эту малоценную форму*. Здесь они оправдывают себя в качестве упомянутых выжигающих средств. Тем самым мы получаем свободную, но индифферентную энергию. До сих пор господствовало допущение, что эта вновь приобретенная энергия оказывается в сознательном распоряжении пациента, так что он может ее применять как ему угодно. Поскольку придерживались мнения, что энергия есть не что иное, как сила полового инстинкта, то речь шла о ее «сублимированном» применении, причем предполагалось, что пациент с помощью анализа полу-

⁴ См. мою книгу *Ober psychische Energetik und das Wesen der Träume*, 1948. Ges. Weike, Bd. 8.

чает возможность перевести сексуальную энергию в некоторую «сублимацию», т. е. в некоторый несексуальный способ применения, скажем, в занятие искусством или какой-либо еще благой или полезной деятельностью. Согласно этой концепции, пациент имеет возможность произвольно или в соответствии со своей склонностью осуществить сублимацию своих инстинктивных сил.

В известной степени можно признать за этой концепцией право на существование в той мере, в какой человек вообще в состоянии наметить определенную линию своей жизни, которой ему следует придерживаться. Но мы знаем, что не существует такой человеческой дальновидности и жизненной мудрости, которая могла бы сделать нас способными придать нашей жизни заранее намеченное направление,— это возможно разве что на малых отрезках пути. Такое воззрение значимо, во всяком случае, лишь по отношению к «обычному» жизненному типу, но не по отношению к «героическому». Второй образ жизни тоже существует, но, без сомнения, гораздо реже, чем первый. По поводу второго уже нельзя, конечно, сказать, что человек едва ли может задать направление своей жизни либо может это сделать лишь на короткой дистанции. Героический образ жизни *безусловен*, т. е. он определяется судьбоносными решениями, причем решение об избрании определённого направления сохраняет свою силу и в случае горького исхода. Врачу, разумеется, по большей части приходится иметь дело лишь с людьми и гораздо реже — с обладающими свободной волей героями, и тогда, к сожалению, это в большинстве своем те, чей показной героизм есть инфантильное утешение перед лицом более сильной судьбы или же чванство, которое должно скрыть ранящее чувство неполноценности. Во всемогущей повседневности, к сожалению, встречается мало такого необычного, которое было бы здоровым. Для явного героизма остается мало места; однако нельзя сказать, что требование героизма вообще не стоит перед нами! Напротив, самое скверное и тягостное состоит как раз в том, что банальная повседневность обращает к нашему терпению, нашей преданности, выдержке, самоотречению свои банальные требования,

которые надо выполнять лишь со смирением и без каких бы то ни было показных, героических жестов, для чего, однако, нужен героизм, хотя и незаметный внешне. Он лишен внешнего блеска, не окружен похвалой и постоянно стремится укрыться в повседневном облачении. Таковы требования, неисполнение которых приводит к неврозу. Чтобы уклониться от них, многие уже принимали смелые решения о своей жизни и реализовывали их до конца, хотя бы они и были заблуждением в глазах людей. Перед такой судьбой можно только преклониться. Однако, как уже сказано, такие случаи редки; остальные случаи составляют абсолютно подавляющее большинство. Для последних направленность жизни не есть простая, ясная линия. Перед такими людьми судьба предстает в запутанном виде и преисполненной различных возможностей, и все же лишь одна из этих многих возможностей есть их собственный и правильный путь. Кто мог бы, даже обладая всем доступным человеку знанием своего собственного характера, осмелиться на то, чтобы заранее определить ту самую *единственную* возможность? Разумеется, волей может быть достигнуто многое. Однако в корне ошибочно стремление, беря за образец судьбу некоторых личностей, имеющих особенно сильную волю, любой ценой подчинить своей воле и свою собственную судьбу. Наша воля есть функция, направляемая нашим *умислом*; она, таким образом, зависит от определенности нашего умысла. Наш умисел должен — коль скоро это вообще есть некоторый умисел — быть *рациональным*, т. е. соответствующим разуму. Однако разве кто-нибудь когда-либо доказал и разве может быть когда-нибудь доказано, что жизнь и судьба согласуются с нашим человеческим разумом, т. е. что они равным образом рациональны? Напротив, мы не без оснований предполагаем, что они тоже иррациональны, иначе говоря, что они в конечном счете имеют свое основание также и по ту сторону человеческого разума. Иррациональность события выказывает себя в так называемой *случайности*, которую мы, разумеется, вынуждены отрицать, потому что мы ведь а priori не можем мыслить какой-либо процесс, который не был бы каузально и необходимо обусловлен, а следовательно, такой про-

цесс и не может быть для нас случайным⁵. Однако практически случайность наличествует повсюду, и при этом ее очевидность настолько бьет в глаза, что мы с не меньшим успехом легко могли бы пренебречь нашей каузальной философией. *Полнота жизни закономерна и вместе с тем не закономерна, рациональна и вместе с тем иррациональна.* Поэтому разум и обоснованная разумом воля имеют силу лишь в весьма небольших пределах. Чем дальше простираем мы рационально избранную направленность, тем больше можем мы быть уверены, что тем самым исключаем иррациональную жизненную возможность, которая, однако, точно так же имеет право быть реализованной. Разумеется, способность определять направление своей жизни была весьма целесообразной для человека. Можно с полным правом утверждать, что достижение разумности есть величайшее завоевание человечества. — Однако этим еще не сказано, что так должно или так будет продолжаться при любых обстоятельствах. Страшная катастрофа первой мировой войны перечеркнула расчеты даже наиболее оптимистически настроенных культур-рационалистов. В 1913 году Оствальд написал следующие строки: «Все человечество сходится в том, что современное состояние вооруженного мира — это состояние неустойчивое и постепенно становящееся невозможным. Оно требует от некоторых наций чудовищных жертв, которые значительно превосходят затраты на культурные цели, хотя тем самым отнюдь не обретаются какие-либо позитивные ценности. Если, таким образом, человечество сможет найти пути и средства к тому, чтобы прекратить подготовку к войнам, *которые никогда не наступят*, и отказаться от подготовки значительной части нации самого цветущего и работоспособного возраста к войне и ко всем прочим бесчисленным вредительствам, вызываемым современным состоянием, то тем самым будет сэкономлено столь огромное количество энергии, что с этого момента следовало бы рас-

⁵ Современная физика покончила с этой строгой каузальностью. Остались еще лишь «статистические вероятности». Я уже в 1916 году указывал на психологическую обусловленность каузального восприятия, что в то время вызвало резкие отклики. Ср.: *Collected Papers on Analytical Psychology*, 1920, 2nd ed., p. X и XV.

считывать на небывалый расцвет культурного развития. Ибо война — точно так же, как и личная борьба,— есть хотя и самое древнее из всех возможных средств разрешения противоречий между волями, однако именно поэтому — самое нецелесообразное, сопряженное со злейшим расточительством энергии. Полное устранение как потенциальной, так и актуальной войны всецело отвечает поэтому смыслу энергетического императива и является одной из важнейших культурных задач современности»⁶.

Однако иррациональность судьбы пожелала не того, чего хотела рациональность стремящихся к добру мыслителей, а захотела не только пустить в дело горы накопленного оружия и множество солдат. Нет, она захотела гораздо большего, чем только этого — а именно: чудовищного, безумного опустошения, массового убийства небывалых масштабов,— из чего человечество, вероятно, могло бы сделать вывод о том, что все же посредством рационального умысла можно, пожалуй, овладеть лишь одной стороной судьбы.

То, что" следует сказать о человечестве вообще, относится также и к каждому отдельному человеку; ибо все человечество состоит исключительно из отдельных людей. И то, что является психологией человечества, это также и психология отдельного Человека. В мировой войне мы пережили осуществление страшной расплаты с рациональной предумышленностью цивилизации. То, что у отдельного человека называется «волей», у наций называется «империализмом»; ибо воля есть проявление власти над судьбой, т. е. исключение случайного. Цивилизация есть рациональная, с волей и намерением реализованная «целесообразная» сублимация свободных энергий. В случае отдельного человека дело обстоит точно так же. И подобно тому как идея всеобщей культурной организации претерпела в этой войне чудовищную корректировку, точно так же и отдельному человеку в своей жизни нередко приходится на опыте узнавать, что так называемые «находящиеся в свободном распоряжении» энергии не позволяют распоряжаться собой.

⁶ Wilhelm Ostwald, *Die Philosophie der Werte*, 1913, p. 312 f.

В Америке у меня однажды консультировался один коммерсант, которому было около 45 лет; его случай хорошо иллюстрирует только что сказанное. Это был типичный американец, самостоятельно выбившийся в люди из самых низов. Он был очень удачлив и основал солидное предприятие. Ему удалось постепенно поставить дело так, что он мог уже подумывать о том, чтобы отойти от руководства. За два года до того, как я с ним встретился, он ушел на покой. До этого он жил исключительно своим делом и концентрировал на нем всю свою энергию с той невероятной интенсивностью и односторонностью, которая характерна для преуспевающего американского бизнесмена. Он купил себе великолепную виллу, где и намеревался «жить», думая при этом о лошадях, автомобилях, гольфе, теннисе, «parties»* и т. д. Однако он просчитался. Ставшая «свободной» энергия отнюдь не была привлечена всеми этими манящими перспективами, но упорно сосредоточилась на чем-то совсем ином, а именно: после нескольких недель долгожданной счастливой жизни он начал прислушиваться к некоторым необычным ощущениям в теле, и еще нескольких недель оказалось достаточно, чтобы повергнуть его в небывалую ипохондрию. Нервы его совершенно расстроились. Он, здоровый, физически необычайно крепкий, на редкость энергичный человек, превратился в плаксивого ребенка. Он утратил все свое мужество. Одни страхи сменялись другими, и он чуть ли не до смерти изводил себя ипохондрическими придирками и подозрениями. Тогда он проконсультировался у одного известного специалиста, который сразу совершенно правильно определил, что пациент нуждается лишь в одном, а именно — в работе. Это понял и сам пациент, и он занял свою прежнюю должность. Однако — к его огромному разочарованию — у него не возникало никакого интереса к своему делу. Ни терпение, ни решимость не помогали. Уже никакими средствами не удавалось направить энергию на дело. Тогда его состояние, разумеется, еще больше ухудшилось. Все то, что прежде было в нем живой творческой энергией, со страшной деструктив-

* «Развлечениях» (фр.).

ной силой обернулось теперь против него самого. Его творческий гений в известном смысле восстал против него, и подобно тому как прежде он творил в мире великие организационные дела, так теперь его демон творил не менее рафинированные хитросплетения ипохондрических иллюзорных умозаключений, которые просто убивали этого человека. Когда я его увидел, он в духовном отношении уже представлял собой развалину. Я все же попытался разъяснить ему, что хотя подобная гигантская энергия и может быть отвлечена от дела, однако весь вопрос в том, на что ее направить. Порой даже самые прекрасные лошади, самые быстрые автомобили и самые увлекательные «parties» не могут служить приманкой для энергии, хотя, разумеется, было бы вполне разумным полагать, что человек, посвятивший всю свою жизнь серьезной работе, в определенном смысле имеет естественное право на радости жизни. Да, если бы судьба распоряжалась в соответствии с человеческим разумом, тогда, пожалуй, дело должно было бы обстоять так: сначала работа, затем заслуженный отдых. Однако все происходит как раз иррационально, и самым неподобающим образом энергия требует того «уклона», который приходится ей по вкусу, а иначе она просто накапливается и, не находя себе выхода, становится деструктивной. Она возвращается к прежним ситуациям, в данном случае — к воспоминанию о заражении сифилисом, случившемся с ним 25 лет назад. Однако и это было лишь этапом на пути возрождения инфантильных реминисценций, которые уже было почти исчезли у него. Именно изначальное отношение к матери определило направленность его симптоматологии: это был «способ» привлечь к себе внимание и интерес своей (давно умершей) матери. Однако и эта стадия не была окончательной; ибо цель состояла в том, чтобы в известном смысле вернуть его к его собственному телу, после того как начиная с юности вся его жизнь была сосредоточена лишь в голове. Он дифференцировал одну сторону своего существования; другая же сторона осталась пребывать в глухом, так сказать телесном, состоянии. Но именно эта другая сторона нужна была бы ему для того, чтобы он мог «жить». Ипохондрическая «депрессия» как бы снова

принудительно возвратила его к телу, которое он всегда игнорировал. Если бы он смог последовать направленности депрессии и ипохондрической иллюзии и осознать те фантазии, которые происходили из такого состояния, то это было бы путем к спасению. Однако мои аргументы, как и следовало ожидать, не встретили сочувствия. Столь запущенный случай можно лишь попытаться — пока человек еще не умер — облегчить, но едва ли уже можно его вылечить.

Этот случай ясно показывает, что мы не можем произвольно переводить «свободную» энергию на тот или иной рационально выбранный объект. То же самое в общем относится и к тем якобы свободным энергиям, которые мы получаем, с помощью редуктивных, выжигающих средств, разрушая их неподобающие формы. Как уже было отмечено, такая энергия в лучшем случае лишь на короткое время может подчиняться управлению. Но по большей части она противится тому, чтобы сколько-нибудь длительный период придерживаться рационально навязываемых ей возможностей. Психическая энергия есть реальность прихотливая, которая хочет реализовывать свои собственные условия. Энергии может быть сколько угодно, однако мы не сможем использовать ее до тех пор, пока нам не удастся создать для нее надлежащий «уклон».

Проблема «уклона» носит в высшей степени практический характер и появляется при анализе многих случаев. В тех благоприятных случаях, например, когда свободная энергия, так называемое либидо⁷, направляется на разумно выбранный объект, полагают, что это

⁷ Из вышесказанного читателю должно быть ясно, что введенное Фрейдом понятие *либидо*, весьма подходящее для практического словоупотребления, я применяю в гораздо более широком смысле, чем Фрейд. Я называю либидо психическую энергию, которая равнозначна степени интенсивности психических содержаний. Фрейд, в соответствии со своей теоретической предпосылкой, отождествляет либидо с Эросом и считает его отличным от общей психической энергии. Так, он утверждает (*Gesammelte Schriften*, Bd. 5, p. 92): «Мы устанавливаем понятие либидо как некоторой количественно изменяющейся силы, которой можно было бы измерять процессы и преобразования в сфере сексуального возбуждения. Это либидо мы отличаем от той энергии, которую следует считать лежащей в основе психических процессов вообще...» В другом месте Фрейд упоминает о том, что в случае инстинкта разрушения у него нет «аналогичного либидо термина». Но так как инстинкт разрушения есть энергетический феномен, то, мне кажется,

преобразование удалось осуществить сознательным усилием воли. Но это заблуждение, ибо и величайшего усилия воли оказалось бы недостаточно, если бы вместе с тем не существовал уклон, имеющий то же самое направление. Насколько важен уклон, можно наблюдать в тех случаях, когда, с одной стороны, предприняты самые отчаянные усилия, а с другой — избранный объект или желаемая форма очевидны для каждого, в силу своей рациональности, но тем не менее преобразование не удается, а просто снова происходит некоторое новое вытеснение.

Мне стало достаточно ясно, что лишь там, где есть уклон, продолжается тропа жизни. Однако, где нет создаваемого противоположностями напряжения, там нет энергии; поэтому должна быть найдена противоположная установка сознания. Любопытно наблюдать, как эта компенсирующая противоположность сыграла свою роль и в истории теорий неврозов: теория Фрейда представляет *Эрос*, а концепция Адлера — *Власть*. Логической противоположностью любви является ненависть, или, иначе говоря, Эросу противостоит Фобос (страх); психологически это, однако, означает волю к власти. Где господствует любовь, там отсутствует воля к власти, и где преобладает власть, там отсутствует любовь. Одно есть Тень другого. Для того, кто находится на позиции Эроса, компенсирующей противоположностью будет воля к власти. Для того же, кто делает упор на власть, компенсацией является Эрос. С точки зрения односторонней установки сознания, Тень есть не имеющий ценности и поэтому вытесненный сильным противодействием момент личности. Но чтобы возникло напряженное соотношение противоположностей, без которого невозможно дальнейшее движение, для этого то, что вытеснено, должно быть осознано. Сознание располагается в определенном смысле сверху, а Тень — снизу, и так как высокое стремится к низкому и горячее — к холодному, то каждое сознание, возможно не догадываясь об этом, ищет свою бессозна-

было бы проще определить либидо в качестве общего понятия психических интенсивностей, т. е. просто как понятие психической энергии. Ср.: *Symbole der Wandlung*.

тельную противоположность, без которой оно осуждено на застой, измельчание и закоснение. Лишь от противоположности зажигается жизнь.

То, что побудило Фрейда обозначить противоположность Эроса как инстинкт разрушения и смерти, было уступкой, с одной стороны, интеллектуальной логике, а с другой — психологическим предрассудкам. Ибо, во-первых, Эрос не равнозначен жизни; для кого это так, тому, разумеется, кажется, что противоположность Эроса — это смерть; во-вторых, каждый считает противоположность своему высшему принципу чем-то деструктивным, смертоносным и злым. Он не признает за ним позитивной жизненной силы; поэтому он избегает и боится его.

Как уже было упомянуто, существует много высших принципов жизни и мировоззрения и в соответствии с этим — столь же много различных форм компенсирующей противоположности. Выше я выделил два основных, как мне кажется, типа противоположностей, которые обозначил как *интровертный* и *экстравертный* типы. Уже Уильям Джеймс⁸ обратил внимание на наличие этих двух типов среди мыслителей. Он различал их как «tenderminded» и «tough-minded»*. Равным образом Оствальд⁹ выявил аналогичное различие классического и романтического типов среди великих ученых. Я, таким образом, не одинок с моей идеей типов — даже если ограничиться выделением из ряда других лишь этих известных имен. Исторические исследования показали мне, что многие великие спорные вопросы, возникавшие в истории духа, имели своей основой противоположность этих двух типов. Самый значительный случай такого рода — это противоречие между *номинализмом* и *реализмом*, начало которому было положено разногласиями между платоновской и мегарской школами и которое было унаследовано схоластической философией, где Абеляр снискал себе величайшую заслугу тем, что по крайней мере осмелился на попытку объединения противоположных точек зрения в *концептуал-*

* *Pragmatism*, 1911.

⁹ *Große Manner*, 1910.

* «Мягкий» и «жесткий» (англ.).

лизме¹⁰. Этот спор продолжается и в наши дни, проявляясь как противоположность идеализма и материализма. Подобно тому как это происходит во всеобщей истории духа, точно так же и каждый отдельный человек причастен к данной противоположности типов. При более тщательном исследовании выяснилось, что в брак вступают преимущественно люди, относящиеся к разным типам, и причем — бессознательно — для взаимного дополнения. Рефлексивная сущность интроверта побуждает его постоянно размышлять или собираться с мыслями перед тем, как действовать. Тем самым, разумеется, его действия замедляются. Его робость перед объектами и недоверие к ним приводят его к нерешительности, и таким образом он всегда имеет трудности с приспособлением к внешнему миру. Экстраверт, наоборот, имеет позитивное отношение к вещам. Они, так сказать, притягивают его. Новые незнакомые ситуации его привлекают. Чтобы узнать нечто неизведанное, он даже готов без оглядки окунуться в него. Как правило, он сначала действует и лишь затем раздумывает об этом. Поэтому его действия скоры и не подвержены сомнениям и колебаниям. Эти два типа поэтому как бы созданы для симбиоза. Один берет на себя обдумывание, а другой — инициативу и практические действия. Поэтому брак между представителями этих двух различных типов может быть идеальным. Пока они заняты приспособлением к внешним нуждам жизни, они великолепно подходят друг другу. Но если, например, муж заработал уже достаточно денег или если судьба послала им большое наследство и тем самым трудности жизни отпадают, то у них появляется время, чтобы заняться друг другом. До этого они стояли спиной к спине и защищались от нужды. Теперь же они поворачиваются друг к другу лицом и хотят друг друга понять — и делают открытие, что они никогда не понимали друг друга. Они говорят на разных языках. Так начинается конфликт двух типов. Этот спор язвителен, связан с насилием и взаимным обесцениванием, даже если он ведется очень тихо и самым интимным образом. Ибо *ценность одного есть отрица-*

¹⁰ *Psychologische Typen*, 1950, p. 64 ff. Ges. Werke, Bd. 6, Paragr. 65 ff.

тельная ценность другого. Было бы разумно полагать, что один, осознавая свою собственную ценность, спокойно мог бы признать ценность другого и что таким образом всякий конфликт стал бы излишним. Я наблюдал много случаев, когда выдвигалась аргументация подобного рода и тем не менее не достигалось ничего удовлетворительного. Там, где речь идет о нормальных людях, такой критический переходный период преодолевается более или менее гладко. *Нормальным* считается тот человек, который может существовать абсолютно при всех обстоятельствах, которые обеспечивают ему необходимый минимум жизненных возможностей. Однако многие на это не способны; поэтому-то и не слишком много нормальных людей. То, что мы обычно понимаем под «нормальным человеком» — это, собственно, некий идеальный человек, и счастливое сочетание черт, определяющих его характер,— явление редкое. Подавляющее большинство более или менее дифференцированных людей требует жизненных условий, дающих больше, чем относительно обеспеченное питание и сон. Для них конец симбиотических отношений означает тяжелое потрясение.

Не сразу становится понятно, почему дело обстоит так. Если мы, однако, примем во внимание, что ни один человек не является только интровертом или только экстравертом, а сочетает обе возможные установки, но так, что лишь одна из них получает у него развитие в качестве функции приспособления, то легко сможем прийти к предположению, что у интроверта где-то на заднем плане в неразвитом состоянии дремлет экстраверсия, тогда как у экстраверта подобное теневое существование ведет интроверсия. Так оно и есть на самом деле. Интроверт имеет экстравертную установку, однако она остается для него бессознательной, потому что его сознание постоянно направлено на субъект. Он, правда, видит объект, но имеет о нем ложные или затормаживающие представления, так что он по возможности держит себя дистанцированно, как если бы объект представлял собою нечто сильное и опасное. Поясню, что я имею в виду, с помощью простого примера. Двое юношей путешествуют вместе по стране. Они приходят к одному прекрасному зимку.

Оба хотят в него заглянуть. Интроверт говорит: «Я бы хотел знать, как он выглядит изнутри». Экстраверт отвечает: «Давай войдем» — и собирается пройти через ворота. Интроверт удерживает его: «А может быть, вход запрещен», — имея на заднем плане смутные представления о полиции, наказании, злых собаках и т. д.; на что экстраверт отвечает: «Но ведь мы же можем спросить. Уж наверное нас пропустят», — имея на заднем плане представления о добродушных старых привратниках, радушных хозяевах зѣмка и возможных романтических приключениях. И вот, на основе экстравертированного оптимизма они действительно проникают в зѣмок. Но тут возникает трудность. Зѣмок внутри перестроен, и в нем находятся лишь два зала с какой-то коллекцией старых рукописей. Случается так, что они приводят в восторг юношу-интроверта. Едва увидев их, он словно преображается. Он погружается в созерцание сокровищ, восторженные слова срываются с его губ. Он вовлекает в разговор зрителя, желая получить от него как можно больше сведений, и так как результат оказывается скромным, то юноша осведомляется о хранителе, с тем чтобы немедленно посетить его и задать ему свои вопросы. Робость его исчезла, объекты обрели соблазнительный блеск, и мир предстал в новом обличье. Между тем бодрость экстраверта все больше и больше убывает, лицо его постепенно вытягивается, и он начинает зевать. Нет здесь ни добродушных привратников, ни рыцарского гостеприимства, не видать и намека на возможность романтических приключений — это всего лишь переделанный в музей зѣмок. Рукописи можно рассматривать и дома. В то время как энтузиазм одного нарастает, настроение другого падает: зѣмок нагоняет на него тоску, рукописи напоминают о библиотеке, библиотека ассоциируется с университетом, университет — с зубрежкой и грозящим экзаменом. И постепенно мрачная пелена окутывает зѣмок, казавшийся ему недавно столь интересным и заманчивым. Объект становится негативным. «Разве не здорово, — восклицает интроверт, — что мы совершенно случайно обнаружили такую чудесную коллекцию!» — «Мне кажется, что здесь ужасно скучно», — отвечает второй, не скрывая своего дурного расположения духа. Это вызывает

досаду первого, и он про себя решает никогда больше не путешествовать с экстравертом. Последний же приходит в раздражение от раздраженности первого и говорит себе, что он всегда считал его бесцеремонным эгоистом, готовым из своих эгоистических интересов пренебречь такой прекрасной весенней погодой, которой там, снаружи, гораздо удобнее было бы наслаждаться.

Что же произошло? Оба в веселом симбиозе путешествовали друг с другом, пока не пришли к роковому дворцу. Там размышляющий заранее (прометеевский) интроверт сказал: «Его можно было бы осмотреть изнутри». Действующий и после размышляющий (эпиметеевский) экстраверт открыл доступ к желаемому¹¹. И теперь *происходит обращение типа*: интроверт, который сначала противился тому, чтобы войти, теперь уже не хочет уходить, тогда как экстраверт проклинаят тот момент, когда они проникли в з^мок. Первый *околдован* объектом, второй — своими негативными мыслями. Как только первый увидел рукописи, его словно подменили. Робость его исчезла, объект завладел им, и он охотно отдался ему. Второй, напротив, ощущал в себе нарастающее сопротивление объекту и, наконец, оказался в плену у своего находящегося в дурном настроении субъекта. Первый стал экстравертом, а второй — интровертом. Однако экстраверсия интроверта отличается от экстраверсии экстраверта и интроверсия экстраверта отличается от интроверсии интроверта. Когда раньше оба совместно путешествовали и пребывали в радостной гармонии, они не мешали друг другу, потому что каждый сохранял свое естественное своеобразие. Оба были позитивны друг для друга, потому что их установки взаимно дополняли друг друга. Однако они дополняли друг друга потому, что установка одного всегда включала в себя другого. Мы видим это, например, в коротком разговоре перед воротами: оба хотят войти в з£мок. Сомнение интроверта по поводу того, возможен ли вход, имеет свою силу и для другого. Инициатива экстраверта также значима и для его спут-

¹¹ Ср. мой разбор книги Шпиттелера в: *Psychologische Typen*, 1950, p. 227 ff. Ges. Werke, Bd. 6, Paragr. 261 ff.

ника. Таким образом, установка одного включает в себя и другого, и так в той или иной мере дело обстоит всегда, если индивидуум пребывает в естественной для него установке; ибо эта установка более или менее коллективно адаптирована. Это относится и к установке интроверта, хотя она всегда исходит от субъекта. Она просто направлена от субъекта к объекту, тогда как установка экстраверта направлена от объекта к субъекту.

Но в тот момент, когда у интроверта объект перевешивает субъекта и притягивает его,— тогда его установка теряет социальный характер. Он забывает о присутствии своего друга, не включает его больше в свою установку; он погружается в объект и не видит, как сильно скучает его друг. Соответствующим образом и экстраверт перестает принимать во внимание другого в тот момент, когда разочаровывается в своих ожиданиях и уходит в себя, погружаясь в свои субъективные представления и капризы.

Мы поэтому можем сформулировать смысл события следующим образом. У интроверта посредством влияния объекта проявилась *неполноценная экстраверсия*, тогда как у экстраверта место его социальной установки заняла *неполноценная интроверсия*. Тем самым мы возвращаемся к положению, из которого исходили: *ценность одного есть отрицательная ценность другого*.

Как позитивные, так и негативные события могут вызвать наверх неполноценную противofункцию. Но в таком случае появляется ранимость. *Ранимость есть симптом наличествующей неполноценности*. Тем самым создаются психологические основы для разлада и недопониманий, и не только для разлада между двумя людьми, но и для разлада с самим собой. Дело в том, что сущность *неполноценной функции*¹² характеризуется *автономией*; она самостоятельна, она охватывает, околдовывает и опутывает нас так, что мы уже перестаем быть хозяевами самих себя и не можем точно проводить различие между собой и другими.

И все же для развития характера необходимо, чтобы мы дали проявиться другой стороне, т. е. именно не-

¹² См.: *Psychologische Typen*, 1950, p. 615 f. Ges. Werke, Bd. 6, Paragr. 852 f.

полноценной функции; ибо мы, пожалуй, не можем надолго предоставить другому симбиотически заботиться о некоторой части нашей личности; ибо тот момент, когда у нас возникнет нужда в другой функции, может наступить в любое время и застать нас неподготовленными, как это показывает вышеприведенный пример. И последствия могут быть тяжелыми: экстраверт теряет тем самым свое необходимое ему отношение к объектам, а интроверт — к своему субъекту. Но опять-таки необходимо, чтобы интроверт добился действия, которое не тормозится постоянно раздумьями и колебаниями, и чтобы экстраверт вспомнил о себе, не причиняя тем самым ущерба своим отношениям.

Очевидно, что когда мы говорим об экстраверсии и интроверсии, то речь идет о двух противоположных друг другу естественных установках, или направленных движениях, которые Гёте однажды назвал *диастолой* и *систолей*. Они должны были бы своим гармоническим чередованием осуществлять ритм жизни; однако, как представляется, необходимо высочайшее искусство жизни для того, чтобы достичь этого ритма. Для этого надо либо быть совершенно бессознательным, так что естественный закон не нарушался бы никаким актом сознания, либо быть сознательным в еще гораздо более высокой степени, чтобы быть в состоянии также воли и осуществлять противоположные движения. Так как наше развитие не может быть направлено вспять, к животной бессознательности, то остается лишь тяжелый путь вперед к более высокой сознательности. Разумеется, такая сознательность, которая сделала бы возможным свободно и намеренно жить великими *Да* и *Нет* Жизни,— это прямо-таки сверхчеловеческий идеал, но вместе с тем все же и цель. Наш современный духовный склад, пожалуй, позволяет лишь *сознательно волишь Да и по меньшей мере переносить Нет*. Если дело обстоит так, то этим уже многое достигнуто.

Проблема противоположности как внутренне присущего человеческой природе принципа составляет дальнейший этап нашего продвигающегося вперед процесса познания. Эта проблема, как правило,— *проблема зрелого возраста*. Практическая работа с пациентом, пожалуй, никогда не начинается с этой проблемы, особенно если

речь идет о молодых людях. Источником возникновения неврозов у молодых людей, как правило, выступает конфликт между силами реальности и неадекватной, инфантильной установкой, которая каузально характеризуется аномальной зависимостью от реальных или воображаемых родителей, а с точки зрения цели — недостижимыми фикциями (т. е. намерениями и устремлениями). Здесь вполне уместны редукции Фрейда и Адлера. Однако существует множество неврозов, которые лишь в зрелом возрасте возникают или усугубляются настолько, что пациенты, к примеру, становятся профессионально нетрудоспособными. Разумеется, можно в таких случаях доказать, что уже в юности отмечались необыкновенная зависимость от родителей и всевозможные инфантильные иллюзии, однако все это не мешало людям избирать себе профессию и успешно работать, жениться или выходить замуж, и как-то вести семейную жизнь — до того момента в зрелом возрасте, когда прежняя установка проявит свою несостоятельность. В таких случаях, естественно, мало пользы от того, чтобы делать сознательными детские фантазии, зависимость от родителей и т. д., хотя это и является необходимой составной частью процедуры и потому часто оказывается небесполезным. Но по сути дела терапия действительно начинается в таких случаях лишь тогда, когда пациент понимает, что уже не отец и мать стоят у него на пути, а он сам, т. е. бессознательная часть его личности, продолжающая роль отца и матери. Однако это понимание, сколь бы полезным оно ни было, носит пока еще негативный характер, т. е. оно лишь гласит: «Я знаю, что это не отец и мать противостоят мне, но я сам». Но кто же в нем противостоит ему? Что это за таинственная часть его личности, скрывавшаяся за образами отца и матери и так долго заставлявшая его верить, что причина его недуга некогда внедрилась в него извне? Эта часть есть противоположность его сознательной установки, до тех пор не дающая ему покоя и мешающая ему, пока он ее не примет. Разумеется, для молодых людей освобождение от прошлого может оказаться достаточным; ибо перед ними простирается манящее будущее, богатое возможностями. Достаточно лишь разорвать некоторые узы, и

жажда жизни сделает остальное. Однако перед нами стоит другая задача, когда мы имеем дело с людьми, у которых уже бблшая часть жизни позади, которым уже не улыбаются какие-либо особенные возможности в будущем и у которых впереди все те же давно уже привычные обязанности и сомнительные удовольствия приближающейся старости.

Если нам удастся освободить молодых людей от их прошлого, то мы видим, что они переносят образы своих родителей на более подходящие замещающие фигуры: чувство, которое было связано с матерью, теперь направляется на жену и авторитет отца уступает место авторитету уважаемых учителей и начальников или же институтов. Это, правда, не фундаментальное решение проблемы, но практический путь, по которому бессознательно и поэтому без особых достойных упоминания препятствий и противодействий идет и нормальный человек.

Однако иначе выглядит проблема, стоящая перед взрослым, который, с большими или меньшими трудностями, уже прошел эту часть пути. Он уже освободился от — давно уже, может быть, умерших — родителей, он искал и нашел свою мать в жене (или в муже — отца), он почитал своих учителей и институты, сам стал отцом (или матерью), он, возможно, и это все уже имеет позади и научился понимать, что то, чтб сперва означало для него поддержку и удовлетворение, оказалось тягостным заблуждением, юношеской иллюзией, на которую он теперь оглядывается отчасти с сожалением, отчасти с завистью, так как впереди у него нет уже ничего, кроме старости и конца всех иллюзий. Здесь нет уже ни отца, ни матери; все то из его иллюзий, чтб он проецировал в мир и в вещи, вернулось постепенно к нему назад отработанным и изжившим себя. Энергия, возвращающаяся из всех этих отношений, приходится на долю бессознательного и оживляет в нем все то, развитием чего он до сих пор не занимался.

Скованные в неврозе движущие силы, будучи освобожденными, сообщают молодому человеку душевный подъем и ожидание и возможность дальнейшего развития его жизни. Для человека, находящегося на второй

половине своего жизненного пути, развитие дремлющей в бессознательном противоположной функции означает некоторое обновление жизни. *Однако это развитие уже не проходит через освобождение от инфантильных привязанностей*, через разрушение инфантильных иллюзий и перенесение старых образов на новые фигуры, а проходит оно через проблему противоположности.

Принцип противоположности лежит, разумеется, уже в основе юношеского духовного склада, и психологической теории юношеской психики следовало бы учитывать этот факт. Воззрения Фрейда и Адлера поэтому противоречат друг другу лишь тогда, когда они притязают на то, чтобы выступать в качестве общезначимой теории. Поскольку же они удовлетворяются тем, чтобы оставаться техническими вспомогательными представлениями, они не противоречат друг другу и не исключают друг друга. Психологическая теория, которая должна быть чем-то большим, чем только техническое средство, должна базироваться на принципе противоположности; ибо без этого принципа она могла бы реконструировать лишь некоторую невротически несбалансированную психику. Без противоположности не существует ни равновесия, ни саморегулирующейся системы. Психика, однако, есть саморегулирующаяся система.

Продолжая ту линию нашего рассуждения, от которой мы отклонились, можно сказать, что теперь становится ясно, каким образом именно в неврозе могут быть заключены те ценности, которых не хватает индивидууму. Мы можем теперь снова вернуться к рассмотренному случаю молодой дамы и применить к нему полученное знание. Если мы предположим, что эта больная «проанализирована», т. е. благодаря лечению ей стало ясно, какие бессознательные мысли скрывались за ее симптомами, в результате чего она снова вступила во владение той бессознательной энергией, которая составляла силу симптома,— то тогда возникает практический вопрос: что же должно произойти со свободной отныне энергией? В соответствии с психологическим типом больной было бы разумно снова перенести эту энергию на объект: например, это могла бы быть филантропическая деятельность или еще что-ни-

будь полезное. В исключительных случаях — для особенно энергичных натур, которые не боятся при случае довести себя до самоистязания, или для людей, склонных именно к такого рода деятельности, этот путь возможен, но в большинстве случаев — нет. Ибо — не будем забывать — либидо (именно психическая энергия) уже бессознательно имеет свой объект, и это — молодой итальянец или какой-либо подходящий реальный человеческий эрзац. При этих обстоятельствах, разумеется, подобная сублимация столь же желательна, сколь и невозможна. Ибо по большей части реальный объект представляет более подходящий уклон для энергии, нежели какая-либо этическая деятельность, сколь бы прекрасной она ни была. К сожалению, слишком многие говорят всегда лишь о том, каким человеку желательно было бы быть, но никогда — о том, каков он на самом деле. Врач, однако, имеет дело с действительным человеком, который упорно остается таким, каков он есть, пока его действительность не будет признана со всех сторон. Воспитание может исходить из одной лишь действительности, а не из некоего идеального призрака.

К сожалению, в большинстве случаев дело обстоит так, что человек не может произвольно задать направление так называемой свободной энергии. Она следует своему уклону. Она уже нашла его до того, как мы целиком освободили ее от привязанности к неподходящей форме. А именно, мы делаем открытие, что фантазии пациентки, которые прежде были направлены на молодого итальянца, теперь перенесены на врача¹³. Врач поэтому сам стал объектом бессознательного либидо. Если же больная ни при каких обстоятельствах не желает признавать факт перенесения¹⁴ или если врач

¹³ Фрейд ввел понятие *перенесения* для того, чтобы обозначить тем самым проекцию бессознательных содержаний.

¹⁴ Я, в отличие от некоторых, не убежден в том, что «перенесение на врача» есть феномен закономерный и необходимый для успешного лечения. Перенесение есть проекция, и проекция либо есть, либо ее нет. *Необходимой* она в любом случае не является. Ни в коем случае она не может быть «сделана»; ибо она возникает, *per definitionem* [по определению (*лат*)], из бессознательных мотиваций. Врач может быть либо годен для проекции, либо нет. Вовсе не утверждается, что он при всех обстоятельствах соответствует естественному уклону пациента; ибо вполне возможно, что послед-

не понимает феномен или понимает его неправильно, то возникает яростное сопротивление, цель которого — сделать во всяком случае невозможными отношения с врачом. Тогда больные уходят и ищут другого врача или такого человека, который их понимает, и если даже они отказываются от этих поисков, их проблема остается неразрешенной.

Если же происходит перенесение на врача и если оно принимается, то тем самым найдена некоторая естественная форма, которая не только заменяет прежнюю форму, но и делает возможным относительно бесконфликтное протекание энергетического процесса. Поэтому если предоставить либидо естественную свободу движения, то оно самостоятельно находит путь к предназначенному ему объекту. Там, где этого не случается, там речь всегда идет о своевольном сопротивлении законам природы или о приносящих расстройство влияниях.

В перенесении сначала осуществляется проекция всех возможных инфантильных фантазий, которые должны быть вытравлены, т. е. подлежат редуктивному разложению. Это было названо *разложением перенесения*. Тем самым энергия высвобождается и из этой непригодной формы, и мы снова стоим перед проблемой свободной энергии. В этом случае мы также должны поверить природе в том, что еще до того, как мы начали свои поиски, был уже избран тот объект, который дает наиболее благоприятный уклон.

нему предоставляется гораздо более значительный объект для проекции. Отсутствие направленной на врача проекции может при известных обстоятельствах даже значительно облегчить лечение, потому что тогда более ясно выступают на передний план действительные личностные ценности.

V

ЛИЧНОЕ И СВЕРХЛИЧНОЕ, ИЛИ КОЛЛЕКТИВНОЕ, БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Здесь начинается еще один новый этап нашего познавательного процесса. Мы продолжали аналитическое разложение инфантильных фантазий перенесения до тех пор, пока пациенту не стало достаточно ясно, что он сделал из своего врача отца и мать, дядюшку, опекуна и учителя и как бы там еще ни назывались родительские авторитеты. Однако, как вновь и вновь показывает опыт, возникают еще и другие фантазии, представляющие врача даже как Спасителя или как богоподобное существо,— разумеется, в полном противоречии со здравым рассудком сознания. Кроме того, оказывается, что эти божественные атрибуты выходят за рамки христианского мировоззрения, в атмосфере которого мы выросли, и принимают языческие очертания, например нередко образы животных.

Перенесение само по себе есть не что иное, как некоторая проекция бессознательных содержаний. Сначала проецируются так называемые поверхностные содержания бессознательного, о чем можно узнать из снов, симптомов и фантазий. В этом состоянии врач вызывает интерес в качестве возможного любовника (вроде того молодого итальянца из нашей истории). Затем он выступает в большей степени как отец: либо добродушный, либо, скажем, грозный, в соответствии с теми качествами, которыми обладал в глазах пациента его действительный отец. Иногда врач обретает для пациента

и материнские черты, что выглядит уже несколько странно, но все же находится в границах возможного. Все эти проекции фантазий имеют своей основой личные воспоминания.

Наконец, могут появиться фантазии, выходящие за границы обычного. Врач наделяется тогда довольно жуткими свойствами, выступая, скажем, в качестве колдуна или демонического преступника или же в качестве олицетворения соответствующего блага: как Спаситель. Или же он выступает как смешение обеих сторон. Разумеется, он вовсе не обязательно предстает сознанию пациента в таком виде, а просто на поверхность выступают фантазии, наделяющие врача такими чертами. Таким пациентам часто очень трудно бывает понять, что фактически их фантазии происходят от них самих и по сути дела не имеют ничего (или имеют очень мало) общего с характером врача. Это заблуждение происходит оттого, что для этого вида проекций отсутствуют личные базисные воспоминания. Можно при случае доказать, что уже в определенном детском возрасте с отцом или матерью были связаны подобные фантазии, для которых, однако, ни отец, ни мать на самом деле не давали повода.

В одной своей небольшой работе Фрейд¹ показал, какое влияние оказал на Леонардо да Винчи в его дальнейшей жизни тот факт, что у него было две матери. Факт наличия двух матерей, или двоякого происхождения, был в случае Леонардо реальным, однако подобное представление играло свою роль и у других людей искусства. Так, у Бенвенуто Челлини была фантазия о двояком происхождении. Вообще она представляет собой некоторый мифологический мотив. Многие герои имели в сказаниях двух матерей. Фантазия эта имеет своим источником не тот, скажем, действительный факт, что у героев было две матери, а есть общераспространенный, «изначальный» образ, принадлежащий к тайнам истории человеческого духа и не относящийся к сфере личных воспоминаний.

В каждом отдельном человеке помимо личных воспоминаний есть великие «изначальные» образы, как их

¹ *Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci*, 1910.

удачно однажды назвал Якоб Буркхардт, т. е. унаследованные возможности человеческого представления в том его виде, каким оно было издавна. Факт этого наследования объясняет тот по сути дела странный феномен, что известные сказочные образы и мотивы повторяются на всей Земле в одинаковых формах. Он объясняет далее, как, например, наши душевнобольные оказываются в состоянии репродуцировать точно такие же образы и взаимосвязи, которые нам известны из старинных текстов. Некоторые примеры такого рода я дал в моей книге «Трансформации и символы либидо»². Я тем самым отнюдь не утверждаю, что *по наследству передаются представления*, по наследству передается лишь *возможность представления*, а это большая разница.

Итак, на этой следующей стадии лечения, когда воспроизводятся фантазии, уже не основывающиеся на личных воспоминаниях, речь идет о манифестациях более глубокого слоя бессознательного, где дремлют общечеловеческие, изначальные образы. Эти образы и мотивы я назвал *архетипами* (а также «доминантами»)³.

Это открытие означает дальнейший шаг вперед в развитии нашей концепции, а именно признание наличия *двух слоев в бессознательном*. Дело в том, что мы должны различать *личное бессознательное* и *не- или сверхличное бессознательное*. Последнее мы обозначаем также как *коллективное бессознательное** — именно потому, что оно отделено от личного и является абсолютно всеобщим, и потому, что его содержания могут быть найдены повсюду, чего как раз нельзя сказать о личностных содержаниях. Личное бессознательное со-

² Новое издание: *Symbole der Wandlung*, 1952. Ges. Werke, Bd. 5. Ср. также *Oberden Begriff des kollektiven Unbewußten*, 1936 Ges. Werke, Bd. 9.

³ Это понятие разъясняется в следующих работах, из которых становится **ясным** и дальнейшее его развитие: *Symbole der Wandlung*, 1952. Ges. Werke, Bd. 5; *Psychologische Typen*, 1950, p. 567 ff. Ges. Werke, Bd. 6, Paragr. 759 ff. Ср. в: *Von den Wurzeln des Bewußtseins*, 1954, статьи: *Ober die Archetypen des kollektiven Unbewußten*, p. 3 ff. *Ueber den Archetypus mit besonderer Berücksichtigung des Animabegriffes*, p. 57 ff. *Die Psychologischen Aspekte des Mutter-Archetypus*, p. 87 ff. Ges. Werke, Bd. 9, 1. In Kerenyi und Jung, *Einführung in das Wesen der Mythologie, Zur Psychologie des Kind-Archetypus*, p. 103 ff. *Zum psychologischen Aspekt der Kore-Figur*, p. 215 ff. Ges. Werke, Bd. 9, 1. Комментарий к: Wilhelm, *Das Geheimnis der goldenen Blüte*, 1929. Ges. Werke, Bd. 13.

⁴ Коллективное бессознательное представляет собой объективно-психологическое, а личное бессознательное — субъективно-психическое.

держит утраченные воспоминания, вытесненные (намеренно забытые) тягостные представления, так называемые подпороговые (сублиминальные) восприятия, т. е. чувственные перцепции, которые были недостаточно сильны для того, чтобы достичь сознания, и, наконец, содержания, которые еще не созрели для сознания. Оно соответствует часто встречающемуся в сновидениях образу *Тени*⁵.

Изначальные образы — это наиболее древние и наиболее всеобщие формы представления человечества. Они в равной мере представляют собой как чувство, так и мысль; они даже имеют нечто подобное собственной, самостоятельной жизни, вроде жизни *частичных душ*⁶, что мы легко можем видеть в тех философских или гностических системах, которые имеют своим источником познания восприятие бессознательного. Представление об ангелах, архангелах, «тронах и господствах» у Павла, архонтах у гностиков, небесной иерархии у Дионисия Ареопагита и т. д. происходит из восприятия относительной самостоятельности архетипов.

Итак, тем самым мы нашли также тот объект, который избирает либидо, после того как оно оказывается высвобожденным из личностно-инфантильной формы перенесения. Оно, следуя своему уклону, погружается в глубины бессознательного и оживляет там то, что до сих пор дремало. Оно обнаруживает сокрытый клад, из которого всегда черпало человечество, из которого оно извлекло своих богов и демонов и все те сильнейшие и могущественнейшие идеи, без которых человек перестает быть человеком.

Возьмем, к примеру, одну из величайших мыслей, порожденных XIX веком, — идею *сохранения энергии*. Подлинным творцом этой идеи является Роберт Майер. Он был врачом, а вовсе не физиком или натурфилосо-

⁵ Под *Тенью* я понимаю «негативную» часть личности, а именно сумму скрытых, невыгодных свойств, недостаточно развитых функций и содержания личного бессознательного. Обобщающий обзор см.: T. Wolff, *Einführung in die Grundlagen der komplexen Psychologie*. In: *Studien zu C. G. Jungs Psychologie*, 1959, p. 151 ff.

⁶ По поводу этого понятия ср.: *Allgemeines zur Komplextheorie*. In: *Ober psychische Energetik und das Wesen der Träume*, 1948. Ges. Werke, Bd. 8.

фом, хотя выдвижение подобных идей скорее было бы более естественным для последних. Однако важно понять, что идея Майера не *создана* в собственном смысле. Не возникла она и в результате слияния существовавших тогда представлений или научных гипотез, а выросла в своем творце подобно растению. По этому поводу Майер писал Гризингеру следующее (1844): «Эту теорию я отнюдь не высидел за письменным столом». (Далее он сообщает о некоторых физиологических наблюдениях, которые он сделал в 1840/41 гг. в качестве судового врача.) «Но если вы хотите,— продолжает он в своем письме,— уяснить себе физиологические аспекты, то для этого необходимо знание физических процессов, если вы не предпочитаете рассматривать суть дела с метафизической точки зрения, что внушает мне бесконечное отвращение; я, таким образом, придерживался физики и с такой страстью отдавался своему предмету, что — многие из-за этого могут посмеяться надо мной — мало интересовался далеким материком, а предпочитал оставаться на борту, где я мог работать без перерыва и где в некоторые часы чувствовал себя как бы *вдохновленным* настолько, что не могу припомнить ничего подобного ни до, ни после. Некоторые мысли, как молнии пронзившие мое сознание — это было на рейде в Сурабайе,— я подвергал немедленному тщательному исследованию, что в свою очередь приводило меня к новым предметам. Те времена прошли, однако спокойное размышление над тем, *что тогда проявилось во мне*, привело к выводу, что это — истина, которую не только можно *чувствовать субъективно*, но которую также можно объективно доказать; но может ли это сделать столь мало сведущий в физике человек — этот вопрос я, естественно, должен оставить открытым»⁷.

В своей «Энергетике» Хельм высказывает ту точку зрения, что «новая мысль Роберта Майера не была извлечена постепенно из традиционных понятий силы в процессе их более глубокого продумывания, а принадлежит к *тем интуитивно постигаемым идеям, которые,*

⁷ Robert Mayer, *Kleinere Schriften und Briefe*. Stuttgart. 1893, p. 213. Brief an Wilhelm Griesinger, 16. Juni, 1844.

*происходя из других сфер духовного труда, как бы застигают мышление врасплох и принуждают его в соответствии с ними преобразовывать традиционные понятия**.*

Спрашивается: каково происхождение той новой идеи, которая навязала себя сознанию с такой стихийной принудительной силой? И откуда в ней та сила, которая смогла настолько захватить сознание, что полностью отвлекла его от всех многообразных впечатлений первого путешествия по тропикам? На эти вопросы не так-то легко ответить. Но если мы применим к этому случаю нашу теорию, то объяснение будет звучать так: *идея энергии и ее сохранения должна быть изначальным образом, который дремал в коллективном бессознательном.* Этот вывод требует, естественно, доказательства, что такого рода изначальный образ действительно существовал в истории духа и действовал на протяжении тысячелетий. Это можно и в самом деле доказать без особого труда. *Самые примитивные религии в самых различных уголках Земли базируются на этом образе.* Это — так называемые *динамические религии*, единственная и определяющая мысль которых состоит в том, что существует разлитая повсюду магическая сила⁹, вокруг которой вращается все. Тайлор, известный английский исследователь, а также Фрейзер неверно понимали эту идею как анимизм. На самом же деле первобытные народы со своим понятием силы отнюдь не имели в виду души или духов, а действительно нечто, что американский исследователь Лавджой¹⁰ точно обозначил как «primitive energetics»*. Это понятие соответствует представлениям о душе, духе, боге, здоровье, силе любви, плодородности, силе волшебства, влиянии, власти, авторитете, лекарстве, а также об известных душевных состояниях, характеризующихся аффектами. У некоторых полинезийцев «мулунгу» (именно это примитивное понятие энергии) есть дух, душа, демониче-

⁸ G. F. Helm, *Die Energetik nach ihrer geschichtlichen Entwicklung*. Leipzig, 1898, p. 20.

⁹ Так называемое *мана*. Ср.: N. Soederblom, *Dos Werden des Gottesglaubens*, 1916.

¹⁰ Arthur O. Lovejoy, The Fundamental Concept of the Primitive Philosophy in: *The Monist*, vol. XVI, 1906, p. 361.

* «Примитивную энергетику» (англ.).

екая сущность, волшебная сила, авторитет; и когда происходит что-либо необычное, то люди призывают «мулунгу». Это понятие силы у первобытных народов равнозначно также первой формулировке понятия бога. В ходе истории этот образ получал развитие во все новых и новых вариациях. В Ветхом Завете магическая сила светится в пылающем терновом кусте и в лице Моисея; в Евангелиях она появляется в излияниях Святого Духа в форме исходящих с неба огненных языков. У Гераклита она выступает как мировая энергия, как «вечно живущий огонь»; у персов она — огненный блеск «хаомы», божественной *благодати*; у стоиков она — *первотеплота*, сила судьбы. В средневековой легенде она выступает как аура, ореол святости, и в виде пламени вырывается из-под крыши шатра, где в экстазе лежит святой. Святые, галлюцинируя, видят эту силу в качестве Солнца, полноты света. В соответствии с древним воззрением сама душа есть эта сила; в идее бессмертия души заключено представление о ее *сохранении*, а в буддийском и первобытном представлении о метемпсихозе (переселении душ) заключено представление о ее *неограниченной способности к превращениям при неизменном сохранении*.

Эта идея, таким образом, испокон веков запечатлена в человеческом мозгу. Поэтому она в готовом виде заложена в бессознательном каждого. Требуются лишь определенные условия для того, чтобы снова заставить ее выступить на поверхность. В случае Роберта Майера эти условия, очевидно, оказались в наличии. Величайшие и наилучшие мысли человечества формируются поверх изначальных образов, представляющих собой как бы первичный рисунок. Меня уже часто спрашивали о том, каково же происхождение этих архетипов, или первообразов. Мне кажется, что дело обстоит так, как если бы их возникновение нельзя было объяснить никак иначе, как только предположив, что они представляют собой отражение постоянно повторяющегося опыта человечества. Одно из самых обычных и вместе с тем самых впечатляющих явлений, данных человеческому опыту,— это ежедневное кажущееся движение Солнца. Мы, во всяком случае, не можем обнаружить в бессознательном ничего имеющего к этому отношение

до тех пор, пока речь идет об известном нам физическом процессе. Напротив, мы обнаруживаем миф о солнечном герое во всех его бесчисленных вариациях. Этот миф, а не физический процесс есть реальность, образующая архетип Солнца. То же самое можно сказать о фазах Луны. Архетип есть своего рода готовность снова и снова репродуцировать те же самые или сходные мифические представления. В соответствии с этим, таким образом, кажется, что дело обстоит так, как если бы то, что запечатлевается в бессознательном, было бы исключительно субъективным представлением фантазии, вызванным физическим процессом. Можно было бы поэтому предположить, что архетипы суть многократно повторяющиеся отпечатки субъективных реакций". Такое допущение, естественно, лишь уводит от решения проблемы. Ничто не мешает нам предположить, что некоторые архетипы встречаются уже у животных и что они, следовательно, основываются на специфике живой системы вообще и, таким образом, суть лишь выражение жизни, чей статус уже не поддается дальнейшему объяснению. Как представляется, архетипы — это не только отпечатки постоянно повторяющихся типичных опытов, но и вместе с тем они эмпирически выступают как *силы* или *тенденции* к повторению тех же самых опытов. Дело в том, что всегда, когда некоторый архетип являет себя в сновидении, в фантазии или в жизни, он всегда несет в себе некоторое особое «влияние» или силу, благодаря которой воздействие его носит *нуминозный*, т. е. зачаровывающий либо побуждающий к действиям характер.

После обсуждения этого примера возникновения новых идей из сокровищницы изначальных образов продолжим наше изложение процесса перенесения. Мы видели, что именно в таких, по видимости, нелепых и странных фантазиях либидо обрело свой новый объект, а именно — содержание коллективного бессознательного. Как я уже говорил, проекция изначальных образов на врача представляет для дальнейшего лечения опасность, которую нельзя недооценивать. Дело в том, что

¹¹ Cp.: *Die Struktur der Seele* in: *Seelenprobleme der Gegenwart*, 1950, p. 127. Ges. Werke, Bd. 8.

образы содержат в себе не только все самое прекрасное и великое, что когда-либо мыслило и чувствовало человечество, но также все те гнуснейшие подлости и дьявольское варварство, на которые только было способно человечество. В силу своей специфической энергии (они соотносятся как заряженные силой автономные центры) они оказывают зачаровывающее, захватывающее действие на сознание и вследствие этого могут весьма сильно изменять субъекта. Это можно наблюдать в случаях религиозных обращений, при суггестии и в особенности при возникновении определенных форм шизофрении¹². И вот, если пациент не может отличить личность врача от этих проекций, то в конечном счете теряется всякая возможность взаимопонимания и человеческие отношения становятся невозможными. Но когда пациент избегает этой Харибды, он попадает во власть Сциллы — *интроекции* этих образов, т. е. он приписывает их свойства не врачу, а себе самому. Это тоже плохо. В случае проекции он колеблется между избыточным и болезненным превознесением до небес своего врача и исполненным ненависти презрением к нему. В случае интроекции он впадает в смешное самообожествление или моральное самоуничтожение. Ошибка, которую он совершает в обоих случаях, состоит в том, что он приписывает содержания коллективного бессознательного некоторому определенному лицу. Таким образом он превращает другого или себя самого в бога или дьявола. Здесь проявляется характерное действие архетипа: он захватывает психику со своего рода изначальной силой и вынуждает ее выйти за пределы человеческого. Он вызывает преувеличение, раздутость (инфляцию!), недобровольность, иллюзию и одержимость как в хорошем, так и в дурном. Именно поэтому люди всегда нуждались в демонах и никогда не могли жить без богов, за исключением некоторых особенно умных *specimina* вида «*homo occidentalis*»* вчерашнего и позавчерашнего дня, сверхчелове-

¹² Подробно проанализированный случай см. в: *Symbole der Wandlung*, 1952. Ges. Werke, Bd. 5; а также см.: Jan Nelken, *Analytische Beobachtungen über Phantasien eines Schizophrenen* in: *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen*, Bd. 4, 1912, p. 504.

* Образчиков (вида) «западный человек» (лат.).

ков, для которых «бог умер» и которые поэтому сами становятся богами, и притом божками мелкого формата, с толстостенными черепами и холодными сердцами. Дело в том, что понятие бога — совершенно необходимая психологическая функция иррациональной природы, *которая вообще не имеет отношения к вопросу о существовании бога*. Ибо на этот вопрос человеческий интеллект никогда не сможет ответить; еще менее способен он дать какое-либо доказательство бытия бога. Кроме того, такое доказательство излишне; идея сверхмогущественного, божественного существа наличествует повсюду, если не осознанно, то по крайней мере бессознательно, ибо она есть некоторый архетип. Есть нечто в нашей душе от высшей власти — и если это не осознанный бог, тогда все же по крайней мере это — «чрево», как говорит Павел. Поэтому я считаю более мудрым осознанно признавать идею бога; ибо в противном случае богом просто становится нечто другое, как правило, нечто весьма неудовлетворительное и глупое, что бы там ни выдавливало из себя «просвещенное» сознание. Наш интеллект уже давным-давно знает, что мы не можем правильно мыслить бога, не говоря уже о том, чтобы представить его. Раз и навсегда нужно признать, что вопрос о боге — это такой вопрос, на который нельзя ответить. Но *«consensus gentium»* (согласие народов) извечно говорил о богах и во веки будет говорить о них. Сколь бы прекрасным и совершенным по праву ни считал человек свой разум, он точно так же вправе быть уверенным, что разум — это всего лишь одна из возможных функций, соответствующая лишь одной стороне мировых феноменов. Со всех сторон нас окружает иррациональное, не согласующееся с разумом. И это иррациональное также есть психологическая функция, именно коллективное бессознательное, тогда как разум по существу связан с сознанием. Сознание должно обладать разумом, чтобы впервые открывать порядок в хаосе неупорядоченных индивидуальных случаев мирового целого, а затем — по крайней мере в пределах человеческих возможностей — также творить этот порядок. Мы имеем похвальное и полезное к тому, чтобы по возможности искоренить в нас и вне нас хаос иррационального. В

этом процессе мы, по видимости, немало преуспели. Один душевнобольной мне однажды сказал: «Господин доктор, сегодня ночью я продезинфицировал сулемой все небо и при этом не обнаружил никакого бога». Нечто подобное происходило и с нами.

Древний Гераклит, который действительно был великим мудрецом, открыл самый поразительный из всех психологических законов, а именно — *регулирующую функцию противоположностей*. Он назвал это так: *Enantiodromia*, встречный бег, имея в виду, что все переходит в свою противоположность. (Я напому здесь рассмотренный выше случай с американским бизнесменом, прекрасно демонстрирующий, что такое энантиодромия.) Так, рациональная культурная установка необходимо переходит в свою противоположность, а именно в иррациональное культурное опустошение¹³. Дело в том, что человек не должен идентифицировать себя с самим разумом, ибо человек не только разумен и никогда не будет иным. На это следует обратить внимание всем школьным воспитателям от культуры. Иррациональное не должно и не может быть искоренено. Боги не могут и не должны умереть. Я выше сказал, что в человеческой душе, по-видимому, всегда присутствует нечто подобное некоторой высшей власти, и если это не идея бога, то тогда это — чрево, говоря вслед за Павлом. Этим я хотел выразить тот факт, что всегда какой-либо инстинкт или комплекс представлений концентрирует на себе максимальную сумму психической энергии, посредством чего он принуждает «Я» служить ему. Обычно «Я» настолько притягивается этим энергетическим фокусом, что идентифицирует себя с ним и ему кажется, будто оно вообще ничего другого не желает и ни в чем другом не нуждается. Так возникает мания, мономания, или одержимость, сильнейшая односторонность, грозящая тяжелейшим обра-

¹³ Эта фраза написана во время первой мировой войны. Я оставил ее в первоначальной форме, ибо она содержит истину, которая не раз еще подтвердится в ходе истории. (Написано в 1925 г.) Как показывают современные события, подтверждение не заставило себя ждать слишком долго. Кто же, собственно, хочет этого слепого разрушения?.. Но все с величайшим рвением помогают демону. O sancta simplicitas! [О святая простота!]. (Добавлено в 1942 г.)

зом нарушить психическое равновесие. Без сомнения, в способности к такой односторонности кроется тайна определенных успехов, почему цивилизация и стремится усердно культивировать подобные односторонности. Страсть, т. е. концентрация энергии, заключающаяся в таких мономаниях, есть то, что древние называли неким «богом», и наше словоупотребление все еще поступает так же. Разве мы не говорим: «Он делает бога из того или из этого»? Человек полагает, что он еще совершает волевые акты и выбирает и не замечает, что он уже одержим, что его интерес уже стал его господином, присвоившим себе власть. Такие интересы становятся своего рода богами, которые, если они признаны многими, постепенно образуют «церковь» и собирают вокруг себя общину верующих. Тогда это называется «организацией». Последняя преследуется дезорганизующей реакцией, стремящейся вышибить клин клином. Энантиодромия, угрожающая всегда, когда движение достигло несомненной власти, не представляет собой, однако, решения проблемы, а столь же слепа в своей дезорганизации, как и в своей организации.

От жестокого закона энантиодромии ускользает лишь тот, кто умеет отличать себя от бессознательного, не посредством, скажем, того, что он его вытесняет — ибо тогда оно просто овладевает им исподволь, — а посредством того, что *он делает его видимым и ставит его перед собой как нечто отличающееся от него.*

Тем самым уже подготовлено разрешение той проблемы Сциллы и Харибды, которую я описал выше. Пациент должен научиться различать, что" есть «Я» и что" есть «не-Я», т. е. коллективная психика. Тем самым он получает материал, с которым ему начиная с этого момента еще долго предстоит разбираться. Его энергия, которая раньше была заключена в негодных, патологических формах, нашла теперь свою, подобающую ей сферу. Различение «Я» и «не-Я» включает в себя то, что человек в своей Я-функции стоит *на твердых ногах*, т. е. *исполняет свой долг по отношению к жизни, так что он во всех аспектах есть жизнеспособный член человеческого общества.* Все то, чем он в этом отношении пренебрегает, приходится тогда на долю бессознательного и усиливает позицию последнего, так

что он подвергается опасности быть поглощенным бессознательным. Но за это полагаются тяжелые наказания. Как намекает Синесий, именно «одухотворенная душа» (*TrveDfiaxixf^ \juxfD*) становится богом и претерпевает в этом состоянии божественные наказания, а именно — разорванность Загрея, которую испытал и Ницше в начале своей душевной болезни. Энантиодромия есть разорванность на пары противоположностей, которые подобают богу и, таким образом, также обожествленному человеку, который богоподобностью обязан преодолению своих богов. Коль скоро мы говорим о коллективном бессознательном, мы находимся в такой сфере и на такой ступени проблемы, которая вначале не принимается во внимание при практическом анализе в применении к молодым людям или тем, кто слишком долго пребывает на инфантильной стадии. Там, где еще предстоит преодолеть образ отца и образ матери, где еще предстоит овладеть некоторой частью внешней жизни, которой естественным образом обладает обычный средний человек,— там мы предпочитаем не говорить о коллективном бессознательном и о проблеме противоположности. Но в тех случаях, когда перенесения образов родителей и юношеские иллюзии преодолены или по меньшей мере *созрели для преодоления*, тогда мы должны говорить о проблеме противоположности и о коллективном бессознательном. Здесь мы находимся за пределами значимости редукций Фрейда и Адлера; ибо здесь нас уже не занимает вопрос, как можем мы устранить все то, что мешает человеку осуществлять свою профессиональную деятельность, или вступать в брак, или делать нечто такое, что означает развитие жизни, но перед нами стоит задача найти тот смысл, который делает возможным продолжение жизни вообще, поскольку жизнь должна быть чем-то большим, чем только лишь резиньяция и тоскливая оглядка назад.

Наша жизнь напоминает путь Солнца. Утром Солнце непрерывно набирает силу, до тех пор пока оно наконец не достигает, лучистое и горячее, полуденной высоты. Тогда наступает энантиодромия. Его непрерывное движение вперед уже означает не прибавление силы, а убавление. Таким образом, когда мы имеем

дело с молодым человеком, наша задача иная, нежели когда перед нами человек стареющий. В первом случае достаточно устранить все препятствия, мешающие развитию и подъему; во втором случае мы должны стимулировать все то, что оказывает поддержку при спуске. По-юношески неопытный человек, возможно, думает, что пожилых можно оставить в покое, что с ними уже все равно ничего больше не случается, что жизнь у них позади и они годятся еще лишь на то, чтобы служить окаменелыми опорами прошлого. Но было бы большим заблуждением полагать, что, например, жизнь женщины исчерпана с наступлением менопаузы. Вторая, послепуденная, половина человеческой жизни столь же богата смыслом, как и первая половина; только ее смысл и замысел совсем иные¹⁴. Человек имеет двоякого рода цели; первая цель — *природная*, порождение потомства и все дела, связанные с заботой о нем, к которым относятся также добыча денег и социальное положение. Если эта цель исчерпана, то начинается другая фаза: *культурная цель*. В достижении первой цели помогает природа и, кроме того, воспитание; немногое или даже совсем ничто не помогает нам в достижении последней цели. Часто господствует даже ложное тщеславие, требующее, чтобы старец был подобен юноше или чтобы он по крайней мере действовал подобным образом, хотя внутренне он уже и не может верить в это. Поэтому для столь многих людей переход от природной к культурной фазе оказывается бесконечно тяжелым и горьким; они цепляются за юношеские иллюзии или же за своих детей, чтобы таким образом спасти еще хоть кусочек юности. Мы наблюдаем это у матерей, которые видят смысл своей жизни исключительно в детях и думают, что жизнь их превратится в беспочвенное ничто, если им придется расстаться с детьми. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие тяжелые неврозы возникают в начале послепуденного периода жизни. Это — своего рода второй период зрелости или второй период бури и натиска, нередко сопровождающийся всеми бурями страстей

¹⁴ Ср. эти рассуждения с: *Die Lebenswende*, in: *Seelenprobleme der Gegenwart*, 1950, p. 220 ff. Ges. Werke, Bd. 8.

(«опасный возраст»). Однако проблемы, встающие в этом возрасте, уже нельзя решить с помощью старых рецептов, стрелку этих часов нельзя перевести назад. *То, что молодежь находила и должна была находить снаружи, человек послеполуденного периода должен найти внутри.* Здесь перед нами встают новые проблемы, которые нередко заставляют врача основательно поломать голову.

Переход от утра к послеполуденному периоду есть *переоценка прежних ценностей.* Человек оказывается перед необходимостью понять ценность того, что составляло противоположность его прежних идеалов, убедиться в ошибочности прежних убеждений, признать не-истину, содержащуюся в прежней истине, и почувствовать, сколько сопротивления и даже враждебности заключало в себе то, что прежде мы считали любовью. Многие из тех, кто оказался втянутым в конфликты проблемы противоположности, отбрасывают все то, что они раньше считали благим и достойным стремления, и пытаются продолжать жизнь в противоположности к их прежнему «Я». Смена профессий, разводы, религиозные обращения, разные виды отступничества являются симптомами этого перемахивания в противоположность. Отрицательный момент радикального перехода в противоположность заключается в том, что прежняя жизнь вытесняется и тем самым порождается столь же несбалансированное состояние, каким было и то прежнее состояние, когда противоположности осознанных добродетелей и ценностей были еще подавленными и бессознательными. Подобно тому как раньше невротические нарушения происходили, возможно, вследствие бессознательности противоположных фантазий, так и теперь опять-таки возникают нарушения благодаря вытеснению прежних идолов. В корне неверно, разумеется, полагать, что если мы распознаем в некоторых ценностях отрицательную ценность или в некоторой истине — не-истину, то в таком случае упраздняется ценность или истина. Они лишь стали *относительными.* *Все человеческое относительно, потому что все основывается на внутренней противоположности, ибо все есть энергетический феномен.* Энергия же необходимым образом основывается на некоторой предшествующей

противоположности, без которой не может быть никакой энергии. Всегда должны быть налицо высокое и низкое, горячее и холодное и т. д., чтобы мог состояться процесс выравнивания, который и представляет собой энергия. Поэтому склонность к тому, чтобы подвергнуть отрицанию все прежние ценности в пользу их противоположности,— это такое же преувеличение, как и прежняя односторонность. Но поскольку речь идет об общепризнанных и несомненных ценностях, которые отныне отвергаются, то происходит фатальная потеря. Кто так поступает, тот вместе со своими ценностями выбрасывает за борт и самого себя, как это уже сказал Ницше.

Но дело не в переходе в противоположность, а в *сохранении прежних ценностей вместе с признанием их противоположности*. Это означает конфликт и разлад с самим собой. Понятно, что люди боятся это делать, как философски, так и морально; поэтому — еще чаще, чем в переходе в противоположность,— они пытаются искать выход в судорожном отстаивании прежней позиции. Нельзя не признать, что в этом имеющем место у стареющих людей весьма, правда, несимпатичном явлении все же заключено нечто, что можно рассматривать как немалую заслугу; они по крайней мере не становятся ренегатами, продолжают стоять прямо и не впадают в неопределенность и ничтожество; они не становятся банкротами, а остаются лишь отмирающими деревьями, «свидетелями прошлого», если выражаться более мягко. Однако сопутствующие симптомы — косность, окаменение, ограниченность, нежелание «*laudatores temporis acti*»* идти в ногу со временем — безрадостны, даже вредоносны; ибо тот способ, каким они отстаивают некоторую истину или какую-либо ценность, является настолько косным и насильственным, что подобный дурной образ действия отталкивает сильнее, чем притягивает защищаемая ценность,— благодаря чему достигается как раз нечто противоположное доброму намерению. То, что* заставляет их впасть в косность,— это, в сущности, страх перед проблемой противоположности: они чувствуют близость жуткого

* «Ревнителей старины» (лат.).

брата Медарда и втайне бояться его. Поэтому право на существование имеет только *одна* истина и только *один* руководящий принцип действия, который должен быть абсолютным; в противном случае он не обеспечивает защиты против грозящего падения, которое люди предчувствуют повсюду, но только не в себе самих. Мы имеем в нас же самих опаснейшего революционера, и именно это должен знать тот, кто хочет здоровым перейти во вторую половину жизни. Тем самым мы, правда, взамен кажущейся уверенности, которой мы наслаждались до сих пор, получаем состояние неуверенности, разлада, противоречивых убеждений. В этом состоянии плохо то, что *по видимости* из него нет выхода. «*Tertium non datur*,— говорит логика,— третьего не дано».

Практические нужды лечения больных побудили нас поэтому к поиску средств и путей, которые могли бы вывести человека из этого невыносимого состояния. Когда человек оказывается перед кажущимся непреодолимым препятствием, то он отступает назад: он осуществляет, если использовать техническое выражение, *регрессию*. Он обращается к тем временам, когда находился в подобных ситуациях, с тем чтобы снова попытаться применить те средства, которые помогли ему тогда. Но то, что помогало в юности, в старости оказывается бесполезным. Чем помогло тому американскому бизнесмену то, что он снова вернулся к прежней работе? У него уже больше ничего не получалось. Поэтому регрессия продолжается и доходит до детства (поэтому многие старые невротики впадают в детство) и, наконец, *до периода, предшествующего детству*. Это звучит необычно; но в действительности речь идет о том, что не только логично, но и возможно.

Выше мы упомянули о том факте, что бессознательное содержит как бы два слоя, а именно — личностный и коллективный. Личностный слой оканчивается самыми ранними детскими воспоминаниями; коллективное бессознательное, напротив, охватывает период, предшествующий детству, т. е. *то, что осталось от жизни предков*. В то время как образы воспоминаний личного бессознательного являются как бы *заполненными*, ибо *пережитыми*, образами, архетипы коллективно-

го бессознательного представляют собой формы незаполненные, ибо они не пережиты индивидуумом лично. Если же регрессия психической энергии, выходя за пределы даже периода раннего детства, выходит на наследие жизни предков, тогда пробуждаются мифологические образы: архетипы¹⁵. Открывается некоторый духовный мир, о котором мы прежде ничего не подозревали, и выявляются содержания, находящиеся, возможно, в самом резком контрасте с нашими прежними представлениями. Эти образы обладают такой интенсивностью, что кажется вполне понятным, почему миллионы образованных людей впадают в теософию и антропософию. Это происходит просто потому, что эти современные гностические системы идут навстречу потребности в выражении этих внутренних, безмолвных событий в большей мере, нежели какая-либо из существующих форм христианской религии, не исключая в полной мере и католицизм. Последний способен, правда, в гораздо большей мере, чем протестантизм, выражать посредством догматических и культовых символов те факты, о которых у нас идет речь. Однако и он не достигал в прошлом и не достигает ныне полноты прежнего языческого символизма, почему последний долго сохранялся и в столетия христианства, а затем постепенно перешел в известные подводные течения, которые от раннего средневековья до Нового времени никогда полностью не утрачивали своей силы. Они хотя и исчезали с поверхности, уходя далеко вглубь, однако, меняя свою форму, возвращались и возвращаются снова, чтобы компенсировать односторонность современной ориентации сознания¹⁶. Наше сознание

¹⁵ Читатель заметит, что здесь в понятие архетипа привносится новый элемент, не упоминавшийся ранее. Это привнесение означает, однако, не какую-то нечаянную неясность, а намеренное расширение понятия архетипа посредством введения столь важного в индийской философии фактора *кармы*. Аспект кармы необходимо учитывать для более глубокого понимания сущности архетипа. Не вдаваясь здесь в более подробное описание этого фактора, я хотел по крайней мере упомянуть о его существовании. Моя идея архетипа подвергалась суровой критике. Я вполне допускаю, что это понятие спорно и способно немало озадачить. Однако мне всегда было очень любопытно, с помощью какого же понятия собирались мои критики выразить тот опытный материал, о котором идет речь.

¹⁶ См. мою статью *Paracelsus als geistige Erscheinung*. Ges. Werke, Bd. 13, а также *Psychologie und Alchemie*, 1952. Ges. Werke, Bd. 12.

настолько проникнуто христианством, даже почти всецело сформировано им, что бессознательная противоположная позиция не может быть принята в нем, и притом просто потому, что она слишком противоречит основным господствующим воззрениям. Чем более односторонне, косно и безусловно удерживается одна позиция, тем более агрессивной, враждебной и непримиримой будет другая, так что вначале их примирение имеет мало шансов на успех. Но если сознание допускает по крайней мере *относительную* значимость всех человеческих мнений, тогда и противоположность отчасти утрачивает свою непримиримость. Но между тем эта противоположность ищет для себя подходящее выражение, например, в восточных религиях: буддизме, индуизме и даосизме. Синкретизм (смешение и комбинирование) теософии в значительной мере идет навстречу этой потребности, и этим объясняется ее широкий успех.

Благодаря деятельности, связанной с аналитическим лечением, возникают переживания архетипической природы, требующие своего выражения и оформления. Разумеется, это не единственная возможность для осуществления такого рода опыта; архетипические переживания нередко возникают спонтанно, и притом отнюдь не только у так называемых «психологических» людей. Нередко о самых удивительных снах и видениях мне доводилось слышать от людей, в душевном здоровье которых не мог сомневаться даже специалист. Переживание архетипа люди часто оберегают как самую интимную тайну, так как чувствуют, что оно задевает сокровеннейшие глубины их существа. Это — своего рода праопыт душевного «не-Я», некоторого внутреннего оппонента, вызывающего на спор. Понятно, что в таких случаях прибегают к помощи параллелей, причем легко случается так, что первоначальное событие перетолковывается в духе заимствованных представлений. Типичный случай такого рода — видение троицы у брата Николая из Флюе¹⁷. Сходный пример — видение многоглазой змеи у Игнатия, которое

¹⁷ См. мою статью *Bruder Klaus. Ges. Werke*, Bd. 11, а также M.-L. von Franc, *Die Visionen des Niklaus von Flüe*. 1959.

он истолковал сначала как божественное, а затем — как дьявольское явление. Посредством таких перетолкований подлинное переживание замещается почерпнутыми из чужого источника образами и словами, а также воззрениями, идеями и формами, которые, как это бывает, выросли не на нашей почве и связаны главным образом не с нашим сердцем, а лишь с нашей головой, которая даже не может их отчетливо помыслить, так как никогда не смогла бы их изобрести. Это, так сказать, краденое добро, которое не идет впрок. Суррогат делает людей нереальными и превращает их в тени; они ставят пустые слова на место живой действительности и тем самым уклоняются от переживания противоположностей и устремляются в некий бледный, двухмерный призрачный мир, где все живое и творческое увядает и отмирает.

Безмолвные события, вызываемые регрессией в стадию, предшествующую детству, требуют не замещения, а *индивидуального оформления* в жизни и деятельности отдельного человека. Эти образы возникли из жизни, страданий и радостей предков и снова стремятся вернуться в жизнь и как переживание, и как деяние. Однако в силу своей противоположности сознанию они не могут непосредственно переводиться в наш мир, а должен быть найден опосредованный путь, который соединяет сознательную и бессознательную реальности.

VI

СИНТЕТИЧЕСКИЙ, ИЛИ КОНСТРУКТИВНЫЙ, МЕТОД

Разбирательство с бессознательным есть процесс или — в зависимости от обстоятельств — также претерпевание или работа, что получило название *трансцендентной функции*¹, так как она представляет собой функцию, опирающуюся на реальные и воображаемые, или рациональные и иррациональные, моменты и тем самым служащую мостом через зияющую пропасть между сознанием и бессознательным. Она есть естественный процесс, манифестация энергии, происходящей из напряженного соотношения противоположностей, и состоит в чередовании процессов фантазирования, спонтанно выступающих в снах и видениях². Этот же процесс можно также наблюдать в начальных стадиях некоторых форм шизофрении. Классическое описание такого процесса содержится, например, в автобиографическом изложении Жерара де Нерваля «Аврелия». Наиболее значительным литературным примером служит, разумеется, II часть «Фауста». Естественный процесс объединения противоположностей стал для меня моделью и основой метода, который по существу состоит в том, что мы то, что по природе про-

¹ Лишь позже я обнаружил, что понятие «трансцендентной» функции встречается также в высшей математике, а именно — как название функции реальных и мнимых чисел. См. также мою статью *Die transzendente Funktion*, in: *Geist und Wok. Rhein-Ferlag, Zurich*, 1958. Ges. Werke, Bd. 8.

² Изложение серий сновидений содержится в: *Psychologie und Alchemie* Ges. Werke, Bd. 12.

исходит бессознательно и спонтанно, намеренно вызываем наружу и интегрируем в сознание и его восприятие. У многих больных беда заключается именно в том, что у них отсутствуют средства и пути к духовному овладению происходящими в них процессами. Здесь требуется врачебное вмешательство в виде особого метода лечения.

Как мы видели, рассмотренные ранее теории основываются на имеющем исключительно каузально-редуктивный характер методе, который разлагает сновидение (или фантазию) на составляющие его воспоминания и лежащие в основе инстинктивные процессы. Выше я уже упомянул о том, в чем состоят как достоинство, так и ограниченность такого подхода. Этот подход достигает своего предела тогда, когда символы сновидений уже не могут быть сведены к личным воспоминаниям и стремлениям, т. е. когда всплывают образы коллективного бессознательного. Было бы бессмысленно пытаться свести эти коллективные идеи к личному, и не только бессмысленно, но и вредно, как это мне неприятным образом показал опыт. Я лишь с большим трудом и после долгих колебаний, наученный в конце концов неудачами, смог решиться на то, чтобы отказаться от односторонне персоналистической ориентации медицинской психологии в указанном смысле. Прежде всего мне пришлось прийти к основательному пониманию того, что за «анализом», поскольку он есть только разложение, необходимо должен следовать некоторый синтез и что существуют душевные материалы, которые почти ничего не значат, если они только подвергаются разложению, но разворачивают полноту смысла, если их не разлагать, а давать им подтверждение в их смысле и еще расширять всеми сознательными средствами (так называемая *амплификация*³). Дело в том, что образы или символы коллективного бессознательного лишь тогда выдают свои ценности, когда к ним применяется *синтетический* метод. Если анализ разлагает символический материал фантазий на его

³ Дефиницию см. в: *Psychologie und Alchemie*, 2. Aufl. 1952, p. 397 f. Ges. Werke, Bd. 12, а также J. Jacobi, *Die Psychologie von C G. Jung*, 2. Aufl. 1945, p. 132 ff.

компоненты, то синтетический метод интегрирует его во всеобщее и понятное выражение. Этот способ не так-то прост; поэтому я приведу один пример, на котором можно будет разъяснить и весь процесс в целом.

Одна пациентка, находившаяся как раз на критической пограничной стадии между анализом личного бессознательного и выходом на поверхность содержания коллективного бессознательного, видела следующий сон. *Она собирается перейти через широкий ручей. Моста нигде нет. Однако она находит место, где можно его перейти. Как раз тогда, когда она хочет это сделать, ее хватает за ногу большой рак, скрывавшийся в воде, и уже не отпускает ее. Она в страхе просыпается.*

Идеи

Ручей: Образует границу, которую трудно перейти; — я должна преодолеть препятствие; — это относится, возможно, к тому, что я лишь медленно продвигаюсь вперед; — возможно, мне надо было перейти на другую сторону.

Брод: Возможность надежно перебраться на другую сторону; — возможный путь; — иначе ручей был бы слишком широк. Лечение предоставляет возможность преодолеть препятствие.

Рак: Рак целиком скрывался под водой, вначале я его не видела; — рак, однако, это очень страшная болезнь, неизлечимая (воспоминания о госпоже X, умершей от карциномы); я боюсь этой болезни; — рак — это животное, которое пятится назад — и, очевидно, хочет затащить меня вниз, в ручей; — он страшно вцепился в меня, и я ужасно испугалась; — что же не пускает меня на ту сторону? Ах да, у меня снова была большая ссора с моей подругой.

С этой подругой дело обстоит особым образом. Речь идет о многолетней, мечтательной, граничащей с гомосексуальностью дружбе. Подруга во многих отношениях похожа на пациентку и также имеет расстроенные нервы. У обеих явно выраженные общие интересы в области искусства. Но пациентка — личность более сильная. Так как их взаимоотношения слишком интимны и поэтому в слишком большой мере исключают другие возможности жизни, то обе нервозны и, несмотря на

идеальную дружбу, между ними происходят бурные сцены, основывающиеся на взаимном раздражении. Бессознательное этим самым хочет создать дистанцию между ними, но они не хотят этого замечать. Скандал обычно начинается с того, что одна из них находит, будто они еще недостаточно хорошо понимают друг друга и что нужно еще больше высказаться друг перед другом, после чего обе с энтузиазмом и пытаются высказаться. При этом, разумеется, вскоре возникает недоразумение, снова приводящее к ссоре, еще более сильной, чем прежде. *Faute de mieux** ссора долгое время была для них суррогатом удовольствия, от которого они никогда не желали отказываться. Особенно моя пациентка долгое время не могла отказаться от сладкой боли быть не понятой своей лучшей подругой, несмотря на то что каждая сцена ее «смертельно» утомляла и она уже давно поняла, что эта дружба изжила себя и что она лишь из ложного честолюбия полагала, будто еще может тем не менее делать из нее идеал. Уже к своей матери пациентка относилась экзальтированно, иллюзорно, а затем, после смерти матери, она перенесла свои чувства на подругу.

Аналитическое (каузально-редуктивное) истолкование⁴

Это истолкование можно сформулировать в одной фразе: «Я, кажется, понимаю, что мне надо перебраться через ручей на другую сторону (а именно — отказаться от отношений с подругой); однако мне гораздо больше хотелось бы, чтобы подруга не выпускала меня из своих клешней (т. е. объятий), соответственно как инфантильное желание, чтобы мать снова заключила меня в свои так знакомые мне горячие объятия». Неприемлемое в желании заключается в сильной подспудной гомосексуальной тенденции, чт⁵ достаточно доказано фактами. Рак хватает пациентку за ногу, так как у нее большие, «мужские» ноги; по отношению к подруге

⁴ Не лишенное сходства понимание обоих видов толкования содержится в достойной рекомендации книге: Herbert Silberer, *Probleme der Mystik und ihrer Symbolik*, 1914. 2. Aufl. 1961.

* За неимением лучшего (*фр.*).

ге она играет мужскую роль, имея также соответствующие сексуальные фантазии. Нога, как известно, имеет фаллическое значение⁵. Общее истолкование, таким образом, гласит: причина, по которой она не хочет расстаться с подругой, состоит в том, что она имеет вытесненные гомосексуальные желания, направленные на ее подругу. Поскольку эти желания морально и эстетически несовместимы с тенденцией сознательной личности, то они вытеснены и потому более или менее бессознательны. Страх соответствует вытесненному желанию.

Такое истолкование, разумеется, жестоко обесценивает высоконапряженный идеал дружбы пациентки. На данном этапе анализа она тем не менее не была бы уже в претензии ко мне за такое истолкование. Некоторые факты уже задолго до того достаточно убедили ее в наличии гомосексуальной тенденции, так что она имела возможность добровольно признать эту склонность, хотя это и было ей не так уж приятно. Поэтому если бы я на данной стадии лечения сообщил ей об этом истолковании, то я уже не встретил бы с ее стороны никакого сопротивления. Мучительность этой нежелательной тенденции она уже преодолела посредством ее понимания. Но она сказала бы мне: «Но почему мы вообще все еще анализируем этот сон? Он ведь снова говорит о том, что я и так давно знаю». Это истолкование и в самом деле не сообщает пациентке ничего нового; поэтому оно для нее неинтересно и неэффективно. В начале лечения подобного рода истолкование было бы невозможным просто потому, что необыкновенная щепетильность пациентки ни при каких обстоятельствах не допустила бы ничего подобного. «Яд» понимания надо было вливать в высшей степени осторожно и малыми дозами, до тех пор пока больная постепенно не стала разумнее. Но если аналитический, или каузально-редуктивный, метод уже не дает ничего нового, а лишь одно и то же в различных вариациях, значит, наступил момент, когда необходимо принять во внимание выходящие, возможно, на поверхность архе-

⁵ Dr. Aigremont (псевдоним, который взял Siegmар, Baron von Schnltze-Gallera), *Fui- und Schuh-Symbolik und -Erotik*, 1909.

типические мотивы. Если отчетливо проявляется такой мотив, то наступает момент, когда целесообразно обратиться к другому методу интерпретации. Дело в том, что каузально-редуктивный метод в таком случае имеет известные недостатки. Во-первых и прежде всего, здесь неточно принимаются во внимание идеи пациентки, например ассоциация «рака» с болезнью. Во-вторых, неясен сам выбор именно такого символа. Почему, например, подруга-мать должна явиться именно в образе рака? Она могла бы предстать, например, в более симпатичном и пластичном образе русалки. («Она влекла его отчасти, отчасти к ней тянулся он» и т. д.) Ту же роль могли бы играть полип или дракон, змея или рыба. В третьих, каузально-редуктивный метод забывает, что сновидение — это субъективный феномен и что, следовательно, исчерпывающее истолкование ни в коем случае не может относить образ рака только к подруге или матери, а надо применить его также и к субъекту, т. е. к самой видевшей сон. Видевшая сон есть все сновидение в целом; она — ручей, переход и рак; эти подробности соответственно выражают условия и тенденции в бессознательном субъекта.

Я поэтому ввел следующую терминологию: всякое истолкование, в котором выражения сновидения можно идентифицировать с реальными объектами, я называю *истолкованием на уровне объекта*. Этому истолкованию противостоит такое, которое каждую часть сновидения, например всех действующих лиц, относит к самому видевшему сон. Этот метод я обозначаю как *истолкование на уровне субъекта*. Истолкование на уровне объекта *аполитично*; ибо оно разлагает содержание сновидения на комплексы воспоминаний, которые соотносятся с внешними ситуациями. Истолкование на уровне субъекта, напротив, *синтетично*, так как оно отделяет лежащие в основе комплексы воспоминаний от внешних причин, понимая их как тенденции или моменты субъекта, и снова включает их в состав субъекта. (В переживании я переживаю не просто объект, но прежде всего самого себя, однако лишь тогда, когда я отдаю себе отчет в своем переживании.) В этом случае, таким образом, все содержания сновидения понимаются как символы субъективных содержаний.

Синтетический, или конструктивный, метод⁶ интерпретации состоит, таким образом, в истолковании на уровне субъекта.

Синтетическое (конструктивное) истолкование

Пациентка не осознает, что препятствие, которое ей надо преодолеть, заключено в ней самой, а именно — некоторая граница, которую трудно переступить и которая препятствует дальнейшему продвижению вперед. Однако есть возможность перейти через эту границу. Правда, именно в этот момент возникает особенная и неожиданная опасность, а именно — нечто «животное» (не- или сверхчеловеческое), уходящее назад и в глубину и грозящее увлечь за собой всю личность. Эта опасность подобна болезни, которая втайне возникает где-то и убивает, являясь неизлечимой (превосходящей по силе). Пациентка воображает, будто это ее подруга мешает ей и тянет ее вниз. Пока она так думает, ей, разумеется, приходится на нее воздействовать, «тянуть» ее «наверх», поучать, воспитывать; ей приходится делать бесполезные и бессмысленные идеалистические усилия, чтобы не быть увлеченной вниз. Такие же самые усилия делает, разумеется, и ее подруга; ибо она ведь в данном случае подобна пациентке. Так они насканивают друг на друга, подобно дерущимся петухам, и каждая норовит одержать верх над другой. И чем выше поднимается одна, тем выше приходится, страдая, подниматься и второй. Почему? Потому что обе думают, что все дело в другом, в объекте. Рассмотрение на уровне субъекта освобождает от этой бессмыслицы. Дело в том, что сновидение показывает пациентке, что в ней самой заключено нечто такое, что мешает ей переступить границу, т. е. перейти от одной позиции или установки к другой. Истолкование перемены места как перемены установки подтверждается выражениями в некоторых первобытных языках, где, например, фраза «Я собираюсь уходить» звучит: «Я нахожусь на месте ухода». Для понимания языка сновидений мы,

⁶ См.: *Der Inhalt der Psychose*, 2. Aufl. 1914. Nachtrag. Ges. Werke, Bd. 3. В другом месте я назвал этот метод также «герменевтическим» методом.

естественно, нуждаемся в многочисленных параллелях из психологии первобытной и исторической символики, потому что ведь сновидения по существу вытекают из бессознательного, которое содержит остаточные возможности функционирования, исходящие из всех предшествующих эпох исторического развития. Классический пример тому — «переход через великие воды» в пророчествах «И Цзин»⁷.

Теперь, разумеется, все зависит от того, как мы понимаем значение образа рака. Прежде всего мы знаем, что это есть нечто такое, что проявляется в подруге (потому что она относит образ рака к подруге), и, далее, нечто, что проявлялось также и в матери. Обладают ли мать и подруга этими качествами в действительности — это в отношении пациентки не играет роли. Ситуация меняется лишь благодаря тому, что меняется сама пациентка. В матери уже ничего нельзя изменить, ибо она умерла. Подругу также нельзя заставить измениться. Если она хочет измениться, то это ее личное дело. То, что некоторое качество проявлялось уже в матери, указывает на инфантильное отношение. Итак, в чем же состоит тайна отношения пациентки к матери и подруге? Общее здесь — это бурное, экзальтированное требование любви, и она чувствует себя во власти этой страсти. Это требование обладает, таким образом, признаком непреодолимого инфантильного желания, которое, как известно, слепо. Речь здесь, следовательно, идет о некоторой не затронутой воспитанием, недифференцированной и нечеловеченной части либидо, которая носит насильственный характер инстинкта и, следовательно, не обуздана приручением. Для этой части образ *животного* является абсолютно точным символом. Но все же почему это животное именно рак? Пациентка ассоциирует это с раковым заболеванием, от которого умерла госпожа Х., и притом примерно в том возрасте, в котором находится сама наша пациентка. Речь, таким образом, могла бы идти об имеющей характер намека идентификации с госпожой Х. Мы должны поэтому исследовать этот момент. Пациентка рассказывает о ней следующее. Госпожа Х. рано овдовела,

⁷ Richard Wilhelm, / *Ging. Das Buch der Wandlungen*, 1924.

она была очень веселой и жизнерадостной. У нее был ряд приключений с мужчинами, в особенности с одним своеобразным человеком, одаренным художником, с которым пациентка была лично знакома и который произвел на нее завораживающее и тревожащее впечатление.

Идентификация может осуществляться лишь на основе некоторого бессознательного, нереализованного сходства. Так в чем же состоит сходство нашей пациентки с госпожой Х.? Здесь мне удалось навести пациентку на воспоминания о ряде прежних фантазий и сновидений, которые ясно показали, что и она имела в себе некоторую весьма легкомысленную жилку, которую она, однако, всегда с тревогой подавляла, так как боялась, что эта тенденция, которую она смутно чувствовала в себе, может склонить ее к какому-то аморальному образу жизни. Тем самым мы узнали еще кое-что важное о «животном» элементе. А именно речь идет о той самой неукротенной, инстинктоподобной страстности, которая, однако, в данном случае направлена на мужчин. Тем самым мы теперь понимаем еще одну причину, по которой она не может отпустить от себя свою подругу: дело в том, что она вынуждена цепляться за подругу, чтобы не попасть во власть этой самой другой тенденции, которая кажется ей гораздо более опасной. Поэтому она удерживает себя на инфантильной, гомосексуальной ступени, которая, однако, служит ей *защитой*. (Это, как показывает опыт, один из самых действенных мотивов к тому, чтобы держаться за неподходящие, инфантильные отношения.) Но в этом содержании заключено также и ее здоровье, зародыш будущей здоровой личности, которая не боится риска жизни.

Пациентка, однако, сделала другой вывод из судьбы госпожи Х. Дело в том, что она поняла неожиданное тяжелое заболевание и раннюю смерть этой женщины как наказание судьбы за ее легкомысленную жизнь, которой пациентка (правда, не признаваясь в этом) завидовала. Когда госпожа Х. умерла, пациентка изобразила сильное огорчение, за которым скрывалось «человеческое, слишком человеческое» злорадство. Наказанием было то, что она, напуганная примером госпожи Х.,

надолго отшатнулась в испуге от жизни и дальнейшего развития и взвалила на себя мучительное бремя не приносящей удовлетворения дружбы. Разумеется, вся эта взаимосвязь не была ей ясна, иначе она ведь никогда бы так не сделала. Правильность этой констатации легко нашла свое подтверждение в материале.

Однако тем самым мы еще отнюдь не подошли к концу истории этой идентификации. А именно: пациентка вдобавок выделила то обстоятельство, что госпожа Х. обладала незаурядными художественными способностями, которые развились у нее лишь после смерти ее мужа и затем привели также к дружбе с упомянутым художником. Этот момент, по-видимому, следует отнести к существенным мотивам идентификации, если вспомнить рассказ пациентки о том, какое большое и завораживающее впечатление произвел на нее художник. Такого рода завораживание *никогда* не исходит исключительно от одного лица к другому, но всегда есть феномен *отношения*, в котором два лица участвуют постольку, поскольку завораживаемое лицо должно привнести сюда свою соответствующую предрасположенность. Однако эта предрасположенность должна быть для нее бессознательной; иначе не получается никакого завораживающего действия. Дело в том, что завораживание — это феномен, носящий насильственный характер, и здесь отсутствует сознательная мотивировка; т. е. это не волевой процесс, а некоторое явление, которое всплывает из бессознательного и в принудительном порядке навязывает себя сознанию.

Итак, следует допустить, что пациентка имеет бессознательную предрасположенность, подобную предрасположенности художника. Но тем самым она идентифицирована с мужчиной⁸. Вспомним наш анализ сновидения, где нам встретился намек на «мужское» (нога). Фактически пациентка играет мужскую роль по отношению к своей подруге; она является активной стороной, постоянно задает тон, командует своей подругой и при случае насильно принуждает ее к чему-

⁸ Я отнюдь не упускаю из виду того факта, что более глубокое основание для идентификации с художником заключается в известной творческой одаренности пациентки.

либо такому, что" хочет лишь она сама. Женственность ее подруги ярко выражена, что проявляется и в ее внешнем облике, тогда как пациентка явно принадлежит к определенному мужскому типу. Голос у нее также более сильный и низкий, чем у ее подруги. Госпожа Х. описывается как весьма женственное создание, по мягкости и привлекательности ее можно сравнить, как находит пациентка, с подругой последней. Это наводит нас на новый след. Пациентка, очевидно, играет ту же роль, которую играл художник по отношению к госпоже Х., однако это отношение здесь перенесено на подругу пациентки. Так бессознательно завершается ее идентификация с госпожой Х. и ее любовником. Тем самым она *все-таки* живет своей легкомысленной жизнью, которую она с таким страхом подавляла; однако она живет ею не сознательно, а, напротив, самой пациенткой играет эта бессознательная тенденция, т. е. она одержима как бессознательная исполнительница своего комплекса.

Тем самым мы уже гораздо больше знаем об образе рака. Он представляет внутреннюю психологию этой, неукротенной части либидо. Ее снова и снова затягивают бессознательные идентификации. Они обладают этой силой потому, что они бессознательны, а в качестве таковых недоступны пониманию и не поддаются коррекции. Рак поэтому выступает как символ бессознательных содержаний. Последние все вновь и вновь стремятся вернуть пациентку к ее отношениям с подругой. (Рак пятится назад.) Отношение к подруге, однако, равнозначно болезни, ибо из-за этого она заболела неврозом.

Этот фрагмент, строго говоря, следовало бы отнести пока еще к анализу на уровне объекта. Однако не следует забывать, что лишь благодаря применению анализа на *уровне субъекта*, который тем самым демонстрирует себя в качестве важного эвристического⁹ принципа, мы пришли к этому знанию. Можно было бы практически удовлетвориться достигнутым до сих пор результатом, но мы должны здесь еще удовлетворить требованиям, выдвигаемым теорией, так как использованы

⁹ Эвристический — имеющий ценность для процесса открытия.

еще не все идеи и еще недостаточно выяснено значение выбора символов.

Обратимся теперь к замечанию пациентки о том, что рак лежал, спрятавшись под водой, и что сначала она его не видела. Раньше она не замечала этих только что разъясненных бессознательных отношений, они были скрыты под водой. Ручей же является препятствием, мешающим ей перебраться на другую сторону. Именно эти бессознательные отношения, которые связывали ее к подруге, мешали ей. Вода, таким образом, означает бессознательное или, лучше сказать, *бессознательность*, сокрытость; рак также есть бессознательное, однако он представляет собой скрытое в бессознательном динамическое содержание.

VII

АРХЕТИПЫ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Теперь нам еще предстоит задача возведения *на уровень субъекта* тех отношений, которые сначала были осмыслены *на уровне объекта*. Для этой цели нам необходимо отделить их от объекта и понять в качестве символических изображений субъективных комплексов пациентки. Поэтому если мы пытаемся образ госпожи Х. истолковать на уровне субъекта, то мы должны понять ее в качестве определенной персонификации некоторой частичной души, соответственно некоторого определенного аспекта самой видевшей сон. Госпожа Х. представляет собой тогда образ того, чем хотела бы и все же не хочет стать пациентка. Госпожа Х., таким образом, представляет некоторый *односторонний образ будущего, свойственный* характеру пациентки. Тревожный образ художника вначале не поддается возведению на уровень субъекта, поскольку момент бессознательной художественной способности, дремлющей в пациентке, уже достаточно выражается в образе госпожи Х. Можно было бы не без оснований утверждать, что художник есть образ мужского начала в пациентке, которое не реализовано сознательно и поэтому пребывает в бессознательном¹. В определенном смысле это справедливо, поскольку она фактически заблуждается

¹ Это мужское начало в женщине я обозначил как *анимус*, а соответствующее женское начало в мужчине — как *анима*. См. также Emma Yung, *Ein Beitrag zum Problem des Animus*, in: *Wirklichkeit der Seele*, 1947, p. 296 ff.

на свой счет в этом отношении. А именно она кажется себе исключительно нежной, чувствительной и женственной, а отнюдь не мужеподобной. Поэтому когда я впервые обратил ее внимание на ее мужские черты, то это вызвало у нее недовольное удивление. Однако момент тревожного, захватывающе-очаровывающего не вписывается в ее мужские черты. В них это, по видимости, полностью отсутствует. И все же где-то он должен скрываться; ибо ведь она сама же продуцировала это чувство.

Если мы не можем найти этот момент непосредственно в видевшей сон, тогда он всегда — как говорит опыт — оказывается *спроецированным*. Но на кого? Заключен ли он все еще в художнике? Он давно уже исчез из ее поля зрения и, надо полагать, не мог унести за собой проекцию, так как она ведь закреплена в бессознательном пациентки, а кроме того, несмотря на произведенное им на нее завораживающее впечатление, у нее не было с этим мужчиной никаких личных отношений. Он был для нее еще одним образом фантазии. Нет, такая проекция всегда актуальна; т. е. где-нибудь должен находиться некто, на кого спроецировано это содержание, в противном случае она ощутимо имела бы его в себе.

Тем самым мы снова приходим к объективному уровню; ибо иначе нельзя обнаружить эту проекцию. Пациентка не знакома, кроме меня самого, ни с одним мужчиной, который так или иначе значил бы для нее нечто особенное, а я как врач имею для нее большое значение. Можно, таким образом, предположить, что она спроецировала это содержание на меня. Я, правда, никогда не замечал ничего подобного. Однако даже самые характерные проявления никогда не выступают на поверхности, но всегда дают о себе знать во внелечебное время. Поэтому я осторожно спросил: «Скажите-ка, каким я представляюсь вам тогда, когда вы не находитесь у меня? Остаюсь ли я в таких случаях прежним?» Она: «Когда я у вас, вы очень добродушны; но когда я одна или когда долго вас не вижу, то часто ваш образ удивительно меняется. Иногда вы кажетесь мне совсем идеальным, а потом опять-таки иным». Здесь она запнулась; я помог ей: «Да, так каким же?»

Она: «Иногда очень опасным, жутким, как злой колдун или демон. Я не знаю, как это мне приходит в голову. Вы же не такой».

Таким образом, это содержание было перенесено на меня и поэтому отсутствовало в ее душевном инвентаре. Тем самым мы узнаем еще один существенный момент. Я был контаминирован (идентифицирован) с художником; в таком случае в бессознательной фантазии она, разумеется, противостоит мне как госпожа Х. Мне удалось, привлекая ранее выявленный материал (сексуальные фантазии), легко доказать ей этот факт. Но тогда ведь я сам есть также препятствие, «рак», мешающий ей перебраться на другую сторону. Если бы мы в данном конкретном случае ограничились уровнем объекта, то положение было бы затруднительным. Что толку было бы от моего заявления: «Но ведь я же отнюдь не тот самый художник, во мне нет ничего жуткого, я не злой колдун и т. д.»? Это не произвело бы на пациентку впечатления, так как она знает это не хуже меня. Проекция по-прежнему сохраняется, и я действительно остаюсь препятствием для ее дальнейшего прогресса.

Было уже немало случаев, когда лечение стопорилось на этом пункте. Ибо здесь есть лишь один способ выбраться из тисков бессознательного, который заключается в том, что теперь сам врач переводит себя на уровень субъекта, т. е. объявляет себя неким образом. Образом чего? В этом заключается величайшая трудность. «Ну,— скажет врач,— образом чего-то, что заключено в бессознательном пациентки». На что она отвечает: «Как! Я, оказывается, мужчина, да еще к тому же жуткий, завораживающий, злой колдун или демон? Ни за что и никогда — я не могу с этим согласиться; это чушь! Я скорее уж поверю, что это вы такой». И она действительно вправе так сказать. Нелепо стремиться перенести что-либо подобное на ее персону. Она ведь не может позволить превратить себя в демона, так же как не может допустить этого и врач. Ее взгляд мечет искры, в лице появляется злое выражение, вспышка какого-то неизвестного, никогда не виданного противодействия. Я сразу вижу возникшую передо мной опасность мучительного недоразумения. Что это

такое? Разочарованная любовь? Обида, унижение? В ее взгляде таится нечто хищное, нечто действительно демоническое. Значит, она все же некий демон? А может быть, я сам хищник, демон, а передо мной сидит исполненная ужаса жертва, с животной силой отчаяния пытающаяся защититься от моих злых чар? Но это же все наверняка бессмыслица, ослепление фантазией. Что же я задел? Что за новая струна зазвучала? Но это все же некоторый преходящий момент. Выражение лица пациентки снова становится спокойным, и, как бы с облегчением, она говорит: «Удивительно — сейчас у меня было такое чувство, что вы затронули пункт, который я в отношениях с моей подругой никогда не могла преодолеть. Это ужасное чувство, что-то нечеловеческое, злое, жестокое. Я даже не могу описать, какое это жуткое чувство. Это чувство заставляет меня в такие моменты ненавидеть и презирать мою подругу, хотя я изо всех сил противлюсь этому».

Это высказывание бросает на происшедшее проясняющий свет. Я занял место подруги. Подруга преодолена. Лед вытеснения проломлен. Пациентка, не зная того, вступила в новую фазу своей жизни. Я знаю теперь, что все то болезненное и злое, что заключалось в ее отношении к подруге, теперь будет падать на меня, а также, разумеется, и доброе, однако в яростном столкновении с тем таинственным неизвестным, что пациентка никогда не могла преодолеть. Это, таким образом, новая фаза перенесения, которая, однако, пожалуй, еще не позволяет ясно разглядеть, в чем же состоит то неизвестное, что спроецировано на меня.

Ясно одно: если пациентка застрянет на этой форме перенесения, то в таком случае есть опасность тяжелых недоразумений, ибо тогда ей придется обращаться со мной так, как она обращалась со своей подругой, т. е. неизвестное будет постоянно витать где-то в воздухе и порождать недоразумения. И потом все же получится, что она увидит демона во мне; ибо она ведь столь же мало может допустить, что демон — это она сама. Таким образом возникают все неразрешимые конфликты. А неразрешимый конфликт прежде всего означает жизненный застой.

Или другая возможность: пациентка применяет про-

хив этой новой трудности свои старые защитные средства и не обращает внимания на этот темный пункт; х. е. она снова вытесняет, вместо того чтобы *сознательно удерживать*, что, собственно, и есть необходимое и самоочевидное требование всего метода. Тем самым мы ничего не выиграли; напротив, теперь неизвестное угрожает со стороны бессознательного, а это еще более неприятно.

Всегда, когда всплывает такой неприятный момент, мы должны отдавать себе точный отчет в том, является ли он вообще личностным качеством или нет. «Колдун» и «демон» могли представлять качества, которые все же по сути дела обозначены так, что сразу можно заметить: *это не личностно-человеческие качества, а мифологические*. «Колдун» и «демон» — это мифологические фигуры, которые выражают то неизвестное, «не-человеческое» чувство, которое овладевало тогда пациенткой. Эти атрибуты, таким образом, отнюдь не могут быть применены к некоторой человеческой личности, хотя они, как правило, в виде *интуитивных* и не подвергнутых более основательной проверке суждений постоянно все же проецируются на окружающих, что наносит величайший ущерб человеческим отношениям.

Такие атрибуты всегда указывают на то, что проецируются содержания сверхличного, или коллективного, бессознательного. Ибо «демоны», как и «злые колдуны», не являются личностными воспоминаниями, хотя, естественно, каждый когда-то слышал или читал о подобных вещах. Если даже человек слышал о гремучей змее, то он все же не будет с соответствующим аффектом тотчас же вспоминать о гремучей змее, заслышав шуршание ящерицы. Точно так же мы не будем называть нашего ближнего демоном, разве что и в самом деле с ним связано некое действие, носящее демонический характер. Но если бы это действие и в самом деле было элементом его личного характера, то оно должно было бы проявляться во всем, а тогда этот человек был бы именно неким демоном, кем-то вроде оборотня. Но это — мифология, т. е. коллективная психика, а не индивидуальная. Поскольку мы через наше бессознательное причастны к исторической коллективной психике,

мы, конечно, бессознательно живем в некоем мире оборотней, демонов, колдунов и т. д.; ибо это вещи, которые наполняли все прежние времена мощнейшими аффектами. Таким же образом мы причастны к миру богов и чертей, святых и грешников. Но было бы бессмысленно стремиться приписывать себе лично эти заключенные в бессознательном возможности. Поэтому, безусловно, необходимо проводить как можно более четкое разделение между тем, что можно приписать личности, и сверхличным. Тем самым, разумеется, ни в коем случае не следует отрицать порой весьма действенное существование содержаний коллективного бессознательного. Но они как содержания коллективной психики противопоставлены индивидуальной психике и отличаются от нее. У наивных людей, естественно, эти вещи никогда не отделялись от индивидуального сознания, потому что ведь эти боги, демоны и т. д. понимались не как душевные проекции и тем самым как содержания бессознательного, но как сами собой разумеющиеся реальности. Лишь в эпоху Просвещения обнаружили, что боги все же не существуют в действительности, а являются проекциями. Тем самым с ними и было покончено. Однако отнюдь не было покончено с соответствующей им психической функцией, напротив, она ушла в сферу бессознательного, из-за чего люди сами оказались отравленными избытком либидо, который прежде находил себе применение в культе идолов. Обесценивание и вытеснение такой сильной функции, как религиозная, имело, естественно, значительные последствия для психологии отдельного человека. Дело в том, что обратный приток этого либидо чрезвычайно усиливает бессознательное и оно начинает оказывать на сознание мощное влияние своими архаичными коллективными содержаниями. Период Просвещения, как известно, завершился ужасами французской революции. И сейчас мы тоже переживаем снова это возмущение бессознательных деструктивных сил коллективной психики. Результатом было невиданное прежде массовое убийство². Это — именно то, к

² Это было написано в 1916 г. Излишне говорить, что это остается верным и сегодня.

чему стремилось бессознательное. Перед этим его позиция была безмерно усилена рационализмом современной жизни, который обесценивал все иррациональное и тем самым погружал функцию иррационального в бессознательное. Но если уж эта функция находится в бессознательном, то ее исходящее из бессознательного действие становится опустошающим и неудержимым, подобным неизлечимой болезни, очаг которой не может быть уничтожен, так как он невидим. Ибо тогда индивидуум, как и народ, необходимо вынужден жить иррациональным и применять свой высший идеализм и самое изощренное остроумие еще лишь для того, чтобы как можно более совершенно оформить безумие иррационального. В малом масштабе мы видим это на примере нашей пациентки, которая избегала кажущейся ей иррациональной жизненной возможности (госпожа Х.), чтобы ее же в патологической форме с величайшим самопожертвованием реализовать в отношении к своей подруге.

Единственная возможность состоит в том, чтобы *признать иррациональное в качестве необходимой — потому что она всегда наличествует — психической функции* и ее содержания принять не за конкретные (это было бы шагом назад!), а за *психические реальности*, — реальности, поскольку они суть вещи *действенные*, т. е. *действительности*. Коллективное бессознательное как оставляемый опытом осадок и вместе с тем как некоторое его, опыта, а *prigot* есть образ мира, который сформировался уже в незапамятные времена. В этом образе с течением времени выкристаллизовывались определенные черты, так называемые *архетипы*, или *доминанты*. Это господствующие силы, боги, т. е. образы доминирующих законов и принципы общих закономерностей, которым подчиняется последовательность образов, все вновь и вновь переживаемых душой³. Поскольку эти образы являются относительно верными отражениями психических событий, их архетипы, т. е. их основные черты, выделенные в процессе

³ Как уже было отмечено, архетипы можно рассматривать как результат и отражение имевших место переживаний; но точно так же они являются теми факторами, которые служат причинами подобного рода переживаний.

накопления однородного опыта, соответствуют также определенным всеобщим физическим основным чертам. Поэтому возможно перенесение архетипических образов непосредственно как понятий созерцания на физические события: например, *эфир*, древнейшая материя дыхания и души, которая, так сказать, представлена в воззрениях всех народов мира; затем *энергия*, магическая сила — представление, которое также имеет всеобщее распространение.

В силу своего родства с физическими явлениями⁴ архетипы нередко выступают в спроецированном виде; причем проекции, когда они бессознательны, проявляются у лиц, принадлежащих к той или иной среде, как правило, как ненормальные пере- или недооценки, как возбудители недоразумений, споров, грез и безумия всякого рода. Поэтому говорят: «Из него делают бога», или: «Имярек производит на X дьявольское впечатление». Из этого возникают также современные мифологические образования, т. е. фантастические слухи, подозрения и предрассудки. Архетипы являются поэтому в высшей степени важными вещами, оказывающими значительное воздействие, и к ним надо относиться со всей внимательностью. Их не следовало бы просто подавлять, напротив, они достойны того, чтобы самым тщательным образом принимать их в расчет, ибо они несут в себе опасность психического заражения. Так как они чаще всего выступают в качестве проекций и так как последние закрепляются лишь там, где есть для этого повод, то они отнюдь не легко поддаются оценке и обсуждению. Поэтому если некто проецирует на своего ближнего образ дьявола, то это получается потому, что этот человек имеет в себе нечто такое, что делает возможным закрепление этого образа. Тем самым мы вовсе не сказали, что этот человек поэтому сам, так сказать, есть какой-то дьявол; напротив, он может быть замечательным человеком, который, однако, находится в отношении несовместимости с проецирующим, и поэтому между ними имеет место некоторый «дьявольский» (т. е. разделяющий) эффект. Также и прое-

⁴ См. *Die Struktur der Seele*, in: *Seelenprobleme der Gegenwart*, 1950, p. 149 ff. Ges. Werke, Bd. 8, Paragr. 331 ff.

цирующий вовсе не должен быть «дьяволом», хотя ему следует признать, что он точно так же имеет в себе нечто «дьявольское» и, проецируя его, еще больше оказывается в его власти. Однако сам он поэтому отнюдь еще не является «дьявольским», а может быть столь же достойным человеком, как и другой. Появление в данном случае образа дьявола означает: эти два человека несовместимы друг с другом (сейчас и на ближайшее будущее), почему бессознательное и отталкивает их друг от друга и мучительным образом держит их на дистанции друг от друга. Дьявол есть вариант архетипа Тени, т. е. опасного аспекта непризнанной, темной половины человека.

Другой архетип, с которым мы почти регулярно сталкиваемся в проекциях коллективно-бессознательных содержаний, — это «колдовской демон», производящий по большей части жуткое впечатление. Хороший пример этого — Голем Майринка, а также тибетский колдун в его «Летучих мышах», магическим образом развязывающий мировую войну. Разумеется, Майринк не узнал это от меня, но свободно выкристаллизовал из своего бессознательного, выражая в образе и слове сходное чувство, подобно тому как пациентка проецировала его на меня. Тип колдуна встречается также в «Заратустре»; в «Фаусте» — это сам герой.

Образ этого демона относится, пожалуй, к одной из самых низких и самых древних ступеней в развитии понятия бога. Это — тип первобытного племенного колдуна или врачевателя, личности особо одаренной, несущей в себе магическую силу⁵. Эта фигура, если она представляет некоторый негативный и, возможно, опасный аспект, часто выступает как *темнокожая* и *относящаяся к монголоидному типу*. Порой ее можно лишь с большим трудом или почти нельзя отличить от Тени; но чем больше преобладает магическая черта, тем скорей она может быть отделена от Тени, что немаловажно постольку, поскольку она мо-

⁵ Представление о врачевателе, общающемся с духами и обладающем магической силой, настолько глубоко укоренено у многих первобытных народов, что они даже полагают, будто у зверей тоже есть свои «доктора». Так, ахумави в Северной Калифорнии говорят об обычных койотах и о «койотах-докторах».

жет иметь также и позитивный аспект *мудрого старого человека*⁶.

Познание архетипов является значительным шагом вперед. Магическое или демоническое действие, оказываемое ближним, исчезает благодаря тому, что тревожное чувство сводится к некоторой определенной величине коллективного бессознательного. Но зато теперь перед нами встает новая задача, а именно — вопрос, каким образом «Я» должно размежеваться с этим психологическим «не-Я». Можно ли довольствоваться констатацией действенного существования архетипов, а в остальном предоставить дело самому себе?

Тем самым было бы создано перманентно диссоциированное состояние, а именно — раскол между индивидуальной и коллективной психикой. Мы имели бы тогда, с одной стороны, дифференцированное и современное «Я», а с другой стороны — напротив, нечто вроде негритянской культуры, иными словами — некоторое первобытное состояние. Тогда то, что* мы действительно сегодня имеем перед собой (а именно кора цивилизации, покрывающая некую темнокожую бесстию), предстало бы перед нашим взором в ясно разделенном виде. Такая диссоциация требует, однако, немедленного синтеза и развития того, что неразвито. Должно произойти объединение обеих этих частей; ибо в противном случае не приходится сомневаться, каким должно было бы быть решение: первобытное начало снова неизбежным образом было бы подавлено. Но это возможно лишь там, где существует еще значимая и потому живая религия, которая с помощью богато развитой символики дает достаточное выражение первобытному человеку; т. е. эта религия в своих догматах и ритуалах должна владеть представлением и действием, восходящим к наидревнейшему. Так обстоит дело в католицизме, и это составляет его особое преимущество, так же как и его величайшую опасность.

Прежде чем обратиться к этому новому вопросу о возможном синтезе, вернемся сначала к нашему сновидению, из которого мы исходили. Благодаря все-

⁶ Ср.: *Ober die Archetypen des kollektiven Unbewußten*. 1934. Ges. Werke, Bd. 9. См. также: C. G. Jung, *Bewußtes und Unbewußtes* (Fischer BOcherei, 1957).

му нашему разбору мы получили более широкое понимание сновидения, и причем особенно одной его существенной части — *страха*. Этот страх есть первобытный страх перед содержаниями коллективного бессознательного. Мы видим, что пациентка идентифицирует себя с госпожой Х. и тем самым выражает, что она находится также в некотором отношении к жуткому художнику. Оказывается, что врач был идентифицирован с художником, и, далее, мы видели, что я, на уровне субъекта, был образом для принадлежащей бессознательному фигуры колдуна.

В сновидении все это скрыто под символом рака — того, кто шагает назад. «Рак» есть живое содержание бессознательного, и это содержание ни в коем случае не может быть исчерпано или лишено эффективности посредством анализа на уровне объекта. Но то, чего мы смогли добиться, это *отделение мифологических, коллективно-психологических содержаний от объектов сознания и их консолидация как психических реальностей вне индивидуальной психики*. Посредством акта познания мы «полагаем» действительность архетипов; т. е., точнее говоря, мы на основе познания постулируем психическое существование таких содержаний. Следует со всей определенностью констатировать, что речь при этом идет не просто о содержании познания, но о транссубъективных, обладающих значительной автономностью психических системах, которые, следовательно, лишь весьма условно подчинены контролю сознания и, вероятно, даже большей частью ускользают от этого контроля.

До тех пор, пока коллективное бессознательное остается неразличимо соединенным с индивидуальной психикой, невозможно дальнейшее продвижение вперед, границу нельзя перейти — говоря языком сновидения. Но когда видящая сон собирается все же перейти границу, тогда то, что прежде было бессознательным, оживает, хватает ее и прочно удерживает. Сновидение и его материал характеризуют коллективное бессознательное, с одной стороны, как скрыто живущее в глубине воды низменное животное, а с другой — как опасную болезнь, которую, если ее своевременно прооперировать, можно вылечить. Насколько эта

характеристика правильна, мы уже видели. Символ животного специально указывает, как мы уже говорили, на вне-человеческое, т. е. сверхличностное; ибо содержания коллективного бессознательного представляют собой не только остатки архаических, специфически человеческих способов функционирования, но и остатки функций ряда животных предков человека, продолжительность существования которых была бесконечно более длительной по сравнению с относительно короткой эпохой специфически человеческого существования⁷. Такие остатки, или — говоря вместе с Земоном — *энграммы*, если они активны, более всего способны не только затормозить процесс развития, но и обратить его в регресс, что может продолжаться до тех пор, пока не будет израсходована масса энергии, активизировавшая коллективное бессознательное. Энергия, однако, лишь тогда снова становится полезной, когда она путем сознательного противопоставления коллективному бессознательному также может включаться в расчет. Религии через культовое общение с богами самым конкретным образом установили этот энергетический круговорот. Такой способ, однако, находится для нас в слишком уж сильном противоречии с интеллектом и его познавательной моралью, и к тому же исторически он слишком основательно преодолен христианством, чтобы мы могли считать для себя образцовым или хотя бы даже возможным такое решение проблемы. Если же мы, напротив, понимаем фигуры бессознательного как коллективно-психические феномены или функции, то такое допущение никоим образом не противоречит интеллектуальной совести. Такое решение приемлемо с рациональной точки зрения. Мы тем самым получили также возможность разобраться с активизированными остатками нашей родовой истории.. Это разбирательство делает возможным переход преж-

⁷ Ханс Ганц в своей философской диссертации о бессознательном у Лейбница (*Das Unbewusste bei Leibniz in Beziehung zu modernen Theorien*, Zurich, 1917) для объяснения коллективного бессознательного привлек теорию энграммы Земона. Предлагаемое мною понятие коллективного бессознательного лишь в определенном отношении пересекается с земоновским понятием исторически-родовой *mneme* [памяти]. (См.: Semon, *Die Mneme als erhaltendes Prinzip im Wechsel des organischen Geschehens*, Leipzig, 1904.)

ней границы, и я поэтому называю его *трансцендентной функцией*, что равнозначно прогрессивному развитию к некоторой новой установке.

Параллель с героическим мифом бросается в глаза. Часто типичная героическая борьба с чудовищем (бессознательным содержанием) происходит на каком-нибудь берегу или, скажем, на перекате, что особенно характерно для мифов индейцев, которые нам известны из «Песни о Гайавате» Лонгфелло. Герой (как, скажем, Иона), как правило, в решительной схватке оказывается проглоченным чудовищем, как это на обширном материале показал Фробениус. Однако внутри чудовища герой начинает по-своему разбираться с бестией, пока эта тварь вместе с ним плывет на восток, к восходящему Солнцу; а именно, он отсекает у нее какую-нибудь жизненно важную часть внутренностей, например сердце (это есть именно та ценная энергия, которая активизировала бессознательное). Тем самым он убивает чудовище, которое затем прибывает к берегу, где герой, заново рожденный после так называемого *плавания по ночному морю** (трансцендентная функция), выходит наружу, нередко вместе со всеми теми, кого чудовище проглотило еще раньше. Тем самым восстанавливается прежнее нормальное состояние, так как бессознательное, поскольку оно лишено теперь своей энергии, уже не занимает преобладающей позиции. Так миф весьма наглядным образом описывает проблему, которая занимает и нашу пациентку⁹.

Я должен теперь подчеркнуть то немаловажное обстоятельство, на которое, вероятно, обратил внимание читатель: в этом сновидении коллективное бессознательное является в негативном аспекте, как нечто опасное и вредное. Это происходит оттого, что мир фантазий, которым живет пациентка, у нее не только богато развит, но и прямо-таки бурно разросся, что, возможно, связано с ее литературной одаренностью. Ее

⁸ Как это формулирует Фробениус. Ср.: *Das Zeitalter des Sonnengottes*, 1904.

⁹ Тем из моих читателей, которые более глубоко интересуются проблемой противоположности и ее решением, я предлагаю обратиться к моей книге *Wandlungen und Symbole der Libido*, новое издание 1952 г.: *Symbole der Wandlung*, Ges. Werke, Bd. 5; далее *Psychologische Typen*, Ges. Werke, Bd. 6, а также *Über die Archetypen des kollektiven Unbewussten* (см. выше, сноска 6).

фантазирование представляет собой, правда, симптом болезни, поскольку она слишком уж страстно отдается фантазиям, тогда как действительная жизнь проходит мимо нее стороной. Добавление мифологии было бы для нее прямо-таки опасным, поскольку ей предстоит еще большая часть внешней, еще не прожитой жизни. Она еще слишком мало включена в реальную жизнь, чтобы уже быть в состоянии пойти на риск обращения своей позиции. Коллективное бессознательное овладело ею и угрожало увести ее от еще не достаточно реализованной действительности. В соответствии со смыслом сновидения коллективное бессознательное должно было поэтому представляться ей как нечто опасное, ибо иначе она слишком охотно превратила бы его в убежище, где можно было бы укрыться от требований жизни.

При оценке сновидения необходимо обратить самое пристальное внимание на то, *как* вводятся его фигуры. Так, например, рак, олицетворяющий бессознательное,— фигура негативная, поскольку он, как говорится, «пятится» и, кроме того, в решающий момент хватает и удерживает пациентку. Многие, соблазнившись идеей Фрейда, выдумавшего так называемые «механизмы сновидения», такие, как смещения, обращения и т. п., полагали, что могут обеспечить себе независимость от так называемого «фасада» сновидения, поскольку, мол, подлинные мысли сновидения скрываются на заднем плане. Я же, напротив, уже давно отстаиваю точку зрения, что у нас нет никакого права обвинять сновидение в неких намеренных обманных маневрах. Природа хотя и бывает часто темной и непрозрачной, однако она никогда не бывает хитрой, подобно человеку. Поэтому мы должны принять, что сновидение есть именно то, чем оно должно быть, не больше и не меньше¹⁰. Если сновидение представляет нечто в негативном аспекте, то нет никаких оснований предполагать, что тем самым имеется в виду нечто позитивное, и т. п. Архетипическая опасность на переходе вброд настолько ясна, что сновидение можно было бы воспринимать

¹⁰ Сп.: *Allgemeine Gesichtspunkte zur Psychologie des Traumes*, in: *Ober psychische Energetik und das Wesen der Traume*. Ges. Werke, Bd. 8.

почти как *предостережение*. Но я не советую делать такого рода антропоморфные выводы: само сновидение ничего не хочет; оно есть только некоторое само себя изображающее содержание, голый природный факт, подобно, скажем, сахару в крови диабетика или жару больного тифом. Только мы, если достаточно умны, извлекаем из этого некоторое предостережение.

Чего же, однако, следует остерегаться? Опасность, очевидно, состоит в том, что в момент перехода бессознательное может восторжествовать над пациенткой. Что же означает это торжество бессознательного? Вторжение бессознательного легко осуществляется в моменты значительных перемен и решений. Берег, по которому она приближается к ручью,— это ее прежняя ситуация, такая, какой мы ее узнали. Эта ситуация привела ее к невротическому застою, подобно тому как если бы она натолкнулась на некоторое непреодолимое препятствие. В сновидении препятствие представлено в виде ручья, через который можно перейти. Оно, таким образом, кажется не очень серьезным. В ручье, однако, непредвиденным образом таится рак, представляющий собой подлинную опасность, из-за которой ручей оказывается — или соответственно кажется — непреодолимым. Если бы нам было заранее известно, что в этом месте притаился опасный рак, то, возможно, мы бы рискнули перейти ручей в каком-нибудь другом месте или приняли бы иные меры предосторожности. В данной ситуации было бы в высшей степени желательно, чтобы переход состоялся. Вначале переход означает перенесение прежней ситуации на врача. Это — нечто новое. Это не было бы таким уж рискованным делом, если бы не бессознательное, поведение которого непредсказуемо. Мы видели, однако, что перенесение грозит развязать активность архетипических фигур, которую мы раньше не предвидели. «Забыв о богах», мы в известном смысле просчитались.

Наша пациентка отнюдь не религиозна, она — «современна». Религию, которую ей когда-то преподавали, она забыла и ничего не знает о том, что бывают моменты, когда вмешиваются боги, или, скорее,— ситуации, которые испокон веков устроены так, что они проникают в самую сокровенную глубину. К таким си-

туациям относится, например, *любовь*, ее страсть и ее опасность. Любовь может вызвать к проявлению непредвиденные силы души, и к этому следовало бы быть более подготовленными. «Religio» как «добросовестное принятие во внимание» неизвестных опасностей и сил становится здесь актуальной проблемой. Любовь, со всей ее роковой силой, может возникнуть из одной лишь проекции: нечто такое, что могло бы силой ослепляющей иллюзии вырвать нашу пациентку из ее естественной жизни. Что же овладеет видевшей сон — добро или зло, бог или дьявол? Не зная этого, она уже чувствует себя брошенной на произвол судьбы. И кто знает, будет ли она способна перерасти это осложнение? До сих пор она по мере сил избегала этой возможности, и вот теперь эта возможность грозит захватить ее. Это риск, от которого следовало бы удирать, а если уж приходится на него идти, то для этого требуется, как говорят, большое «доверие к богу», или «вера» в благополучный исход. Так, нежданно-негаданно, примешивается здесь проблема религиозной позиции по отношению к судьбе.

Судя по сновидению, пациентке вначале ничего другого не остается, кроме как осторожно вытащить ногу из воды; ибо идти дальше было бы опасно. Она еще не может выйти за пределы невротической ситуации, так как сновидение пока не дает ей никакого позитивного намека на помощь со стороны бессознательного. Бессознательные силы пока еще не благосклонны и явно ожидают дальнейшей работы и более глубокой проницательности со стороны видевшей сон, прежде чем она действительно сможет рискнуть совершить переход.

Этим отрицательным примером я отнюдь не хотел создать впечатление, что бессознательное во всех случаях играет негативную роль. Поэтому я приведу еще два сновидения одного молодого человека¹¹, которые освещают другую, более благоприятную сторону бессознательного. Я делаю это тем более охотно, что решение проблемы противоположности возможно лишь на

¹¹ Эти сновидения разбираются также в: *Die Bedeutung des Unbewußten für die individuelle Erziehung*, 1928. Ges. Werke, Bd. 17, Paragr. 266 ff.

иррациональном пути, намеченном сновидениями, этими проявлениями бессознательного.

Сначала я должен немного познакомить читателя с личностью видевшего сны, ибо без такого знакомства едва ли возможно вникнуть в своеобразное содержание и настроение этих снов. Есть сновидения, которые представляют собой самые настоящие произведения поэзии и которые поэтому могут быть поняты только исходя из общего настроения. Наш сновидец — молодой человек чуть старше двадцати лет, еще совсем мальчишеского вида. Его облик и все его манеры носят даже оттенок чего-то девического. В них чувствуется очень хорошая образованность и воспитание. Он интеллигентен и имеет выраженные интеллектуальные и эстетические интересы. Эстетическая сторона при этом явно преобладает. Непосредственно ощущается его хороший вкус и тонкое понимание всех форм искусства. Жизнь его чувств нежна и мягка, слегка мечтательна, носит характер переходного возраста, женственной, однако, природы. Нет ни следа свойственной переходному возрасту грубости. Без сомнения, он слишком юн для своего возраста; налицо, таким образом, случай замедленного развития. С этим согласуется и то, что он пришел ко мне в связи с проблемой гомосексуальности. Однажды ночью, еще до того, как впервые явиться ко мне, он видел такой сон: *«Я нахожусь в просторном, наполненном таинственным полумраком соборе. Это — Лурдский собор. В середине расположен глубокий, темный колодец, в который я должен спуститься».*

Как мы видим, это сновидение представляет собой связное выражение некоторого определенного настроения. Замечания видевшего сон таковы: «Лурд — это мистический целительный источник. Я, естественно, вчера думал о том, что нуждаюсь в исцелении и что я буду лечиться у Вас. В Лурде есть такой источник. Это, очевидно, неприятно — погружаться в эту воду. Колодец, расположенный в церкви, был, однако, очень глубоким».

О чем же говорит это сновидение? Оно кажется вполне ясным, и можно было бы удовлетвориться, поняв его как своего рода поэтическое выражение бывшего накануне настроения. Но этим, однако, никогда

не следует удовлетворяться, ибо, как показывает опыт, сновидения на самом деле гораздо глубже и значительнее. Почти напрашивается мысль о том, что видевший сон пришел к врачу, находясь в некотором поэтическом настроении, чтобы предаться лечению, подобно торжественному действу богослужения в мистической полутьме некоего таинственного благодатного места. Однако это абсолютно не соответствует фактической действительности. Пациент пришел к врачу лишь затем, чтобы лечиться от одной неприятной вещи, а именно — от гомосексуальности. Ничего нет менее поэтичного. Во всяком случае, из фактического настроения предшествовавшего дня нельзя усмотреть, почему ему должен был присниться столь поэтический сон, если уж угодно принять столь прямую каузальную обусловленность возникновения сновидения. Однако, может быть, и можно допустить, что все же именно впечатление от этого в высшей степени непоэтического обстоятельства, побудившего пациента прийти ко мне на лечение, было тем, что дало толчок для этого сновидения. Можно было бы, например, предположить, что как раз в силу непоэтичности своего вчерашнего настроения он видел преувеличенно поэтический сон, подобно тому как человек, постившийся днем, ночью видит во сне роскошные яства. Нельзя отрицать, что в сновидении воспроизводится мысль о лечении, об исцелении и о неприятной процедуре, однако — в преобразованном виде, т. е. в форме, которая наиболее действенным образом удовлетворяет живой эстетической и эмоциональной потребности нашего сновидца. Его, вероятно, непреодолимо притягивал к себе этот заманчивый образ, несмотря на то что колодец был темным, глубоким и холодным. Кое-что из настроения этого сновидения могло даже оказаться более длительным, чем сам сон, и сохраниться до утра того дня, когда ему пришлось взять на себя неприятную и непоэтическую обязанность. Серая действительность приобрела, возможно, легкий золотистый оттенок, ставший отблеском тех чувств, которые владели им в сновидении.

Может быть, это и есть цель этого сновидения? Это не было бы невозможно, ибо мой опыт показывает, что большинство сновидений имеют *компенсаторную*

природу¹². Они акцентируют в каждом случае противоположную сторону с целью сохранения душевного равновесия. Компенсация настроения не является, однако, единственной целью образа сновидения. В сновидении наличествует также некоторая *корректировка представления*. У пациента не было сколько-нибудь отчетливых представлений о том лечении, которому он собирался подвергнуться. Сновидение же дает ему некоторый образ, который в виде поэтической метафоры обозначает сущность предстоящего лечения. Это сразу станет ясно, если мы дальше проследим за его идеями и замечаниями по поводу образа собора. «При мысли о "соборе", — говорит он, — мне представляется Кёльнский собор. Он много занимал меня уже в ранней юности. Я вспоминаю, что впервые мне о нем рассказала моя мать. Вспоминаю также, что при виде какой-нибудь сельской церкви я спрашивал, не это ли, наконец, Кёльнский собор. Я хотел стать священником в таком соборе».

Здесь пациент описывает одно весьма существенное раннее переживание. Как бывает почти во всех случаях такого рода, он особенно тесно привязан к матери. Под этим, разумеется, не следует понимать какое-то особенно чуткое или интенсивное, *сознательное* отношение к матери, а скорее нечто вроде тайной, подземной связи, которая в сознании, возможно, выражается лишь в замедлении развития характера, т. е. в некотором относительном инфантилизме. Развитие личности, естественно, стремится уйти от такой бессознательной, инфантильной привязанности, ибо ничто так не препятствует развитию, как закоснение в некотором бессознательном — или психически эмбриональном — состоянии. Инстинкт поэтому хватается за ближайшую возможность замещения матери некоторым другим объектом. Этот объект должен в известном смысле представлять собой некоторую аналогию матери, с тем чтобы он действительно мог ее заместить. И вот это в полной мере действительно имеет место в случае нашего пациента. Интенсивность, с которой детская фантазия ухватывается за символ Кёльнского собора, соот-

¹² Понятие компенсации широко применялось уже Альфредом Адлером.

ветствует сильной бессознательной потребности найти некий эрзац матери. Эта бессознательная потребность еще больше усиливается в том случае, когда инфантильная привязанность грозит вредными последствиями. Отсюда — тот энтузиазм, с которым его детская фантазия ухватилась за представление о церкви; ибо церковь в полнейшем смысле слова и во всех значениях есть некоторая Мать. Говорят не только о «Матери-церкви», но также о ее лоне; в католической церемонии «*benedictio fontis*»^{*} купель называют «*immaculatus divini fontis uterus*» (непорочное лоно божественного источника). Мы, пожалуй, сказали бы так: чтобы это значение играло действительную роль в фантазии человека, он должен осознавать его; кроме того, невозможно, чтобы несмышленный ребенок мог быть захвачен этими значениями. Разумеется, такие аналогии действуют не через сознание, а совсем иным путем.

А именно: церковь представляет собой более высокую духовную замену для чисто природной, так сказать, «телесной» привязанности к родителям. Она тем самым освобождает индивидуумов от бессознательного, естественного отношения, которое, строго говоря, вообще не есть отношение, а состояние первоначального, бессознательного тождества; это состояние в силу своей бессознательности обладает необычайной косностью, которая оказывает величайшее сопротивление всякому более высокому духовному развитию. Едва ли также можно было бы указать, чем такое состояние существенно отличалось бы от животной души. Однако стремление к высвобождению индивидуума из первоначального, животноподобного состояния и обеспечение такого освобождения отнюдь не составляет прерогативу христианской церкви, а есть современная, в особенности западноевропейская форма некоторого инстинктивного стремления, которое, возможно, столь же старо, как и человечество вообще. Это стремление в самых различных формах можно обнаружить, так сказать, у всех хоть сколько-нибудь развитых и еще не дегенерировавших снова первобытных народов: это — институт

^{*} «Благословения источник» {лат.}. (Католический обряд. Соответствует православному обряду «водоосвящения».)

инициации, или посвящение в мужчины. По достижении половой зрелости юношу уводят на место сбора взрослых мужчин или в какое-нибудь другое место посвящения, где его систематическим образом отчуждают от семьи. Вместе с тем его посвящают в религиозные таинства и таким образом включают не только в совершенно новые отношения, но и — как обновленную и измененную личность, как «*quasi modo genitus*» (как бы заново рожденного) — включают в некий новый мир. Инициация нередко связана со всяческими мучительными испытаниями, нередко также с обрезанием и т. п. Эти обычаи, без сомнения, очень древние. Они стали почти инстинктивным механизмом, так что постоянно воспроизводят себя и без внешнего принуждения, подобно тому как это происходит при «посвящении в первокурсники» в студенческих корпорациях или в заходящих еще дальше посвящениях, практикуемых в американских студенческих обществах. Они запечатлены в бессознательном в качестве *изначального образа*.

Этот праобраз был затронут и пробужден к жизни, когда мать рассказывала маленькому мальчику о Кёльнском соборе. Но у него не нашлось духовного наставника, который развил бы это начало. Оно осталось в руках матери. Возможно, однако, что тоска по мужчине, который вел бы его за собой, получила у мальчика дальнейшее развитие, принявшее, правда, ущербную форму некоторой гомосексуальной склонности, чего, возможно, не произошло бы, если бы в свое время его детскую фантазию направлял мужчина. Отклонение в сторону гомосексуальности имеет, во всяком случае, немало исторических образцов. В Древней Греции, равно как и в некоторых других древних сообществах, гомосексуальность и воспитание, так сказать, совпадали. В этом отношении юношеская гомосексуальность — это некоторая хотя и превратно понятая, но тем не менее целесообразная потребность в мужчине. Вероятно, можно было бы также сказать, что коренящийся в материнском комплексе страх инцеста вообще распространяется на женщин; мне тем не менее кажется, что незрелый мужчина имеет полное право испытывать страх перед женщинами, ибо его отношения с ними, как правило, оказываются неудачными.

В соответствии со смыслом сновидения начало лечения означает для пациента реализацию смысла его гомосексуальности, а именно — введение в мир взрослого мужчины. То, что нам здесь приходится разбирать — чтобы полностью понять это — с помощью трудоемких и пространных рассуждений, сновидение сжало в несколько выразительных метафор и тем самым создало образ, оказывающий несравненно большее воздействие на фантазию, чувства и разум, чем какое-либо ученое исследование. Тем самым пациент оказался гораздо лучше и остроумнее подготовленным к лечению, чем это можно было бы сделать с помощью самого большого собрания медицинских и педагогических научных положений. (Поэтому я ценю сновидение не только как важный источник информации, но и чрезвычайно действенный инструмент воспитания или лечения.)

Теперь следует второе сновидение. Сразу оговоримся, что сновидение, которое мы только что разбирали, не обсуждалось во время первой консультации. Оно даже не было упомянуто. Не было произнесено также и в остальном ни одного слова, которое стояло хотя бы в самой отдаленной связи с вышеуказанным. Второе сновидение таково: *«Я нахожусь в большом готическом соборе. У алтаря стоит священник. Я вместе со своим другом стою перед ним и держу в руке маленькую японскую фигурку из слоновой кости, с таким чувством, как будто бы над ней надо было совершить обряд крещения. Вдруг появляется некая немолодая дама, снимает у моего друга с руки цветное кольцо и надевает его себе. Мой друг опасается, что это каким-то образом может связать его. Но в этот момент раздается чудесная органная музыка».*

Я здесь хочу лишь кратко выделить те пункты, которые продолжают и дополняют прежнее сновидение. Второе сновидение явно примыкает к первому и связано с ним. Опять наш сновидец оказывается в церкви и, таким образом, в состоянии посвящения в мужчины. Прибавилась, однако, новая фигура: священник, об отсутствии которого в прежней ситуации мы уже говорили. Сновидение, таким образом, подтверждает, что бессознательный смысл его гомосексуальности реализован

и тем самым открыта возможность для дальнейшего развития. Теперь может начаться подлинное действие посвящения, а именно — крещение. В символике сновидения подтверждается то, что" я сказал раньше: осуществление таких переводов и душевных преобразований не является прерогативой христианской церкви, но за этим стоит исконный, живой образ, который при известных обстоятельствах также может с необходимостью вызывать такие превращения.

То, над чем в сновидении должен был быть совершен обряд крещения,— это маленькая японская фигурка из слоновой кости. По этому поводу пациент высказывает следующее замечание: «Это был маленький, карикатурного вида человечек, который мне напоминает мужской половой член. Во всяком случае, удивительно, что этот член следовало окрестить. Однако ведь у иудеев обрезание представляет собой также своего рода обряд крещения. Это, возможно, относится к моей гомосексуальности; ибо друг, стоявший со мной перед алтарем,— это тот, к кому я гомосексуальным образом привязан. Он находится в такой же связи со мной. Цветное кольцо, очевидно, выражает нашу связь».

Известно, что обычно кольцо имеет значение некоторой связи или отношения, как, например, обручальное кольцо. Мы можем поэтому в данном случае уверенно считать кольцо метафорой для выражения гомосексуального отношения, равно как и тот факт, что видевший сон выступает здесь вместе со своим другом, обозначает то же самое.

Недуг, который должен быть исцелен,— это гомосексуальность. Наш сновидец из этого относительно детского состояния посредством церемонии квазиобрезания с помощью священника должен быть переведен во взрослое состояние. Эти мысли точно соответствуют моим рассуждениям по поводу предшествующего "сновидения. Итак, таким образом развитие логично и осмысленно нашло бы свое продолжение с помощью , архетипических представлений. Но тут, как кажется, «появилась некоторая помеха. Некая дама в годах неожиданно присваивает себе цветное кольцо; иными словами, то, что прежде было гомосексуальным отношением, она теперь перетягивает на себя, почему ви-

девший сон опасается, что он вступил в некоторое новое обязывающее отношение. Так как кольцо находится теперь на руке женщины, то тем самым был как бы заключен своего рода брак, т. е. гомосексуальное отношение перешло бы в отношение гетеросексуальное, однако последнее было бы не совсем обычным, ибо речь идет о немолодой даме. «Это,— говорит пациент,— подруга моей матери. Я ее очень люблю; она мне, собственно, как бы и мать, и подруга».

Из этого высказывания мы можем понять, что же произошло в сновидении. Благодаря посвящению расторгается гомосексуальная связь и вместо нее устанавливается гетеросексуальное отношение, вначале это ~ платоническая дружба с женщиной, похожей на мать. Несмотря на сходство с матерью, эта женщина, однако, уже не мать. Отношение к этой женщине означает, таким образом, шаг, выводящий за пределы сферы влияния матери, и тем самым частичное преодоление гомосексуальности переходного возраста.

Страх перед новой связью легко понять, во-первых, как страх, внушаемый сходством этой женщины с матерью,— это могло бы означать, что посредством разрушения гомосексуального отношения видевший сон теперь снова полностью возвращается к матери,— а во-вторых, как страх перед тем новым и неизвестным, что заключает в себе взрослое гетеросексуальное состояние с его возможными обязанностями, такими, например, как брак, и т. д. То, что это, пожалуй, не шаг назад, а шаг вперед, подтверждается, по-видимому, раздающейся теперь музыкой. Дело в том, что пациент очень музыкален и его чувства особенно легко поддаются воздействию торжественной органной музыки. Музыка означает поэтому для него весьма позитивное чувство, в данном случае это примирительный исход сновидения, что опять-таки, в свою очередь, способно на следующее утро оставить после себя некое прекрасное, торжественное чувство.

Если теперь обратить внимание на тот факт, что пациент до этого момента виделся со мной лишь на одной консультации, причем дело ограничилось лишь общим врачебным анамнезом, то нельзя не согласиться с моим мнением, что оба сновидения представляют со-

бой удивительные антиципации. С одной стороны, они проливают на ситуацию пациента весьма своеобразный и чужеродный по отношению к сознанию свет; с другой стороны, этот свет придает банальной медицинской ситуации такой аспект, который как нельзя лучше соответствует духовным особенностям пациента и поэтому может активизировать его эстетические, интеллектуальные и религиозные интересы. Тем самым для лечения были созданы самые благоприятные предпосылки. Смысл этих сновидений почти производит впечатление, будто пациент направился на лечение с величайшей готовностью и радостной надеждой, будучи совершенно готовым к тому, чтобы сбросить с себя свою детскость и стать мужчиной. В действительности же это было не так. В своем сознании он был исполнен колебаний и сопротивления; также и в дальнейшем ходе лечения он постоянно оказывал сопротивление, демонстрируя тяжелый характер и постоянную готовность к тому, чтобы снова впасть в свою прежнюю инфантильность. Сновидения находятся поэтому в прямой противоположности по отношению к его сознательному поведению. Они идут по прогрессивной линии и принимают сторону воспитателя. Они отчетливо демонстрируют свою своеобразную функцию. Я назвал эту функцию *компенсацией*. *Бессознательная прогрессивность и сознательная реакционность образуют пару противоположностей, которая, так сказать, удерживает равновесие.* Влияние воспитателя играет решающую роль.

В случае этого молодого человека образы коллективного бессознательного играют в высшей степени позитивную роль, что, очевидно, происходит оттого, что у него отсутствует опасная склонность снова возвращаться к порожденному фантазией эрзацу действительности и отгораживаться им от жизни. Действие бессознательных образов имеет в себе нечто от судьбы. Возможно — кто знает! — эти вечные образы и есть то, что называют судьбой.

Архетип, разумеется, всегда и везде находится в действии. Однако практическое лечение — особенно у молодых людей — не всегда требует того, чтобы совместно с пациентом каким-либо образом подробно в это углубляться. В период жизненного поворота, напротив,

необходимо уделять образам коллективного бессознательного особое внимание, ибо здесь они представляют собой источник, из которого можно черпать указания к разрешению проблемы противоположности. Из сознательной обработки этих данных получается трансцендентная функция как формирование восприятия, опосредствованного архетипами и объединяющего противоположности. Под «восприятием» я имею в виду не просто интеллектуальное понимание, а *понимание через переживание*. Архетип, как уже было сказано, есть *динамический образ*, часть объективной психики, которую понимают правильно лишь тогда, когда переживают ее в качестве равного партнера.

Общее описание этого процесса, который протекает длительное время, лишено смысла — даже если бы такое описание было возможным, — поскольку у отдельных индивидуумов он может принимать самые различные формы. Единственное, что является общим, — это проявление определенных архетипов. Упомяну, в частности, такие образы, как Тень, зверь, старый мудрец, анима, анимус, мать, ребенок, а также неопределенное множество архетипов, выражающих ситуации. Особое место занимают те архетипы, которые выражают цель или цели процесса развития. Необходимую информацию об этом читатель найдет в моих работах «Символы сновидения в процессе индивидуации»¹³, «Психология и религия», а также в сочинении, изданном мною совместно с Рихардом Вильгельмом, «Тайна Золотого Цветка»¹⁴.

Трансцендентная функция действует не бесцельно, а ведет к откровению сущностного ядра человека. При первом рассмотрении она есть чисто природный процесс, который при определенных обстоятельствах протекает без ведома и содействия индивидуума и может даже насильственно реализовывать себя вопреки его противодействию. *Смысл и цель данного процесса — осуществление (первоначально заложенной в эмбрионе) личности во всех ее аспектах. Это — восстановление и развертывание изначальной, потенциальной целостно-*

¹³ In *Psychologie und Alchemie*, 1952. Ges. Werke, Bd. 12.

¹⁴ *Ges. Werke, Me. 11 und 13.*

ети. Символы, которые для этого применяет бессознательное,— не что иное, как образы, которые издавна употребляло человечество для выражения целостности, полноты и совершенства; как правило, это — *символы четверичности и круга.* Этот процесс я называю *процессом индивидуации.*

Природный процесс индивидуации стал для меня моделью и путеводной нитью метода лечения. Бессознательная компенсация невротического состояния сознания содержит все те элементы, которые могли бы действенным и исцеляющим образом корректировать односторонность сознания, если бы они были осознаны, т. е. поняты, и в качестве реальностей интегрированы в сознание. Лишь в очень редких случаях сновидение достигает такой интенсивности, что благодаря шоку сознание оказывается как бы выброшенным из седла. Как правило, сновидения слишком слабы и слишком непонятны, чтобы оказывать на сознание основательное воздействие. Вследствие этого компенсация в бессознательном не имеет непосредственного эффекта. Тем не менее она оказывает свое действие, но действие это носит косвенный характер, причем при постоянном игнорировании бессознательная оппозиция выстраивает симптомы и ситуации, которые в конечном счете неумолимо перечеркивают интенции сознания. Лечение поэтому стремится к тому, чтобы как можно вернее понять и оценить сновидения и прочие манифестации бессознательного: с одной стороны, чтобы воспрепятствовать формированию становящейся со временем опасной бессознательной оппозиции, а с другой — чтобы по возможности использовать лечебный фактор компенсации.

Этот образ действий основывается, естественно, на предпосылке, что человек в состоянии прийти к своей целостности, иными словами, что он вообще способен выздороветь. Я упоминаю об этой предпосылке потому, что, без сомнения, существуют индивиды, которые, в сущности, не в полной мере жизнеспособны и быстро погибают, когда им по какой-либо причине приходится сталкиваться со своей целостностью. Если же этого столкновения не происходит, то они могут влачить свое существование вплоть до самого преклонного воз-

раста, однако лишь в качестве неких фрагментов, или частичных личностей, поддерживаемые средствами социального или психического паразитизма. Такие люди, главным образом к несчастью других, часто являются по существу отъявленными очковтирателями, которые некоей прекрасной видимостью прикрывают свою смертельную пустоту. Было бы безнадежным начинанием пытаться лечить их с помощью обсуждаемого здесь метода. Здесь «помогает» лишь поддержание видимости, так как истина была бы невыносима или же бесполезна.

Когда лечение происходит указанным образом, то ведущая роль принадлежит бессознательному, на долю же сознания приходятся критика, выбор и решение. Если решение оказалось правильным, то это подтверждается посредством сновидений, которые указывают направление дальнейшего движения вперед; в другом случае следует корректировка со стороны бессознательного. Ход лечения представляет собой, таким образом, нечто вроде продолжающегося разговора с бессознательным. То, что правильному истолкованию сновидений при этом отводится главная роль, должно быть достаточно ясно из сказанного. Но в каком случае, по праву спросит читатель, мы можем быть уверены в правильности истолкования? Существует ли хоть сколько-нибудь надежный критерий правильности интерпретации? На этот вопрос, к счастью, можно ответить утвердительно. Если наше истолкование оказалось ошибочным или неполным, то мы при случае можем определить это уже по следующему сновидению. Так, например, либо прежний мотив снова повторяется в более отчетливом варианте, либо наше истолкование обесценивается какой-нибудь иронизирующей парафразой, либо проявляется прямая, ожесточенная оппозиция по отношению к нему. Если теперь предположить, что и новые наши истолкования оказались неудачными, то общая безрезультатность и тщетность нашей процедуры скоро дадут себя почувствовать в бессодержательности, бесплодности и бессмысленности предпринятия, так что и врач, и пациент скоро ощутят удушливую атмосферу скуки или сомнения. Подобно тому как правильное истолкование вознаграждается

оживлением, так истолкование ошибочное наказывается застоем, сопротивлением, сомнением и прежде всего взаимным опустошением. Разумеется, перебои могут возникать также из-за сопротивления пациента, например если он упорно продолжает придерживаться изживших себя иллюзий или инфантильных запросов. Бывает, что и врачу не хватает должной проницательности, как это однажды произошло у меня с одной весьма интеллигентной пациенткой, чей случай мне по ряду причин казался подозрительным. Хотя начало было вполне удовлетворительным, но в дальнейшем у меня нарастало чувство, что мое истолкование ее сновидений почему-то оказывается не совсем правильным. Мне, однако, не удалось обнаружить источник заблуждения, и я поэтому попытался отогнать от себя сомнение. На консультациях я тем не менее стал замечать нарастающую бессодержательность разговора и постепенно становящуюся все более ощутимой зияющую безрезультатность. Наконец я решился при первом же удобном случае сообщить об этом пациентке, которая, как мне казалось, и сама обратила внимание на это обстоятельство. Однако накануне ночью я увидел такой сон: *«Я брел по проселочной дороге через освещенную лучами вечернего солнца долину. Справа на крутом холме стоял зймок, а на самой высокой его башне на чем-то вроде балюстрады сидела женщина. Чтобы лучше разглядеть ее, мне пришлось так запрокинуть голову назад, что я проснулся с чувством судорожного напряжения в затылке. Еще во сне я узнал в той женщине свою пациентку*»*.

Из этого я сделал вывод, что если в том сновидении мне пришлось поднимать взгляд так высоко, значит, в действительности я, очевидно, смотрел на пациентку как бы сверху вниз. Когда я рассказал ей о своем сновидении и о своем истолковании его, ситуация немедленно коренным образом изменилась и начался прогресс в лечении, который превзошел все ожидания. Подобного рода опыт в конечном счете — после того как достаточно дорого заплачено за обучение — помогает обрести прочное убеждение в достоверности компенсаций сновидения.

Богатой проблематике этого метода лечения были

посвящены мои работы и исследования последних десятилетий. Так как в настоящем изложении *комплексной психологии*¹⁵ — как я предпочитаю называть свои теоретические опыты — я стремился дать лишь общую ориентацию, то здесь не было детального изложения широко разветвляющихся научных, философских и религиозных импликаций. По этому вопросу я предлагаю своему читателю обратиться к упомянутой выше литературе.

¹⁵ Сегодня она называется аналитической психологией. См.: Т. Wolff, *Einführung in die Grundlagen der komplexen Psychologie*, in: *Studien zu C.G. Jungs Psychologie*. 1959.

VIII

К ВОПРОСУ О БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ТЕРАПИИ

Глубоко ошибается тот, кто полагает, будто бессознательное есть нечто безобидное и может быть предметом игры и развлечения. Разумеется, бессознательное опасно не при всех обстоятельствах; но как только возникает невроз, это значит, что в бессознательном произошло особое накопление энергии, а именно — своего рода заряд, который может взорваться. Здесь необходима осторожность. Когда мы начинаем анализировать сновидения, то сначала не знаем, что мы тем самым вызываем к действию. Возможно, тем самым мы приводим в движение нечто внутреннее и незримое; весьма вероятно, что это нечто такое, что позднее так или иначе вышло бы на свет, а может быть, напротив, оно так никогда бы и не проявилось. Это подобно тому, как если бы мы копали артезианский колодец, рискуя при этом натолкнуться на вулкан. Если налицо невротические симптомы, то нужно действовать с осторожностью. Тем не менее невротические случаи далеко не самые опасные. Дело в том, что порой встречаются по видимости нормальные люди, которые не выказывают никаких особенных невротических симптомов — возможно, это сами же врачи и воспитатели, — которые даже гордятся своей нормальностью, являются образцами хорошего воспитания и к тому же обладают в высшей степени нормальными взглядами и жизненными привычками, нормальность которых, однако, есть не что иное, как *искусственная*

компенсация некоторого латентного (скрытого) психоза. Сами они отнюдь не догадываются о своем состоянии. Их догадка, пожалуй, выражается лишь косвенно в том, что они питают особый интерес к психологии и психиатрии, подобные вещи привлекают их, как бабочек свет. Но так как аналитическая техника активизирует бессознательное и заставляет его проявляться, то она в таких случаях разрушает благотворную компенсацию, и бессознательное прорывается наружу в форме уже не поддающихся сдерживанию фантазий и следующих за ними состояний возбуждения, которые при определенных обстоятельствах прямо ведут к душевному заболеванию или могут еще раньше при случае побудить к самоубийству. Эти латентные психозы, к сожалению, не так уж редки.

Опасность столкнуться с подобными случаями угрожает всякому, кто занимается анализом бессознательного, даже если он с избытком обладает опытом и умением. Неловкостью, ошибочными взглядами, произвольными интерпретациями и т. п. можно испортить дело и в тех случаях, которые не обязательно должны были закончиться плачевно. Это, правда, не является спецификой анализа бессознательного, а характерно для любого врачебного вмешательства, когда оно оказывается неудачным. Утверждение, будто анализ сводит людей с ума, разумеется, столь же нелепо, как и распространенная идея, что врач-психиатр благодаря своим занятиям с душевнобольными необходимым образом должен и сам спятить.

Но даже если оставить в стороне опасности, на которые рискует натолкнуться лечение, то необходимо признать, что бессознательное может быть опасным и само по себе. Одной из самых распространенных форм опасности являются причины, провоцирующие несчастные случаи. Гораздо большее, чем публика могла бы подозревать, число разного рода несчастных случаев вызвано причинами психического порядка, начиная с таких маленьких несчастий, как спотыкание, столкновение, обжигание пальцев и т. д., и вплоть до автомобильных катастроф и несчастных случаев в горах: все это может иметь причину психического порядка и подчас готовится за недели или за месяцы до происше-

ствия. Я изучал многие случаи такого рода и часто отмечал сновидения, которые уже за недели указывали на появление тенденции к нанесению себе вреда. Все те несчастные случаи, которые произошли из-за так называемой невнимательности, следовало бы проверить на предмет такого рода обусловленности. Известно ведь, что, когда человек по какой-либо причине бывает не очень собран, он совершает не только мелкие или более значительные глупости, но с ним происходят также и более опасные вещи, которые в один психологически подходящий момент могут даже привести к смерти. Народная мудрость гласит: «Имярек умер вовремя», — исходя из верного ощущения тайной психологической каузальности события. Подобным образом могут вызываться или же затягиваться телесные заболевания. Неправильное функционирование психики может нанести телу значительный вред, равно как и наоборот, телесный недуг может нанести также ущерб и душе; ибо душа и тело не есть нечто раздельное, а скорее одна и та же жизнь. Поэтому редко встречается телесная болезнь, которая не сопровождалась бы душевными осложнениями, даже если она и не обусловлена психически.

Однако было бы несправедливо, если бы мы выделили только неблагоприятную сторону бессознательного. Во всех обычных случаях бессознательное оказывается неблагоприятным и опасным лишь потому, что мы находимся в разладе с ним и потому противопоставляем себя ему. Отрицательная установка по отношению к бессознательному (и соответственно отделение его) вредна постольку, поскольку его динамика *тождественна энергии инстинктов*¹. Отсутствие связи с бессознательным равнозначно лишенности инстинктов и корней.

Если удастся восстановить ту функцию, которую я назвал трансцендентной, то разъединенность снимается, и тогда можно пользоваться благоприятной стороной бессознательного. Дело в том, что тогда бессознательное оказывает всю поддержку и помощь, которую в

¹ См. *Instinkt und Unbewusstes*, in: *Ober psychische Energetik und das Wesen der Tume*, 1948, p. 261 ff. Ges. Werke, Bd. 8. Paragr. 263 ff.

переливающейся через край полноте может предоставить человеку милосердная природа. Оно ведь обладает возможностями, которые закрыты для сознания, ибо в его распоряжении находятся все подпороговые (сублиминальные) психические содержания, все забытое и упущенное из виду и к тому же мудрость опыта бесчисленных тысячелетий, которая запечатлена в его архетипических структурах.

Бессознательное находится в постоянной активности и создает комбинации своих содержаний, которые служат определению будущего. Оно продуцирует сублиминальные, прогнозирующие комбинации столь же успешно, как и наше сознание; только они значительно превосходят сознательные комбинации по своей тонкости и значимости. Бессознательное может поэтому быть для человека не имеющим себе равных вождем, если только человек не дает сбить себя с правильного пути.

Практическое лечение соизмеряется с достигнутым терапевтическим результатом. Результат может наступить, так сказать, на любом этапе лечения, совершенно независимо от тяжести или длительности заболевания. И наоборот, лечение какого-либо тяжелого случая может продолжаться очень долго, хотя при этом и не достигаются более высокие ступени развития или же нет необходимости в таком достижении. Довольно многие даже после того, как терапевтический результат достигнут, в целях своего собственного развития проходят дальнейшие ступени изменения. Дело, таким образом, не обстоит так, что нужно уже быть тяжело больным для того, чтобы пришлось пройти весь путь развития. Но при любых обстоятельствах лишь те люди достигают более высокой степени сознательности, которые с самого начала предназначены и призваны к этому, т. е. обладают способностью и имеют влечение к более высокой дифференциации. В этом отношении люди, как известно, сильно отличаются друг от друга, подобно тому как и среди животных есть консервативные и эволюционирующие виды. Природа аристократична, однако не в том смысле, что сохраняет возможность дифференциации лишь за видами, стоящими на высокой ступени развития. Так же дело обстоит и с воз-

возможностью психического развития: *она предоставлена отнюдь не только особо одаренным индивидам*. Иными словами, для того чтобы пройти значительный путь развития, не требуется ни особого интеллекта, ни каких-либо других талантов; ибо в этом развитии моральные качества могут играть компенсирующую роль в тех случаях, когда интеллект оказывается недостаточным. Ни в коем случае не следует думать, будто лечение состоит в том, чтобы вбивать людям в голову общие формулы и сложные научные положения. Об этом не может быть и речи. Каждый может по-своему и на доступном ему языке овладеть тем, в чем он нуждается. То, что я изложил здесь,— это интеллектуальная формулировка; это, однако, не совсем то, что обсуждается в обычной практической работе. Вплетенные мною в изложение небольшие фрагменты, где приводится описание некоторых клинических случаев, дают уже более точное представление о практике.

Если читатель после всего того, что было описано в предшествующих главах, не будет чувствовать себя способным составить себе ясное представление о теории и практике современной медицинской психологии, то это меня не очень удивит; я скорее отнес бы это на счет несовершенства моих изобразительных способностей, так как мне с трудом удастся собрать в единый наглядный образ ту необозримую целостность мыслей и переживаний, которая является предметом врачебной психологии. Истолкование сновидения, возможно, на бумаге выглядит произвольным, неясным и искусственным; но на самом деле это может быть маленькой драмой непревзойденной реалистичности. *Пережить* сновидение и его истолкование — это нечто совсем иное, нежели получить его жалкое отображение на бумаге. В этой психологии все есть, в сущности, переживание; даже теория — и в тех случаях, когда она выражается в самой абстрактной форме,— непосредственно исходит из пережитого. Если я, например, обвиняю фрейдовскую сексуальную теорию в односторонности, то это не означает, что она базируется на беспочвенной спекуляции; напротив, она тоже представляет собой верное отображение действительных фактов, которые практический опыт не может игнорировать. И если

выводы из них перерастают в одностороннюю теорию, то это лишь показывает, какой силой убеждения — как объективно, так и субъективно — обладают эти факты. Едва ли можно требовать от отдельного исследователя, чтобы он возвысился над своими собственными глубочайшими впечатлениями и их абстрактной формулировкой; ибо приобретение впечатлений, равно как и мыслительное овладение ими, — это само по себе уже дело всей жизни. У меня как перед Фрейдом, так и перед Адлером было большое преимущество: мое развитие происходило не в русле психологии неврозов с ее односторонностями; я пришел из психиатрии, будучи с помощью Ницше хорошо подготовлен для восприятия современной психологии, и помимо фрейдовской концепции имел возможность наблюдать становление взглядов Адлера. Тем самым я был, так сказать, с самого начала вовлечен в конфликт и вынужден не только чужие, но и свои собственные мнения рассматривать как *относительные* или соответственно как проявления определенного психологического типа. Подобно тому как для Фрейда решающим был упомянутый случай Брейера, так и в основе моих взглядов лежит одно имевшее определяющее значение переживание: будучи студентом, во время клинических семестров я довольно длительное время наблюдал случай сомнамбулизма у одной молодой девушки. Этот случай стал темой моей докторской диссертации². Знатоку моей научной продукции будет небезынтересно сравнить эту написанную более 40 лет назад работу с моими более поздними идеями.

Работа в этой области — это работа первопроходца. Я часто ошибался и не раз должен был переучиваться. Однако я знаю и потому примирился с тем, что подобно тому как лишь из ночи возникает день, так и истина выходит из заблуждения. Я рассматривал как предостережение слова Гийома Ферреро³ о «*miserable vanite*

² *Zur Psychologie und Pathologie sogenannter occulter Phenomene*, 1902. Ges. Werke, Bd. 1.

³ *Les lots psychologiques du symbolisme*, 1895, p. VIII: «C'est donc un devoir moral de l'homme de science de s'exposer a commettre des erreurs et a subir des critiques, pour que la science avance toujours... Ceux qui sont doues d'un esprit assez serieux pour ne pas croire que tout ce qu'ils ecrivent est l'expression de la

du savant»* и поэтому никогда не боялся ошибок и всерьез не раскаивался в них. Ибо научно-исследовательская деятельность никогда не была для меня дойной коровой или средством приобретения престижа, а была вынужденным, нередко горьким разбирательством, необходимость которого диктовалась повседневным психологическим опытом работы с больными. Поэтому не все, что я выражаю, идет от головы, но также кое-что и от сердца, и я надеюсь, что благосклонный читатель не упустит этого из виду, когда, следя за выстраиваемой рассудочной линией, будет замечать некоторые порою недостаточно сглаженные шероховатости. Гармоничное течение изложения возможно лишь тогда, когда автор пишет об уже хорошо известных ему вещах. Когда же, побуждаемый необходимостью оказать помощь и вылечить, он ищет пути, то ему приходится говорить и о таких вещах, которых он, собственно, еще не знает.

Заключение

В заключение я должен извиниться перед читателем за то, что осмелился на этих немногих страницах высказать так много нового и трудного для понимания. Я открыт для его критического суждения, ибо считаю долгом каждого, кто, обособляясь, идет своей дорогой, извещать общество о том, что он нашел в своем походе за открытиями: прохладная ли это вода для жаждущих или же песчаная пустыня бесплодного заблуждения. Одно помогает, другое предостерегает. Но не критика отдельного современника, а будущие времена будут судить об истине и заблуждении в новом открытии. Есть вещи, которые сегодня пока еще не истинны и, воз-

vente absolue et dternelle, approuveront cette throne qui place les raisons de la science bien au-dessus de la miserable vanite et du mesquin amour propre du savant» [«Рисковать совершить ошибки и подвергнуться критике, чтобы наука постоянно развивалась,— это же долг человека науки... Те, кто обладает достаточно серьезным умом, чтобы не полагать, будто все то, что **они** пишут, есть выражение абсолютной и вечной истины, одобряет эту **теорию**, которая ставит интересы науки гораздо выше жалкого тщеславия и мелкого самолюбия ученого» (*фр*)]-

* Жалком тщеславии ученого (*фр.*).

можно, еще не смеют быть истинными, но, может быть, завтра станут таковыми. Поэтому каждый, кому это предназначено судьбой, должен идти своим собственным путем, с одной лишь надеждой и с открытыми глазами человека, который осознает свое одиночество и опасность его бездонных глубин. Своеобразие описанного здесь пути в немалой мере обусловлено тем, что в психологии, коренящейся в реальной жизни и воздействующей на нее, уже нельзя ссылаться на какую-либо рассудочно-научную точку зрения, а нужно также считаться с точкой зрения чувства и, следовательно, со всем действительным содержанием души. В этой практической психологии речь идет не о какой-то всеобщей человеческой душе, а об отдельных людях со всеми теми многочисленными проблемами, которые тревожат их самым непосредственным образом. Психология, удовлетворяющая только интеллект, никогда не бывает практической, так как целостность души никогда не может быть охвачена одним лишь интеллектом. Хотим мы этого или нет, невозможно игнорировать мировоззренческий аспект, ибо душа стремится к такому выражению, которое охватывает ее целостность.